КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXIV.

1899 г.

ФЕВРАЛЬ.

Кіевъ. типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.

1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXIV.

1899 г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1899.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 28 января 1899 года.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПРОДЛЕНІИ КОНКУРСА,

НАЗНАЧЕННАГО РЕДАКЦІЕЙ „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“.

Въ январѣ 1896 года редакціей нашего журнала былъ объявленъ конкурсъ для представленія ей въ теченіе двухъ лѣтъ (по 1-е января 1898 года) обработаннаго курса Исторіи Малороссіи, объемомъ приблизительно около 25 листовъ печати. Подробныя условія конкурса и программа „Очерковъ Исторіи Малороссіи“ напечатаны были въ № 2-мъ журнала за 1896 годъ.

Въ виду того, что до 1-го января 1890 года въ редакцію не было представлено ни одного труда на означенный конкурсъ, считаемъ долгомъ заявить, что срокъ представленія сочиненій на тѣхъ-же условіяхъ продленъ теперь редакціей еще *на одинъ годъ*, т. е. *по 1 е января 1900 года.*

АРЕСТЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ВЪ 1859 ГОДУ.

(*Матеріалы для біографіи*).

Обстоятельства этого печальнаго случая, доставившаго поэту немало горькихъ минутъ и лишившаго его возможности провести на родинѣ послѣдніе дни жизни, до сихъ поръ съ точностью не выяснены. По поводу задержанія Тараса Григорьевича въ 1859 году въ литературѣ явилось нѣсколько легендарныхъ сказаній, донынѣ не опровергнутыхъ цѣликомъ. Такъ, по слухамъ, дошедшимъ до покойнаго И. С. Тургенева, Шевченко разгнѣвалъ исправника Табачникова и былъ арестованъ за то, что отказался написать портретъ его масляными красками во весь ростъ; въ м. Межиричѣ Ш. будто-бы произносилъ на базарѣ съ воза сѣна „богохульственныя" рѣчи (легенда нѣкоего М. Ф.) и т. д. Біографамъ поэта приходится критически разбирать эти легенды и изъ остатковъ дѣлать правдоподобное заключеніе (А. Я. Кониссkій, Жизнь укр. поэта Т. Г. Шевченка. Одесса, 1898. Стр. 588).

На основаніи случайно уцѣлѣвшихъ документальныхъ данныхъ есть возможность возстановить главныя обстоятельства печальнаго событія и отвести каждому изъ участниковъ его подобающее мѣсто.

Необходимо припомнить прежде всего, что дѣло „обнаружено" и двинулось по установленному порядку изъ м. Межи-

рича, принадлежавшаго въ то время польскому помѣщику Н. Парчевскому. Данныя для подозрѣній противъ Шевченка добыты отъ служащихъ Парчевскаго, совершенно такъ, какъ въ 1861 г. извѣстная тревога надъ могилой поэта [1]) была поднята тѣмъ-же Парчевскимъ. Создательно или искренно—трудно сказать, но обыватель этотъ изображалъ изъ себя въ нѣкоторомъ смыслѣ маніака. По поводу скромнаго художника Честаховскаго, занимавшагося въ 1861 г. обдѣлкой могилы Шевченка, Парчевскій писалъ кн. Лопухину: „La ville de Kaniew est le foyer d'une conspiration contre les propriétaires et Korsoun en est le succursale, il y a des agents très actifs parmi les adeptes de Schewtchénko. Nous sommes tous sur un volcan, l'ignorance ou l'indifférence de la police n'est que surprenante". И далѣе: „Il est permis à chacun de défendre, qui sait, peut-être sa vie,—le temps presse". Для характеристики этого обывателя любопытно post-scriptum къ его знаменитому письму отъ 12 іюля 1861 г.: „J'aurais demandé à ce que cette lettre soit brûlée".

И вотъ во владѣніяхъ такого-то обывателя поэтъ задумалъ найти пріютъ на родинѣ: не трудно догадаться, что̀ изъ сего произойти могло.

Дѣло было такъ.

25 мая 1859 г. петербургскій полиціймейстеръ выдалъ свидѣтельство срокомъ на 5 мѣсяцевъ „состоящему по Высочайшему повелѣнію подъ строгимъ надзоромъ полиціи, обучающемуся въ Имп. академіи наукъ и признанному нынѣ за успѣхи въ гравированіи назначеннымъ въ академики Тарасу Шевченко, отправляющемуся, съ разрѣшенія президента академіи, Ея. Имп. Выс. Вел. княгини Маріи Николаевны, въ губерніи Кіевскую, Черниговскую и Полтавскую для поправленія здоровья и рисованья этюдовъ съ натуры". Тогда же извѣщенъ объ этомъ кіевскій губернаторъ ген. лейт. Гессе, который предписалъ начальникамъ градскихъ и земскихъ полицій губерніи, по прибытіи Ш. въ ихъ вѣдомство, учредить за нимъ самый строгій надзоръ.

---

[1]) Тревога эта подробно описана И. Билыкомъ въ „Кіев. Старинѣ" 1886 г. № 4, стр. 708—729.

Къ 9 іюля Гессе получилъ извѣщеніе каневскаго земскаго исправника, что Ш. прибылъ въ м. Корсунь къ родственнику своему, елисаветградскому 3 гильдіи купцу Варѳоломею Шевченку, и что строгій секретный надзоръ учрежденъ. Ген.-лейт. Гессе подтвердилъ исправнику, чтобы онъ присылалъ по временамъ донесенія „о послѣдствіяхъ надзора" за Ш., а по выѣздѣ его доставилъ немедленно особое донесеніе о мѣстѣ, въ которое онъ выѣдетъ.

Къ 15 іюля черкасскій земскій исправникъ Табачниковъ рапортовалъ генералъ-губернатору князю И. И. Васильчикову, что 5 іюля пріѣхалъ въ м. Межиричъ Тарасъ Шевченко, „тотъ самый, который за политическія преступленія былъ отданъ въ военную службу и по увольненіи изъ оной, на основаніи послѣдовавшаго предписанія нач. губерніи, долженъ находиться подъ строгимъ секретнымъ надзоромъ." 7 іюля Табачниковъ производилъ разспросы въ м. Межиричѣ (резиденціи Н. Парчевскаго) и узналъ, что Ш. имѣетъ намѣреніе поселиться въ межирическомъ имѣніи, для чего предполагаетъ избрать мѣсто въ с. Пекаряхъ и построить тамъ домъ. Табачниковъ подтвердилъ кому слѣдовало о бдительномъ наблюденіи за дѣйствіями Шевченка. 12 іюля въ томъ же фатальномъ м. Межиричѣ исправникомъ дознано, что черезъ нѣсколько времени по пріѣздѣ туда Ш. осматривалъ мѣстность с. Пекарей, въ 15 верстахъ отъ Межирича, и избралъ мѣсто для своей осѣдлости. При осмотрѣ мѣста находились дворяне Витольдъ Вольскій, Козловскій и Хилинскій и варшавскій житель Молендскій, занимавшіе экономическія должности въ межирическомъ имѣніи Парчевскаго; кромѣ того при этомъ былъ карбовничій Пекарской Луки кр. Тимоѳей Садовый.

По выборѣ мѣста для дома [1]) (такъ разсказываетъ исправникъ далѣе) началъ Ш. подчивать водкой, которой было выпито двѣ кварты. Затѣмъ, показывая Садовому оторванный тутъ же отъ липы листъ, Ш. (будто-бы) спрашивалъ его по малороссій-

---

[1]) Гора Мотовиловщина надъ Днѣпромъ.

ски: „кто это далъ"? и когда Садовый отвѣчалъ, что Богъ, то Ш. отозвался: „duракъ ты, вѣруешь въ Бога", затѣмъ позволилъ себѣ въ крайне рѣзкой и неприличной формѣ произнести хулу на Бога Саваоѳа и Матерь Божію и высказывалъ свое вѣрованіе въ одного Іисуса Христа. Садовый сталъ креститься и уклоняться отъ такого разговора. Тогда Ш. бранилъ его словами „старый собака, невира" и прогналъ отъ себя.

Это дозналъ исправникъ въ Межиричѣ, очевидно, отъ „оффиціалистовъ" Парчевскаго, еще до бесѣды своей съ Садовымъ. Между оффиціалистами—разсказываетъ исправникъ—разнеслись толки, будто Ш. кромѣ богохульства говорилъ еще бывшимъ около него названнымъ выше лицамъ о ненадобности властей, пановъ и поповъ. Но Садовый, допрошенный исправникомъ и жандармскимъ поручикомъ Крижицкимъ (который находился въ Межиричѣ для слѣдствія о чиновникѣ Монастырскомъ), показалъ, что Ш. „дѣйствительно произносилъ богохульство въ такомъ видѣ ,какъ изложено выше, и что кромѣ того ничего другого противъ правительства онъ, Садовый, не слышалъ, но что Ш. сказалъ это, какъ полагаетъ, потому, что былъ пьянъ".—Дворяне Вольскій и Козловскій, *„какъ бы подтверждая вышеизложенное относительно богохуленія* и того, что Ш. былъ пьянъ, прибавляютъ, что они сейчасъ же замѣтили, что Ш. долженъ быть или сумасшедшій или полоумный, ибо когда что́ либо онъ начинаетъ говорить, а они не могутъ понять и спрашиваютъ разъясненія, то онъ ихъ бранитъ грубыми словами". О выходкахъ противъ правительства Вольскій и Козловскій положительно объяснили, что ничего особеннаго Ш. объ этомъ не говорилъ. Вольскій добавилъ, что Ш. пѣлъ какія то пѣсни на малороссійскомъ языкѣ и разказывалъ что-то изъ своего сочиненія, котораго Вольскій не понялъ. Крестьянскій мальчикъ, сынъ Садового, показалъ, что ничего не слышалъ, ибо бѣгалъ нѣсколько разъ за водкою. Хилинскій не допрошенъ за отсутствіемъ, а Молендскій заявилъ, что былъ пьянъ, положительныхъ свѣдѣній дать не можетъ, да и не помнитъ ничего.

„Самъ же Шевченко, на данные ему вопросы по обстоятельствамъ извѣта на него, говоритъ, что онъ, сколько помнитъ, ничего дурного не говорилъ ни предъ означенными дворянами, ни предъ кр. Садовымъ, что на подобныя выходки, въ которыхъ его оговариваютъ, онъ никогда не могъ рѣшиться, ибо хорошо знаетъ свое отношеніе къ правительству и знаетъ, что за нимъ наблюдаютъ".

Конечно, исправникъ могъ тутъ же сдѣлать очную ставку съ карбовничимъ Садовымъ, на котораго предусмотрительно былъ возложенъ весь onus probandi, и вся эта пошлая сплетня тогда-же разлетѣлась бы какъ дымъ. Но для очной ставки потребовался-бы приводъ къ присягѣ, и Табачниковъ ограничился такимъ заключеніемъ: „означенныя нелѣпости, сказанныя безсознательно Шевченкомъ, рѣшительно не произвели никакого вреднаго вліянія какъ вообще на слышавшихъ ихъ упомянутыхъ лицъ, такъ и въ особенности на кр. Садоваго, человѣка пожилого и извѣстнаго въ нравственномъ отношеніи". Но вмѣстѣ съ тѣмъ исправникъ полагалъ, что „было-бы полезнымъ, не дозволяя Шевченку дальнѣйшихъ разъѣздовъ, выслать его на мѣсто службы въ С.-Петербургъ". Впредь до распоряженія, исправникъ приказалъ оставить поэта въ квартирѣ пристава 3 стана (въ м. Мошнахъ) подъ особеннымъ надзоромъ.

Получивъ рапортъ Табачникова, кн. Васильчиковъ 18 іюля предложилъ и. д. кіевскаго губернатора распорядиться высылкою Ш. въ Кіевъ подъ надзоръ полиціи, приказавъ полиціймейстеру по прибытіи Ш. немедленно о немъ доложить.

31 іюля кн. Васильчиковъ предписалъ полиціймейстеру оставить Ш. въ Кіевѣ подъ надзоромъ полиціи, а чиновнику особыхъ порученій кол. сов. Андреевскому поручилъ допросить подробно Ш. по содержанію донесенія исправника, стараясь при этомъ удостовѣриться въ образѣ мыслей его. Тогда же предполагалось предписать полиціймейстеру доставить Ш. за надлежащимъ присмотромъ къ Андреевскому въ указанное последнимъ время, но это предписаніе не состоялось по желанію самого Андреевскаго. Тотъ же чиновникъ отклонилъ и мысль

выслать Ш. съ жандармомъ прямо изъ Мошенъ въ столицу къ тамошнему военному генералъ-губернатору. Еще до свиданья съ Шевченкомъ Андреевскій намѣтилъ рѣшеніе—приказать поэту возвратиться въ столицу къ своимъ занятіямъ.

8 августа Андреевскій представилъ кн. Васильчикову при рапортѣ „данное академикомъ Ш. объясненіе на счетъ разговора, веденнаго будто-бы имъ въ Каневскомъ уѣздѣ, близь села Пекарей, при обмѣрѣ участка земли, которую онъ имѣлъ намѣреніе купить тамъ". При этомъ (писалъ Андр.) долгомъ поставляю доложить вашему сіятельству, что академикъ Ш., сколько можно заключить изъ наблюденій надъ нимъ и изъ сужденій его о разныхъ предметахъ, преданъ безусловно вѣрѣ предковъ своихъ, отъ которой въ томъ племени, къ коему онъ принадлежитъ, не было еще примѣровъ вѣроотступничества; напротивъ, въ немъ слишкомъ замѣтно врожденное, вовсе даже не скрываемое имъ пренебреженіе ко всему латинскому и польскому, и потому весьма вѣроятно, что онъ, какъ и самъ это подтверждаетъ, сперва подсмѣивался надъ страннымъ нарядомъ родственника землемѣра Хилинскаго, нѣкоего Козловскаго, явившагося неизвѣстно зачѣмъ на мѣсто, гдѣ была измѣряема земля а потомъ, когда Козловскій завелъ неумѣстный разговоръ о богословіи, могъ дать ему на его разспросы нѣсколько колкій отвѣтъ, чѣмъ, конечно, возбудилъ еще болѣе негодованіе къ себѣ.—Въ другихъ отношеніяхъ и сужденіяхъ академикъ Шевченко соблюдалъ въ Кіевѣ должное приличіе и осторожность и не подалъ ничѣмъ повода къ невыгодному въ чемъ либо о себѣ заключенію".

Подлиннаго показанія поэта я не видѣлъ. Въ одномъ изъ документовъ оно передано такъ: „Въ объясненіи своемъ Шевченко изложилъ, что желая купить въ Черкасскомъ уѣздѣ, между г. Каневомъ и с. Пекарями, у помѣщика межирическаго имѣнія Парчевскаго кусокъ земли для водворенія на постоянное жительство, онъ, совмѣстно съ землемѣромъ, поѣхалъ для измѣренія избраннаго имъ мѣста; среди производства работъ прибылъ къ нимъ нѣкто Козловскій въ странномъ костюмѣ,

надъ которымъ онъ, Шевченко, началъ подсмѣиваться; за завтракомъ Козловскій завелъ съ нимъ богословскій разговоръ; въ цѣли прекращенія этого разговора Шевченко сказалъ, что теологія безъ живого Бога не въ состояніи создать даже древеснаго листка; потомъ Козловскій опять спросилъ Шевченка, что онъ думаетъ о матери Іисуса Христа, на что Шевченко отвѣтилъ: предъ Матерью, родившею намъ Спасителя, который пострадалъ и умеръ за насъ на крестѣ, мы всѣ должны благоговѣть; если-бы Она не родила Его, то была бы обыкновенная женщина".

Такова истинная природа этого древеснаго листка, столь нелѣпымъ образомъ яко-бы предъявленнаго поэтомъ карбовничему Садовому.

8 августа и. д. губернатора, вице-губернаторъ Селецкій, донесъ на усмотрѣніе кн. Васильчикову, что „вызванный" въ Кіевъ академикъ Тарасъ Шевченко обратился къ нему съ просьбою о дозволеніи выѣхать въ С.-Петербургъ. Согласіе дано 11 августа, а три дня спустя, 14 августа, „вырвался я изъ того пресвятого Кіева и теперь направляюсь безъ оглядки въ Петербургъ" (письмо къ Варѳ. Шевченку 20 авг. 1659 г.—„Основа" 62 г., кн. IV).

День спустя кн. Васильчиковъ изложилъ кн. Долгорукову свой взглядъ на все это дѣло: „Соображая объясненія Шевченка, я прихожу къ заключенію, что взведенное на него обвиненіе могло возникнуть по недоразумѣнію лицъ, предъ которыми онъ велъ разговоръ, или, быть можетъ, вызвано неудовольствіемъ, возбужденнымъ имъ къ себѣ насмѣшками надъ Козловскимъ и рѣзкими отвѣтами на разговоры его о богословіи. Потому, не придавая дѣлу этому особаго значенія, я оставляю его безъ послѣдствій и разрѣшилъ Шевченкѣ, согласно изъявленному имъ желанію, возвратиться въ С.-Петербургъ. Къ сему имѣю честь присовокупить, что если-бы Шевченко пожелалъ поселиться въ здѣшнемъ краѣ, то я полагалъ-бы отклонить его намѣреніе. Водвореніе его здѣсь я не почитаю удобнымъ не потому, чтобы онъ возбуждалъ опасенія прежнимъ его полити-

ческимъ поведеніемъ, но по той причинѣ, что онъ извѣстенъ здѣсь какъ человѣкъ окомпрометировавшій себя въ политическомъ отношеніи, поступки его и слова нѣкоторыя лица могутъ истолковать въ иномъ смыслѣ, и придавать имъ особенное значеніе и возбуждать на него подозрѣнія и обвиненія, подобно описанному выше случаю".

Таково это дѣло, не представлявшее для своего времени ничего выдающагося или чрезвычайнаго. Безпристрастіе требуетъ признать, что самый способъ „производства" въ Кіевѣ и сравнительно благополучный исходъ его свидѣтельствуютъ уже о нѣкоторомъ смягченіи недавней суровой практики. Едва-ли можно сомнѣваться также, что поэту въ всякомъ случаѣ не удалось бы надолго обрѣсть душевный миръ въ межирическомъ осиномъ гнѣздѣ [1]).

Рѣшеніе кн. Васильчикова не допускать „водворенія Ш. въ здѣшнемъ краѣ" осталось неизвѣстнымъ поэту. Мечта переселиться на родину не оставляла его до самой могилы. Еще на смертномъ одрѣ Шевченко распрашивалъ о кіевскомъ шоссе и сказалъ: „не доѣду на проклятыхъ перекладныхъ, а ѣхать надо; тутъ я, если останусь, умру непремѣнно". Наканунѣ рокового дня поэтъ мечталъ о поѣздкѣ весною на родной Днѣпръ: „Да, если-бы на родину: тамъ, можетъ быть, я и выздоровѣлъ-бы".

И. М.

---

[1]) Припомнимъ, что даже мертвый Шевченко былъ невыносимъ для „обывателей" этого гнѣзда, и уже 31 іюля 1861 г. губернскій предводитель дворянства Горватъ серьезно ходатайствовалъ передъ властями о перенесеніи праха поэта изъ Канева „въ такое мѣсто, гдѣ сборища и скопища простонародья не могли-бы имѣть мѣста", а каневскій уѣздный предводитель даже рекомендовалъ разрыть могилу, дабы „показать народу, что ножовъ тамъ вовсе не было". Это осиное жужжанье пошло и дальше. Въ 1862 г. подольское польское дворянство, ходатайствуя о присоединеніи Подольской губерніи къ царству Польскому, во всеподданнѣйшемъ адресѣ инсинуировано такъ: „въ центрѣ управленія, въ Кіевѣ, развивается общество будто-бы послѣдователей Шевченка, какихъ-то коммунистическихъ понятій. Цѣль ихъ взволновать народъ и довести до истребленія собственниковъ земли; общество это существуетъ уже болѣе четырехъ лѣтъ". (См. Журн. Мин. Юст. за 1863 г., апрѣль. Русская угол. хроника, стр. 165).

Изъ воспоминаній Ѳ. М. Лазаревскаго о Шевченкѣ.

По конфирмаціи Государя Императора, состоявшейся въ въ концѣ мая 1847 года, Т. Г. Шевченко, въ сопровожденіи фельдъегеря Видлера, отправленъ на почтовыхъ въ ссылку въ Оренбургъ, отстоящій отъ Петербурга на 2110 верстъ, и чрезъ 7 дней, въ 11 часовъ ночи, доставленъ на мѣсто назначенія, дѣлая по 300 верстъ въ сутки. Тамъ его зачислили въ пятый Оренбургскій линейный батальонъ во вторую роту, занимавшую гарнизонъ въ Орскомъ укрѣпленіи. Къ этому времени и относится первоначальное знакомство съ Шевченкомъ покойнаго Ѳедора Матвѣевича, который съ 1846 года служилъ въ Оренбургской пограничной коммиссіи, а старшій братъ его, Мих. М—чъ, впослѣдствіи задушевный другъ и душеприкащикъ поэта, находился въ Троицкѣ, въ 200 верстахъ отъ Оренбурга въ должности попечителя прилинейныхъ киргизовъ. Эти два брата— земляки, па сколько отъ нихъ зависѣло, и облегчили горькую участь нашего изгнанника: свѣтъ не безъ добрыхъ людей.

Написанныя Ѳедоромъ Матвѣевичемъ воспоминанія о его знакомствѣ съ Шевченкомъ (для предполагавшагося второго изданія моей книги о Шевченкѣ) помѣщаемъ здѣсь [1]).

М. Чалый.

---

[1]) Ѳ. М. Лазаревскій умеръ въ 1890 г. въ Гадяцкомъ уѣздѣ, Полтавской г. въ своемъ имѣніи, хуторѣ Побиванкѣ.

9 іюня 1847 года сидѣлъ я въ своей Пограничной коммиссіи и усердно занимался текущими дѣлами. Вдругъ, около двухъ часовъ пополудни, въ комнату вбѣгаетъ, запыхавшись, писецъ Галевинскій и говоритъ: „ночью жандармы Шевченка привезли; я слышалъ отъ офицера, которому его сдали, и онъ находится теперь въ пересылочной казармѣ".

Не давая себѣ отчета, я побѣжалъ въ казармы и съ трудомъ отыскалъ тамъ новопривезеннаго арестанта. Лежалъ онъ ничкомъ на нарахъ, углубившись въ чтеніе библіи. До этого времени я никогда не видалъ Шевченка, а зналъ только его „Кобзаря" и „Гайдамакъ". Забывая о присутствовавшихъ соглядатаяхъ, въ юношескомъ увлеченіи я бросился къ нему на шею. Неохотно поднявшись съ нарь, Тарасъ Григорьевичъ заговорилъ со мной недовѣрчиво, отвѣчая отрывисто на мои вопросы. Понятно, могъ ли онъ сразу довѣриться человѣку, явившемуся къ нему, ни съ того, ни съ сего, въ первые часы его прибытія на мѣсто ссылки? Между прочимъ, я спросилъ его: не могу ли я быть чѣмъ нибудь ему полезенъ? Онъ сдержанно отвѣтилъ: „я не нуждаюсь въ чужой помощи—самъ себѣ буду помогать. Я получилъ уже приглашеніе отъ завѣдывающаго пересылочной тюрьмой учить его дѣтей".

Просидѣвъ у него съ полчаса, я прямо изъ казармъ отправился къ своему начальнику, генералу Ладыжинскому, къ которому до того являлся только по дѣламъ службы, и то, если не со страхомъ, то застѣнчиво и робко.

— В. п-во! Шевченка привезли! выпалилъ я генералу: я сейчасъ былъ у него, нельзя ли помочь ему?

Генералъ удивленно посмотрѣлъ на меня и улыбнулся. Надобно замѣтить, что Ладыжинскій былъ начальникъ гуманный не по тогдашнему времени. Очевидно, онъ понялъ порывъ молодого увлеченія и деликатно-снисходительно охладилъ меня, замѣтивъ оффиціальнымъ тономъ, что Шевченко, вѣроятно, заслужилъ свою участь, что въ такомъ дѣлѣ слѣдуетъ быть осторожнымъ и сочувствіе свое припрятать и что онъ наконецъ удивляется смѣлости такого къ нему обращенія со стороны подчиненнаго. Отъ генерала вышелъ я съ поникшей головой и побрелъ въ свою коммиссію, но съ неизмѣннымъ желаніемъ, во чтобы то ни стало, помочь несчастному. Посовѣтовавшись съ товарищемъ

своимъ по службѣ и по черниговской гимназіи Сергѣемъ Левицкимъ [1]), мы сообща порѣшили дѣйствовать чрезъ чиновника особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ подполковника Матвѣева. Сынъ простого уральскаго козака, изъ писарей достигшій довольно высокаго положенія въ краѣ, но оставшійся такимъ же простымъ сердечнымъ козакомъ, чуждый важности и напускного величія, Матвѣевъ всегда готовъ былъ помочь ближнему въ нуждѣ. При Обручевѣ онъ былъ великая сила въ Оренбургскомъ краѣ, и мы съ Левицкимъ не ошиблись въ своемъ выборѣ. Выслушавъ насъ внимательно, Матвѣевъ, повидимому, былъ тронутъ. Правда, ничего не обѣщалъ, но мы вышли отъ него съ облегченнымъ сердцемъ, увѣренные въ томъ, что онъ будетъ работать въ пользу обездоленнаго Кобзаря.

Черезъ два дня Шевченко пришелъ къ намъ на квартиру. Я встрѣтилъ его, какъ брата, какъ самаго близкаго человѣка. Со мной жилъ тогда Левицкій, и Тарасъ Гр—чъ съ обоими нами былъ сердечно простъ, и мы сразу стали друзьями. Говорили много и оживленно. Между прочимъ, онъ сообщилъ намъ, что былъ у Матвѣева, по его приглашенію, и что онъ очень расположилъ его къ себѣ. Гость остался у насъ ночевать. Снявъ съ кроватей тюфяки, мы разложили ихъ на полу и всѣ втроемъ улеглись на полу вповалку. Шевченко прочелъ намъ наизусть свою поэму „Кавказъ“, „Сонъ“ и др., пропѣлъ нѣсколько любимыхъ своихъ пѣсенъ: неизмѣнную „Зироньку“, „Тяжко важко въ свити житы“; но съ особеннымъ чувствомъ была исполнена имъ пѣсня:

Забилилы снигы,
Заболило тило
Щей головонька,
Нихто не заплаче
По билому тилу
По бурлацькому... и проч.

---

[1]) Сережа Левицкій—сынъ б. директора черниговской гимназіи, въ 30-хъ год. учился со мной въ новгородсѣверск. повѣтовомъ училищѣ и потомъ, по окончаніи черниг. гимназіи, въ университ. Св. Владиміра. *М. Ч.*

Мы всѣ пѣли. Левицкій обладалъ замѣчательно пріятнымъ теноромъ и пѣлъ съ большимъ чувствомъ [1]). Были минуты, когда слезы сами собой катились изъ глазъ, а гость нашъ просто рыдалъ..

Лѣтняя ночь такимъ образомъ пролетѣла незамѣтно. Мы не спали вовсе. Рано утромъ Т. Гр—чъ простился съ нами, объявивъ, что получилъ уже назначеніе въ Орскую крѣпость, куда онъ на дняхъ долженъ отправиться.

Орская крѣпость—Яманъ-Кала (дрянь-городъ, какъ называютъ ее киргизы) лежитъ въ степной сторонѣ р. Яика въ двухъ верстахъ отъ р. Ори, на ю.-востокѣ отъ Оренбурга, въ 250 верстахъ отъ него.

Разставшись съ Шевченкомъ, я постоянно о немъ заботился, просилъ за него каждаго, кто только ѣхалъ въ Орскъ и кто хоть чѣмъ нибудь могъ быть ему полезенъ. Часто писалъ туда своему доброму знакомому, попечителю прилинейныхъ киргизовъ, М. С. Александрійскому. Не смотря на свои 40 л., это былъ лучшій представитель молодого поколѣнія сороковыхъ годовъ. Докторъ по профессіи, М. С. бросивъ медицину, перешелъ на службу въ пограничную комиссію; всегда спокойный и сдержанный, онъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми обитателями Орскаго укрѣпленія. Женатый на дочери богатаго купца, Александрійскій всегда жилъ открыто, и нашъ Кобзарь былъ принятъ у него въ домѣ не какъ солдатъ, а какъ самый близкій знакомый, наравнѣ съ другими гостями. Тамъ онъ, безъ сомнѣнія, встрѣчался и съ батальоннымъ, и съ другими гарнизонными офицерами, какъ гость хозяина, а не какъ рядовой, 191 № по списку.

Вообще говоря, въ матеріальномъ отношеніи Ш—ку въ Орской крѣпости жилось недурно: надъ нимъ неусыпно бодрствовалъ добрый геній въ лицѣ Матвѣева. Ему помогали день-

---

[1]) По свидѣтельству К. И. Герна (см. ниже письмо его къ М. М. Лазаревскому) Левицкій, часто посѣщая Тараса, когда тотъ жилъ у него, пѣвалъ съ нимъ въ два голоса „и я не слыхалъ ничего восхитительнѣе этого пѣнія“, прибавляетъ К. И.

гами петербургскіе земляки, нерѣдко дѣлясь съ нимъ своимъ мизернымъ жалованьемъ. Пріѣзжавшій въ Оренбургъ старшій изъ моихъ братьевъ Василій преподнесъ Тарасу два ящика сигаръ и 50 руб. денегъ. Были присылаемы субсидіи на мое имя и отъ другихъ лицъ, напр. отъ Конотопца, В. О. Езучевскаго, Семена Артемовскаго (пѣвца),—и я отправлялъ ихъ для передачи брату Михаилу въ Троицкъ.

Затѣмъ братъ Михаилъ, перейдя на службу въ Петербургъ, присылалъ деньги непосредственно самому Тарасу и довольно крупные куши [1]).

Въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ кружкахъ долго и упорно продолжали циркулировать нелѣпые разсказы о томъ, будто-бы, Ш—ко въ Орской крѣпости испилъ горькую чашу солдатскаго житья. Будто бы онъ изобразилъ себя стоящимъ подъ палками, съ руками, вскинутыми на голову, съ надписью: «отъ якъ бачите»! А Н. М. Бѣлозерскій въ „Кіевской Старинѣ" увѣряетъ, якобы онъ видѣлъ у Лизогуба портретъ Ш—ка, съ подписью „оттакъ тоби!". Стоитъ Тарасъ въ мундирѣ, а унтеръ колотитъ его тесакомъ... „Вѣроятно, замѣчаетъ глубокомысленно авторъ этой нелѣпой выдумки, рисунокъ и надпись были стерты при прохожденіи черезъ цензуру крѣпостного начальства". Трудно объяснить происхожденіе этой небылицы.

Подобный же нелѣпый разсказъ случилось слышать мнѣ отъ какого-то господина, вовсе мнѣ незнакомаго, который повѣствовалъ, что когда онъ служилъ въ Оренбургскомъ батальонѣ вмѣстѣ съ Шевченкомъ, то однажды онъ пришелъ къ нему избитый тесакомъ, въ слезахъ попросилъ бумажку и тутъ же нарисовалъ себя стоящимъ подъ палками и надписалъ: «отъ якъ бачите»!

Терпѣливо выслушавъ разсказъ, я спросилъ разскащика: „а въ какомъ году это было?—Въ 1851-мъ."—А какъ фамилія командира того батальона, въ которомъ вы изволили служить? И онъ назвалъ какую то вымышленную фамилію. Тогда я публично назвалъ его лгуномъ, и онъ не посмѣлъ даже оправдываться.

---

[1]) Тарасъ Гр. часто вспоминалъ генерала Кухаренка, особенно щедро надѣлявшаго его субсидіями: „и въ вичи не бачывъ сіого доброго чоловика, а спасыби ему, дуже помогавъ мени". *М. Ч.*

Могу увѣрить всѣхъ, кому дорога истина, что Т. Г—чъ съ благодарностью вспоминалъ всегда о своихъ начальникахъ въ Орской крѣпости; что ни о какихъ палкахъ и фухтеляхъ не-было тамъ и помину; что никакого цензора для его писемъ и рисунковъ тамъ не существовало, и если de jure и считалась какая нибудь цензура, то у него было довольно благопріятелей, при содѣйствіи которыхъ письма, его могли всегда избѣгать ее. Александрійскій, по тогдашнему моему служебному положенію и по довѣрію, какимъ я пользовался у генерала Ладыжинскаго, съ великою готовностью исполнялъ всѣ мои просьбы; но и помимо моего вліянія, онъ очень любилъ Тараса. Кромѣ того, отъ всяческихъ взысканій и строгостей батальоннаго начальства нашего Кобзаря хранило доброе расположеніе браваго козака Матвѣева, который при каждой встрѣчѣ со мной обыкновенно обращался ко мнѣ съ вопросомъ: „а что вашъ Шевченко? Пожалуйста, прибавлялъ онъ, понизивъ голосъ, если что не такъ, заходите ко мнѣ и скажите“.

Повторяю: совмѣстимы ли при такомъ положеніи Шевченка палки и тесакъ унтера?

Въ началѣ 1848 года Т. Г—чъ съ ротой былъ отправленъ въ Уральское укрѣпленіе, а оттуда, въ числѣ другихъ нижнихъ чиновъ 5-го линейнаго батальона, командированъ, для прикрытія отъ нападенія кочующихъ киргизовъ транспорта, слѣдовавшаго подъ начальствомъ генерала Штейнберга въ Раимское укрѣпленіе, на берега Сыръ-Дарьи. Затѣмъ, какъ извѣстно, Ш—ко безвѣстно пропадалъ въ опасной аральской экспедиціи А. И. Бутакова. Во все это время ни я, ни кто другой изъ близкихъ ему лицъ не получали отъ него ни строчки. Неизмѣнный другъ поэта, княжна Реппина, встревоженная долгимъ его молчаніемъ, вначалѣ сентября 1848 года обратилась ко мнѣ съ слѣдующимъ письмомъ:

„Милостивый государь Ѳ. М—чъ.

Болѣе года, какъ я совершенно безъ извѣстій о Т. Григ. Шевченкѣ, который находится подъ вашимъ начальствомъ, (?) именемъ всего вамъ дорогого прошу васъ увѣдомить меня, гдѣ

находится Ш—ко и что съ нимъ? Вы меня очень обяжете. Готовая къ услугамъ В. Репнина".

На это письмо я предоставилъ отвѣтить самому Тарасу, по возвращеніи его въ Оренбургъ.

Экспедиція Бутакова окончилась осенью 1849 г. Для приведенія въ порядокъ собранныхъ матеріаловъ ему понадобились въ Оренбургѣ Вернеръ и Шевченко; послѣдній—для окончательной отдѣлки живописныхъ видовъ, чего на морѣ сдѣлать было нельзя, а равно и для перенесенія на карту видовъ гидрографическихъ, вслѣдствіе чего Бутаковъ вошелъ съ представленіемъ къ Обручеву объ откомандированіи Вернера и Шевченка въ Оренбургъ. Узнавши же, что во второмъ батальонѣ есть искусный рисовальщикъ, ссыльный Брониславъ Залѣскій, Бутаковъ просилъ командировать и его въ помощь Шевченку. Такимъ образомъ нашъ Кобзарь, вмѣсто Орской крѣпости, попалъ въ Оренбургъ и поселился въ квартирѣ моей, близъ костела, а потомъ въ предмѣстьи Оренбурга въ домѣ К. И. Герна, хотя собственно говоря, нашъ Тарасъ, имѣя много знакомыхъ, проводилъ гдѣ день, гдѣ ночь.

Во весь 1849 г., я, по дѣламъ службы, подолгу оставался въ киргизскихъ степяхъ. Вернувшись однажды изъ командировки глубокой осенью, я засталъ въ своей квартирѣ Шевченка и моряка Поспѣлова, съ которымъ поэтъ болѣе года провелъ въ аральской экспедиціи. Тарасъ, Поспѣловъ, Левицкій и я зажили, что называется, душа въ душу: ни у одного изъ насъ не было своего, все было общее; а съ Тарасомъ у насъ даже одежда была общая, такъ какъ въ это время онъ почти никогда не носилъ солдатской шинели. Лѣтомъ онъ ходилъ въ парусиновой парѣ, а зимой въ черномъ сюртукѣ и драповомъ пальто. Иногда заходилъ къ намъ и Бутаковъ, чаще же другихъ гостилъ К. И. Гернъ. Матвѣевъ также не чуждался нашего общества. Вечера наши проходили незамѣтно. Пили чай, ужинали, пѣли пѣсни. Тарасъ съ морякомъ Поспѣловымъ иногда прохаживались по чарочкамъ. Изрѣдка устраивались вечера съ дамами, при чемъ неизмѣнной

подругой Тарасовой была татарка Забаржада, замѣчательной красоты. А. И. Бутакову очень понравились наши вечера, но, стѣсняясь своего подчиненнаго Поспѣлова, онъ у насъ не засиживался. Однажды Алексѣй Ивановичъ просилъ Тараса устроить въ его квартирѣ подобный нашему вечеръ, только безъ Поспѣлова. Былъ назначенъ день, но какъ на зло, въ этотъ именно день Бутаковъ былъ приглашенъ на вечеръ къ Обручеву. Тѣмъ не менѣе мы собрались у него и ожидали его къ ужину. Къ тремъ часамъ вернулся хозяинъ. Тарасъ собственноручно зажарилъ превосходный бифштексъ и мы пропировали до свѣту.

Въ концѣ декабря того же 1849 года я долженъ былъ отправиться за 500 верстъ въ Гурьевъ городокъ и пробылъ тамъ до весны 1850 года. Вернувшись въ мартѣ, я засталъ въ городѣ только одного Тараса. Левицкій переведенъ на службу въ Петербургъ, Бутаковъ съ Поспѣловымъ выѣхали въ степь. Въ мое отсутствіе Ш—ко сблизился съ поляками, которыхъ въ николаевское царствованіе въ Оренбургѣ была цѣлая колонія. Они очень ухаживали за Тарасомъ, что подъ часъ сильно тяготило его, хотя по наружности онъ съ ними былъ на дружеской ногѣ. Бывало не вижу его два-три дня; спрашиваю: гдѣ ты пропадалъ такъ долго?—„Та оци проклятущи ляхи заманылы мене до себе, тай не выпускалы“, отвѣчалъ онъ съ неудовольствіемъ.

Ближе всѣхъ, повидимому, онъ стоялъ къ Залѣскому, Сѣраковскому, Станевичу, Турно, Зеленкѣ и Аркадію Венгржиновскому. Послѣдній изъ нихъ служилъ въ Пограничной коммиссіи; человѣкъ необыкновенно юркій и пронырливый, онъ первымъ узнавалъ о прибытіи новыхъ ссыльныхъ поляковъ и тотчасъ вводилъ ихъ въ свой кружокъ. Михаилъ Зеленко, доминиканскій монахъ, бывшій въ 30-хъ годахъ префектомъ гимназіи въ Литвѣ, сосланъ въ Оренбургъ въ 1834 году и сдѣлался тамъ капелланомъ Оренбургскаго кадетскаго корпуса. Поляки не переставали величать его префектомъ (ojciec prefect). Эти то два воротилы, Венгржиновскій и Зеленко, составляли центръ польскаго населенія въ краѣ. Лучшими изъ ссыльныхъ поляковъ

были сосланные въ 30-хъ годахъ. Было нѣсколько и такихъ, которые были назначаемы на службу въ Оренбургскій край отъ правительства, съ обязательствомъ отслужить извѣстное число лѣтъ. Ссыльные поляки составляли образованную часть губернскаго общества, конечно, не чисто аристократическаго, а того средняго кружка, въ которомъ вращалось чиновничество невысокаго ранга.

Одна изъ сестеръ полковника Герна была замужемъ за паномъ Киршей, служившимъ въ провіантской коммиссіи. Въ домѣ Киршей всегдашними гостями были: Сѣраковскій, Залѣскій, Турно и др. Тамъ же довольно часто бывалъ и Ш—ко, окуриваемый ѳиміамомъ лести и ухаживаній.

Разъ приходитъ ко мнѣ Тарасъ и предлагаетъ свой портретъ.

— Возьми ты у мене, Христа ради, оцей портретъ, хотилось бы, щобъ винъ зоставсь у добрыхъ рукахъ, а то поганци ляхи выманять ёго у мене. Усе пристають, щобъ я имъ оддавъ.

— Де жъ ты, пытаюсь, малювавъ ёго?

— Та у ихъ же й малювавъ.

Портретъ, по желанію поляковъ, долженствовалъ изобразить Ш—ка сидящимъ въ казематѣ Орской крѣпости за рѣшеткой; но такой обстановки на рисункѣ не оказалось. На предложеніе же Тараса взять портретъ въ свою собственность, я сказалъ:

— Портретъ твой, мій голубе, для меня большая драгоцѣнность, а за то, что возьму его, я обязанъ отдарить тебя чѣмъ нибудь цѣннымъ, чего у меня теперь не имѣется.

Тарасъ насмѣшливо посмотрѣлъ на меня и промолвилъ:

— Бачишъ, чоботы у мене износылысь: возьми и дай мени чоботы.

Устыдившись своей щепетильности, я взялъ портретъ [1]).

---

[1]) Портретъ этотъ, нарисованный тушью, былъ подаренъ мнѣ покойнымъ Ѳ. М—мъ для приложенія ко 2-му (несостоявшемуся) изданію моей книги („Жизнь и произведенія Т. Шевченка“), но потомъ имъ отобранъ у меня и теперь неизвѣстно, гдѣ находится; а я не успѣлъ даже копіи снять. *М. Ч.*

Въ послѣдній свой пріѣздъ изъ степи, я засталъ Шевченка тамъ-же на слободкѣ во флигелѣ дома К. И. Герна; но по возвращеніи моемъ, онъ началъ по прежнему проживать чаще въ моей квартирѣ, оставляя свой скарбъ у Герна.

Вообще говоря, въ короткій періодъ своего житья-бытья въ Оренбургѣ, Т. Г—чъ былъ обставленъ превосходно. Образъ жизни его ничѣмъ не отличался отъ жизни всякаго свободнаго человѣка. Онъ только числился солдатомъ, не неся никакихъ обязанностей службы. Его, что называется, носили на рукахъ. У него была масса знакомыхъ, дорожившихъ его обществомъ, не только въ среднихъ классахъ, но и въ высшихъ сферахъ оренбургскаго населенія: онъ бывалъ въ домѣ генералъ-губернатора, рисовалъ портретъ его жены и другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Въ это время, вслѣдствіе частыхъ командировокъ въ степь, я страшно страдалъ ревматизмомъ. Пришелъ однажды ко мнѣ Тарасъ и сталъ тянуть меня къ доктору Майделю на вечеръ.

— Ходимъ, винъ тоби скаже, що треба робыть.

— Христосъ съ тобой, говорю ему: какъ я пойду безъ приглашенія къ такому важному тузу?

— Але ходимъ, я вже знаю, що роблю.

Я и пошелъ. Надобно знать, что тайный совѣтникъ баронъ Майдель былъ породистый аристократъ и вращался въ самыхъ высшихъ сферахъ губернской знати; но я воочію убѣдился, что мой Тарасъ и тамъ былъ свой человѣкъ. И никакой угловатости, никакого диссонанса съ окружавшими его гостями я не замѣтилъ. Держалъ онъ себя съ достоинствомъ и даже съ нѣкоторой важностью. Мнѣ за него, какъ за любимое существо, было очень пріятно. Онъ никому не навязывался, не вмѣшивался ни въ какой разговоръ; всѣ обращались къ нему и онъ всякому отвѣчалъ сдержанно, съ едва замѣтнымъ оттѣнкомъ ироніи и съ чувствомъ собственнаго достоинства.

Меня приводятъ въ негодованіе разсказы о безобразіяхъ Шевченка въ нетрезвомъ видѣ. Я былъ знакомъ съ нимъ въ лучшіе годы его жизни, когда онъ отличался здоровьемъ и силой, но я ни разу не видалъ его въ пьяномъ видѣ до безобра-

зія. Выпивалъ онъ, правда иногда довольно, но каждая лишняя чарка дѣлала его только болѣе развязнымъ и воодушевленнымъ, сообщала болѣе задушевности и невообразимой симпатичности. Душа его всегда знала мѣру. Четверостишіе, написанное имъ гдѣ-то углемъ на стѣнѣ питейнаго заведенія, вполнѣ характеризуетъ подобное состояніе:

Выпьешъ першу—стрепенешся,
Выпьешъ другу—схаменешся,
Выпьешъ третю—въ очахъ сяе,
Думка думку погоняе. *)

Въ 1849 году прибылъ въ Оренбургъ на службу только что выпущенный изъ какого-то кадетскаго корпуса смазливенькій прапорщикъ Исаевъ. Не прошло и полгода, какъ по городу стали ходить слухи о томъ, что сей юный Адонисъ приглянулся супругѣ N. N. Слухи эти приводили Тараса въ изступленіе.

— Докажу жъ я этой к....! не дамъ я ей безнаказанно позорить честное имя почтеннаго человѣка, кипятился онъ, заходя ко мнѣ.

— Не твое, говорю, дѣло мѣшаться въ семейныя дрязги. Помни, Тарасе, что ты солдатъ, а Исаевъ хотя и плюгавенькій,

---

*) Высказанное здѣсь мнѣніе почтеннаго Ѳ. М-ча о Шевченкѣ нельзя назвать пристрастнымъ. Такого человѣка, какъ нашъ Кобзарь, не слѣдуетъ ставить на одну доску съ заурядными „мочемордами": тѣ, когда пьютъ—они просто пьянствуютъ; поэты же и художники часто черпаютъ въ винѣ вдохновеніе. Кто не въ состояніи понять различія между художникомъ и не художникомъ, тотъ будетъ видѣть въ Шевченкѣ не вдохновеннаго поэта, а только пьянаго человѣка.

Сопоставляя приведенный выше разсказъ Ѳ. М-ча о счастливыхъ мѣсяцахъ ссыльной жизни поэта съ нѣкоторыми изъ его писемъ изъ того же времени,— невольно приходишъ къ заключенію, что проявлявшаяся въ немъ мимолетная веселость была только наружная, что предаваясь иногда развлеченіямъ, онъ старался только забыться отъ неустанно угнетавшей душу его тоски, что сравнительно привольная жизнь нѣсколькихъ мѣсяцевъ не могла удовлетворить пожиравшей его внутренности жажды свободы.

„Ничтожны матеріальныя блага въ сравненіи съ духовными... Какъ грустно стою я между людьми!... Не видать мнѣ веселыхъ дней, ни моей милой родины!.. Ужасна безнадежность!..."

Вотъ что онъ думалъ, оставаясь на единѣ съ самимъ собой, чего желалъ, къ чему стремился. *М. Ч.*

да офицеръ, и если черезъ тебя что нибудь откроется, то ты думаешь—N. N. подякуе тоби? Есть вещи, про которыя лучше не знать.

Но Тарасъ мой не унимался. Онъ началъ слѣдить за женой N. N. и каждый вечеръ приносилъ мнѣ все новыя извѣстія о своихъ наблюденіяхъ и открытіяхъ. Въ пятницу на страстной недѣлѣ онъ прибѣжалъ ко мнѣ съ торжествующей физіономіей.

— Накрывъ! доказавъ! N. N. со двора, а онъ въ форточку, а я слѣдомъ за N. N., вернувъ его до дому да прямо въ спальню...

— Дурень же ты, дурень, Тарасе! Наробивъ ты соби лыха. Знай же, що се тоби не минетьця даромъ: маленькая душонка Исаева отдасть тоби!..

Къ несчастію, слова мои оказались пророческими. Но все таки я не предполагалъ найти въ молодомъ человѣкѣ столько мерзости, сколько ея въ немъ оказалось. Я не допускалъ болѣе того, чѣмъ офицеръ можетъ выместить свои обиды на низшемъ чинѣ—рядовомъ Шевченкѣ. Но я сильно ошибся.

На слѣдующій день, въ страстную субботу, Тарасъ былъ дома, а я получилъ оффиціальное приглашеніе пожаловать къ генералъ-губернатору въ такомъ-то часу разговѣться. Спрашиваю Тараса, какъ тутъ быть?

— Ты соби якъ знаешь, а я поіду въ гости.

Въ сумерки ко мнѣ пріѣхалъ Гернъ, страшно озабоченный, взволнованный.

— Гдѣ Тарасъ? спрашиваетъ меня торопливо.

— Поѣхалъ, говорю, въ гости.

— Ради Бога, поскорѣй зовите его въ квартиру. Жгите тамъ все, что сколько-нибудь можетъ повредить ему: на него Обручеву поданъ доносъ. Уже сдѣлано распоряженіе произвесть въ его квартирѣ обыскъ.

Я бросился къ знакомымъ, забралъ Тараса и помчался съ нимъ на Слободку. Онъ былъ совершенно покоенъ и даже подшучивалъ надъ собой. Пріѣхали. Вывалилъ онъ мнѣ цѣлый

ворохъ бумагъ и нѣсколько портретовъ: начатый портретъ жены Герна и его самого.

— Ну, щожъ тутъ палыть?—обратился онъ ко мнѣ. Я, хотя и зналъ содержаніе чуть-ли не всѣхъ писемъ къ нему, но сталъ ихъ пересматривать. Всѣ они, по моему мнѣнію, были самаго невиннаго свойства.

— И я тебе пытаю, отвѣчалъ я вопросомъ на его вопросъ що палыть?

— Палы уси письма кн. Репниной.

И всѣ драгоцѣнныя для Тараса посланія Варвары Николаевны, конечно, самыя невинныя, брошены въ каминъ. Туда же полетѣли и еще нѣкоторыя бумаги, по выбору самого Тараса.

Пытливо прочелъ я письма брата Василія, свои письма, письма Левицкаго, Александрійскаго и др., но ровно ничего, по моему, въ нихъ не было недозволеннаго, а тѣмъ болѣе преступнаго, но Тарасъ командовалъ: „палы!".

— Но послухай-же, мій голубе: якъ мы все спалымъ, то догадаютьця, що насъ предупредылы объ обыскѣ, да и станутъ искать выноватого. А не будетъ-ли въ такомъ разѣ въ отвѣтѣ Карлъ Ивановичъ?

— И то правда, согласился Тарасъ: буде! Пойидемъ до тебе, та ще тамъ що небудь спалымъ.

Когда мы въѣзжали въ городъ, то въ Сакмарскихъ воротахъ повстрѣчали плацъ-адъютанта Мартынова, полицій-мейстера и еще какого-то военнаго. Мы догадались, что они ѣдутъ въ Слободку. Не смыкаючи очей провели мы эту ночь, но обыска у меня не было. Рано утромъ, прямо отъ Обручева, пріѣхалъ къ намъ послѣ розговинъ Александрійскій и разсказалъ все, что тамъ происходило,

— На меня, говорилъ онъ, внезапно накинулся Обручевъ: „а-а, такъ мы отвѣчаемъ пушками на вопли порабощеннаго народа о свободѣ! (Цитата изъ письма Александрійскаго къ Ш—ку о бунтѣ киргизовъ въ 1848 г.). На обвахту! на бѣлое, черное, синее море (поговорка Обручева). А Лазаревскій здѣсь? а-а, въ перепискѣ съ преступникомъ: „милый, любый мій, а? На обвахту! (Здѣсь Обручевъ смѣшалъ меня съ братомъ Василіемъ).

Въ то же время всѣхъ присутствовавшихъ поразило необыкновенное вниманіе Обручева къ прапорщику Исаеву. Нѣсколько разъ подходилъ онъ къ нему, бралъ подъ руку, подводилъ къ столу, любезно приприрашивалъ „разговляйтесь, любезнѣйшій, разговляйтесь". Тогда всѣмъ стало ясно, кто былъ этотъ любезнѣйшій предатель.

Значитъ, еще до разсвѣта часть взятыхъ при обыскѣ бумагъ уже успѣли разобрать и доложить генералъ-губернатору за одно съ радостнымъ благовѣстіемъ о воскресеніи распятаго за насъ Спасителя!...

Въ тотъ же день ко мнѣ заѣзжали и другіе знакомые и передавали, что Обручевъ высказывался передъ своими приближенными объ Исаевѣ въ такихъ выраженіяхъ:

„Мерзавецъ! подлецъ! но.. что будешь дѣлать? Я увѣренъ, что этотъ негодяй и на меня послалъ доносъ. А въ Петербургѣ я никого не имѣю за плечами; я, какъ Шевченко, человѣкъ маленькій"...

Обручевъ не ошибся: на него полетѣлъ другой доносъ шефу жандармовъ. Въ тотъ же день Шевченка потребовали въ ордонансъ-гаусъ и посадили на обвахту впредь до особаго распоряженія; а 12-го мая отправили въ Орскую крѣпость этапнымъ порядкомъ, съ строжайшимъ предписаніемъ командиру 5 батальона слѣдить за нимъ. Вскорѣ послѣ высылки Шевченка уволенъ былъ и самъ Обручевъ...

Къ счастію для бѣднаго Тараса, въ Петербургѣ не признали нужнымъ входить въ глубь вещей и свели все обвиненіе къ тому, что онъ парушилъ высочайшее запрещеніе писать и рисовать и ходилъ иногда въ партикулярномъ платьѣ. Просидѣвъ въ Орскомъ казематѣ болѣе мѣсяца, по приговору военнаго суда Шевченко былъ отправленъ въ Новопетровское укрѣпленіе и зачисленъ тамъ рядовымъ въ 1-й уральскій батальонъ въ 4-ю роту.

Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ, говоритъ пословица. На сей разъ щепки полетѣли очень далеко. По поводу злосчастнаго письма Сергѣя Левицкаго, въ квартирѣ Головка и самого Ле-

вицкаго произведенъ былъ обыскъ, окончившійся, для Головка весьма трагически [1]). Вслѣдъ за симъ арестованъ былъ и Левицкій. Повезъ его жандармъ черезъ Синій мостъ въ крѣпость. Бѣднягой Сергѣемъ овладѣлъ такой страхъ, такое непреодолимое желаніе извести себя, что, переѣзжая мостъ, онъ выпрыгнулъ изъ пролетки и бросился въ воду. Но его вытащили. 12 дней просидѣлъ онъ въ крѣпости и хотя арестъ не повлекъ за собой никакихъ послѣдствій для его службы, но сильно повліялъ на его здоровье: этотъ 28-лѣтній юноша, крѣпкаго сложенія, вдругъ захирѣлъ, осунулся, и хотя начальство отнеслось къ нему участливо, переведши его, для поправленія здоровья, на службу въ Скуляны, но черезъ два года онъ отдалъ Богу душу.

Оканчивая эту печальную исторію, не могу не помянуть добрымъ словомъ генералъ-губернатора Обручева. Мы знаемъ, что Обручевъ за данное имъ, по просьбѣ А. И. Бутакова, разрѣшеніе Ш—ку участвовать своею животворною кистію въ опасной Аральской экспедиціи, получилъ изъ Петербурга строгое замѣчаніе и не смотря на то, не только не принялъ противъ него никакихъ стѣснительныхъ мѣръ, но напротивъ, по возвращеніи поэта изъ экспедиціи, дозволилъ ему остаться въ Оренбургѣ, вдали отъ 5 батальона и тяготы солдатской службы, принималъ его у себя въ домѣ не какъ рядоваго, а какъ талантливаго художника, заказавъ ему написать портретъ своей супруги. Не то было послѣ доноса Исаева...

Обручевъ много потрудился на пользу Оренбургскаго края. Главной его заботой было водвореніе между кочующими киргизами осѣдлости. Между кочевниками онъ ввелъ обязательную запашку. Проѣзжая степью, онъ, говорятъ, самъ, въ присутствіи киргизовъ, подмазывалъ телѣгу и заставлялъ ихъ продѣлывать то же самое. Онъ былъ большой экономъ и ревностно оберегалъ казенные интересы, сдерживая хищничество интендантовъ и инженеровъ.

М. Ч.

[1]) См. Кіев. Ст. 1898 г., мартъ, 429.

Разставшись съ Тарасомъ въ памятный мнѣ первый день Пасхи 1850 года, я не видалъ его до 1857 года, когда я встрѣтился съ нимъ у брата Михаила Матвѣевича въ Петербургѣ, гдѣ я въ этомъ году получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при предсѣдателѣ департамента удѣловъ М. Н. Муравьевѣ. Встрѣтились мы, какъ братья, безъ возгласовъ и восклицаній, но съ глубокимъ чувствомъ благодарности къ Всевышнему и съ увѣренностью въ томъ, что мы остались такъ-же близки другъ другу. 20 марта 1857 года я уѣзжалъ въ командировку въ губерніи: Вятскую, Черниговскую, Орловскую, Московскую, а въ 1859 году назначенъ управляющимъ Орловскою удѣльною конторой. Ш—ко, прощаясь со мной, сказалъ: *любите крестьянъ.* 23 года я занималъ должность управляющаго удѣльною конторой и въ ушахъ моихъ при всякомъ дѣлѣ съ крестьянами постоянно звучали эти знаменательныя два слова: при надѣлѣ ихъ землею я составилъ около 200 уставныхъ грамотъ... и надѣюсь, съ успѣхомъ выполнилъ заповѣдь народолюбца Тараса!...

Хотя по дѣламъ службы, живя въ Орлѣ, я часто бывалъ въ Петербургѣ и въ каждый свой пріѣздъ видѣлся съ Ш—комъ, но о столичной его жизни предоставляю разсказать другимъ. Помню только, что мои знакомые, зная добрыя отношенія ко мнѣ Тараса, просили меня доставить имъ случай познакомиться съ нимъ. Такъ, по просьбѣ Н. Н. Тютчева (члена совѣта департамента удѣловъ) я однажды вечеромъ пришелъ къ нему съ М. С. Щепкинымъ и съ Тарасомъ, который прочелъ нѣсколько своихъ стихотвореній и когда началъ читать „Сонъ“:

„На панщини пшеныцю жала“, и пр.

всѣ прослезились, а М. С—чъ просто рыдалъ [1]).

---

[1]) Щепкинъ подъ старость былъ очень слабъ нервами: читая или выслушивая что нибудь доброе, хорошее, онъ заливался слезами. О такой чувствительности комика, между прочимъ, свидѣтельствуетъ четверостишіе водевилиста Ленскаго: когда его пригласили участвовать въ подпискѣ на юбилей М. С—ча, то онъ сказалъ такой экспромтъ:

Заиграетъ оркестръ Сакса
И заискрится аи,
И заплачетъ старый плакса
И съ нимъ денежки мои. (Рус. Архивъ 84 г.)

М. Ч.

Въ августѣ 1859 года я нѣсколько дней провелъ съ Тарасомъ у матери въ селѣ Гирявкѣ, въ Конотопскомъ уѣздѣ. Съѣхались мы совершенно случайно. Возвращаясь изъ своей поѣздки на родину, по дорогѣ изъ Кіева въ Петербургъ, онъ заѣхалъ въ Гирявку и къ нашему общему удовольствію засталъ тамъ и меня; объѣзжая свой районъ по удѣльному вѣдомству, я заѣхалъ погостить у матери.

Живя въ Гирявкѣ, Тарасъ, по обыкновенію, вставалъ очень рано и отправлялся въ садъ, садился тамъ подъ вербою и оставался въ созерцательномъ состояніи, до чаю. Настроеніе его, вслѣдствіе испытанныхъ имъ на родинѣ непріятностей, было какое-то удрученное... Впрочемъ это состояніо не помѣшало Тарасу Григорьевичу нарисовать тогда портретъ нашей матери для подарка брату Михаилу [1]).

Изъ Гирявки мы выѣхали вмѣстѣ. Я довезъ его до Сѣвска и повернулъ въ сторону—осматривать свое удѣльное хозяйство, а онъ поѣхалъ дальше одинъ на почтовыхъ.

---

[1]) Портретъ этотъ теперь хранится у Ал. М. Л—аго, вмѣстѣ съ портретомъ М. М—ча Л—аго, нарисованнымъ Т. Г. Ш—комъ въ 1858 г. Ред.

Свѣдѣнія по вопросу о мѣстѣ погребенія Т. Г. Шевченка и о первомъ посмертномъ изданіи его сочиненій.

Въ собраніе рукописей В. В. Тарновскаго недавно поступила небольшая пачка бумагъ изъ числа оставшихся послѣ смерти Михаила и Василія Матвѣевичей Лазаревскихъ, состоящая изъ нѣсколькихъ писемъ и счетовъ и заключающая въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія: во 1-хъ, о мѣстѣ погребенія Т. Г. Шевченка и устройствѣ его могилы, и во 2-хъ, объ изданіи его сочиненій. Этими свѣдѣніями мы и считаемъ не лишнимъ подѣлиться съ читателями.

I.

По вопросу о мѣстѣ погребенія Т. Г. Шевченка, какъ можно заключать изъ сохранившихся между означенными бумагами писемъ свояка и „названнаго брата“ Т. Г. Шевченка, Варѳоломея Григорьевича Шевченка, Михаилъ Матвѣевичъ Лазаревскій былъ того мнѣнія, что похоронить Т. Г. Шевченка слѣдуетъ въ Кіевѣ, въ Выдубицкомъ монастырѣ. Въ письмѣ отъ 17 марта 1861 года Варѳоломей Г. Шевченко, отвѣчая на письма Михаила М. Лазаревскаго отъ 25 и 28 февраля и сообщая, что по полученіи извѣстія о смерти Тараса Григорьевича онъ еще не успѣлъ повидѣться съ родными его братьями Никитою и Іосифомъ и сестрою Ириною и что довѣренность, о которой

писалъ Михаилъ Матвѣевичъ, [1]) будетъ выслана послѣ свиданія съ ними,—выражалъ свое согласіе съ мнѣніями Михаила Матвѣевича (въ чемъ именно—не объясняется), а затѣмъ дальше продолжалъ: „Въ одномъ только позвольте мнѣ разойтись съ Вашимъ мнѣніемъ, именно, что похоронить Тараса, по моему, слѣдуетъ на томъ мѣстѣ, которое я купилъ ему въ Каневѣ; онъ такъ бредилъ этою позиціею, что на эту тему прислалъ маленькій кусочекъ написанныхъ имъ стиховъ. Поэтому я думаю, написать въ довѣренности и прошеніи слѣдуетъ такъ: „перевезти тѣло въ Кіевскую губернію и похоронить на указанномъ имъ самимъ мѣстѣ". Это—высокій холмъ надъ Днѣпромъ въ лѣсу съ удивительнымъ видомъ на Полтавскую и часть Кіевской губерніи, гдѣ на его гробѣ поставить возможно огромной величины, чугунный крестъ на пирамидальномъ каменномъ пьедесталѣ, въ выраженіе того, что онъ понесъ тяжелый крестъ въ своей жизни до предѣловъ гроба, за любовь къ братьямъ. Противъ этого мѣста лѣтомъ пристаютъ пароходы, а крестъ будетъ виденъ очень, очень далеко, и пожалуй современемъ эта мѣстность приметъ названіе—„*Шевченкова могила*".

Подъ этимъ письмомъ имѣется приписка отъ 18 марта, въ которой сообщается, что послѣ написанія приведенныхъ строкъ явились братья Т. Г. Шевченка и что теперь можно сдѣлать все сразу. Дальше Варѳоломей Шевченко продолжаетъ: „они (т. е.) братья согласны на мое мнѣніе; поэтому посылаю при семъ бумагу въ Академію [2]) а остальное, т. е. довѣренность, и прошеніе Министру [3]) пришлю по слѣдующей почтѣ; завтрашній день ѣду съ братьями въ Кіевъ для засвидѣтельствованія довѣренности и для узнанія, не будетъ ли препятствія похоронить Тараса въ Каневѣ, на той горѣ, которая ему предназначалась для хаты".

---

[1]) Этою довѣренностью надо было уполномочить Михаила М. Лазаревскаго отъ наслѣдниковъ Т. Г. Шевченко на совершеніе всякихъ сдѣлокъ относительно движимости и литературной собственности покойнаго поэта.

[2]) Конечно, надо разумѣть академію художествъ.

[3]) Надо думать—о разрѣшеніи перевезть тѣло Т. Г. Шевченка въ Кіевскую губернію.

Въ другомъ письмѣ, отъ 20 марта 1861 г., Вареоломей Шевченко сначала продолжаетъ отстаивать высказанную раньше мысль, говоря: „относительно погребенія Тараса Григорьевича въ Каневѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ желалъ построить себѣ домъ, объяснюсь Вамъ слѣдующими словами: ему это мѣсто чрезвычайно нравилось, такъ что онъ постоянно объ этомъ мечталъ; желаніе братьевъ единодушное похоронить его непремѣнно въ Каневѣ, почему я подалъ уже объявленіе къ начальнику полиціи и просилъ его исходатайствовать разрѣшеніе.“ Но потомъ, уступая Михаилу М. Лазаревскому, онъ пишетъ: „въ доказательство же, что я спорить съ Вами не намѣренъ, пришлю Вамъ съ слѣдующею почтою другое прошеніе къ Министру, въ которомъ буду просить похоронить въ Выдубицкомъ монастырѣ въ Кіевѣ; этимъ Вы будете уполномочены поступить по вашему желанію.“

Какъ и при какихъ обстоятельствахъ окончательно разрѣшился вопросъ о мѣстѣ погребенія Т. Г. Шевченка—читателямъ Кіевской Старины извѣстно изъ другихъ помѣщенныхъ въ ней матеріаловъ, въ дополненіе къ которымъ мы сочли нужнымъ привесть выписанныя выше и высказанныя вслѣдъ за смертью поэта соображенія объ избраніи мѣста погребенія его. Изъ нихъ видно, что немедленно по полученіи извѣстія о кончинѣ Т. Г. Шевченка его „названный братъ“ и другъ, ссылаясь на единодушное желаніе родныхъ братьевъ, высказывалъ ту же мысль, которую позже горячо поддерживалъ и привелъ въ исполненіе другой пріятель его Г. Н. Честаховскій; причемъ оба они, повидимому, руководились тѣмъ желаніемъ поэта, которое выразилось въ словахъ:

Якъ умру, то поховайте
Мене на могыли
Середъ степу широкого,
На Вкраини мылій,
Щобъ ланы шырокополи
И Днипро, и кручы
Булы выдни, було чуты
Якъ реве ревучій...

Разница между ними въ этомъ отношеніи заключалась въ томъ, что Варѳоломей Шевченко, высказавъ свои пожеланія въ письмахъ къ Мих. М. Лазаревскому, чтобъ не спорить съ нимъ, готовъ былъ уступить ему, соглашаясь на погребеніе въ Кіевѣ, а затѣмъ, ко времени привезенія туда тѣла Т. Г. Шевченка, какъ сообщалось объ этомъ въ «Кіевской Старинѣ» *), по неизвѣстнымъ причинамъ избралъ для погребенія въ Кіевѣ не то мѣсто, на которое указывалъ Мих. М. Лазаревскій (Выдубицкій монастырь), а другое (на Щекавицкомъ кладбищѣ). Честаховскій же не хотѣлъ никому уступать и энергично отстоялъ мысль о погребеніи Т. Г. Шевченка около Канева на горѣ надъ Днѣпромъ.

Изъ позднѣйшихъ писемъ Варѳоломея Шевченка видно, что устройство надъ могилою Т. Г. Шевченка сооруженія, имѣющаго видъ продолговатаго кургана, потребовало значительнаго времени и что это сооруженіе представляетъ собою не простую земляную насыпь, какъ это кажется съ перваго взгляда, а заключенную между двойными каменными стѣнами, устроенными для того, чтобы современемъ насыпь не могла осыпаться. Въ письмѣ, писанномъ чрезъ шесть лѣтъ послѣ перевезенія тѣла Т. Г. Шевченка въ Каневскій уѣздъ, именно 21-го іюля 1867 г., и адресованномъ Мих. М. Лазаревскому, Варѳоломей Шевченко съ приложеніемъ чертежа работъ, сообщалъ, что въ первыхъ числахъ іюля онъ распорядился начать постройку надъ могилою «покойнаго батька» по плану, который ранѣе былъ доставленъ Михаилу Матвѣевичу, и что первую стѣну, которая опоясываетъ могилу и въ основаніи своемъ имѣетъ толщины $1^1/_2$ аршина, а къ верху должна съузиться до $^3/_4$ аршина (чтобъ сооруженіе имѣло могилообразный видъ), воздвигли до высоты $1^1/_2$ аршинъ. Оставалось возвысить эту стѣну еще на столько же и затѣмъ, отступивъ отъ нея $1^1/_2$ аршина, построить другую стѣну вышиною въ $1^1/_2$ аршина, такъ чтобы вокругъ внутренней стѣны образовалась терраса, на которой можно бы было

*) 1894 г., № 2.

посадить деревья. Но генералъ-губернаторъ Юго-Западнаго края Безакъ, пріѣхавъ въ Каневъ и узнавъ отъ мѣстнаго городского головы о воздвигаемомъ надъ могилою Т. Г. Шевченка сооруженіи, воспретилъ продолжать работы; послѣ чего Вареоломей Шевченко, по его разсказу, обратился къ исправнику съ просьбою отыскать въ полиціи дѣло, изъ котораго видно, что на эту постройку разрѣшеніе было дано губернаторомъ. Удостовѣрившись въ этомъ, исправникъ сдѣлалъ представленіе начальству, а пока пришлось пріостановить работы и ожидать вторичнаго разрѣшенія. Опасаясь, что это разрѣшеніе можетъ слишкомъ замедлиться или вовсе не послѣдовать, Вареоломей Шевченко просилъ Михаила Матвѣевича, на случай если придется обращаться къ высшему начальству, подготовить къ этому кого слѣдуетъ и написать проэктъ прошенія Министру.

Это письмо уже не могло застать Михаила М. Лазаревскаго въ живыхъ, такъ какъ смерть его послѣдовала въ маѣ 1867 года. Изъ письма къ Василію М. Лазаревскому, писаннаго 18 апрѣля 1868 г., надо заключать, что разрѣшеніе, объ ожиданіи котораго сообщалось выше, было получено. Въ этомъ письмѣ Вареоломей Шевченко между прочимъ говоритъ: „О произведеніи не оконченной еще постройки на гробѣ батька я донесу вамъ обстоятельнѣе по окончаніи начатой работы, а теперь скажу только, что три четверти постройки сдѣланы, судя по тому, что 6 кубическихъ саженей камня уложено, а по разсчету придется уложить еще 2 саж. Коль скоро откроется весна—теплые дни, тотчасъ приступаю къ работѣ, а по окончаніи поставлю старый крестъ до времени постройки новаго и, снявши фотографическій снимокъ, пришлю Вамъ“.—Когда именно были окончены тѣ работы, о которыхъ идетъ рѣчь въ приведенномъ отрывкѣ—на это нѣтъ указаній въ разсматриваемыхъ нами бумагахъ: въ имѣющихся между ними позднѣйшихъ письмахъ Вареоломея Шевченка о могилѣ почившаго поэта больше уже не упоминается.

II.

Относительно изданія сочиненій Т. Г. Шевченка изъ сохранившагося въ бумагахъ Михаила М. Лазаревскаго счета типографіи П. А. Кулиша отъ 13 февраля 1860 г. видно, что вышедшее при жизни автора въ 1860 году изданіе „Кобзаря" было отпечатано въ 6050 экземплярахъ (въ томъ числѣ 50 экз. на веленевой бумагѣ), изъ которыхъ по отпечатаніи въ контору Яхненка было выслано 735 экземпляровъ—очевидно, въ возвратъ тѣхъ 1100 рублей, которые П. Ѳ. Симиренкомъ даны были на это изданіе [1]) и которыхъ оказалось болѣе чѣмъ достаточно для изданія, ибо всѣ издержки его составили сумму въ 1048 руб. 10 коп. Изъ денегъ вырученныхъ отъ продажи экземпляровъ при посредствѣ типографіи П. А. Кулиша и завѣдывавшаго ею Д. С. Каменецкаго, кромѣ покрытія всѣхъ издержекъ изданія и расходовъ на печатаніе объявленій и укупорку и пересылку въ разныя мѣста книгъ, Т. Г. Шевченко при жизни своей успѣлъ получить наличными деньгами 1591 руб. 67 коп. и вещами (разныя книги, купленныя по порученію Т. Г—ча и кожанъ, купленный по его-же порученію для Варѳоломея Шевченка) на 74 руб. 68 коп. Наличныя деньги вручались Тарасу Григорьевичу разными суммами: наибольшее полученіе въ тысячу рублей [2]), наименьшее—въ 20 копѣекъ (на извощика).

Изъ другихъ счетовъ и отмѣтокъ видно, что по сдѣланному послѣ смерти Т. Г. Шевченка, именно 22 мая 1861 г., приведенію въ извѣстность числа остававшихся непроданными экземпляровъ „Кобзаря" оказалось, что ихъ оставалось къ означенному времени 2373. Къ этой цыфрѣ на разсчетномъ листкѣ прибавлено: „на 2966 р. 25 к.", изъ чего видно, что въ то время предполагалось дѣлать книгопродавцамъ уступку по 25 коп. на каждомъ экземплярѣ, или иначе—продавать имъ

[1]) См. объ этомъ въ Кіевской Старинѣ 1889 г. № 2.

[2]) Вѣроятно, это была та тысяча которую Т. Г—чъ 29 іюля 1869 г. выслалъ Варѳоломею Шевченку для покупки земли. См. *Конисскаго* „Жизнь Т. Г. Шевченка", стр. 621.

каждый экземпляръ по 1 р. 25 коп. Но вслѣдъ затѣмъ продажная цѣна „Кобзаря" была понижена съ 1 руб. 50 коп. до 75-ти копѣекъ, вѣроятно для того, чтобъ скорѣе можно было приступить къ новому изданію.

Это пониженіе цѣны „Кобзаря" было сдѣлано слишкомъ поспѣшно, при не совсѣмъ вѣрныхъ предположеніяхъ относительно того, сколько времени можетъ потребоваться для распродажи остававшихся непроданными экземпляровъ и когда въ дѣйствительности будетъ приступлено къ новому изданію. Между тѣмъ по поводу пониженія цѣны заявили претензіи тѣ книгопродавцы, у которыхъ, какъ по крайней мѣрѣ они заявляли, еще оставались непроданными экземпляры, пріобрѣтенные ими раньше. Такъ, одесскій книгопродавецъ А. С. Великановъ въ письмѣ отъ 15 марта 1862 г. писалъ Мих. М. Лазаревскому, что публикація, сдѣланная о продажѣ „Кобзаря" по 75 коп., можетъ причинить ему большой убытокъ, такъ какъ изъ 150 экземпляровъ, купленныхъ имъ при жизни Т. Г. Шевченка по цѣнѣ 1 р. 50 съ уступкою 20 ти процентовъ, у него еще остались непроданными 112 экз., вслѣдствіе чего, для отвращенія этаго убытка, онъ требовалъ, чтобъ ему было додано (т. е. безплатно выслано) 85 экземпляровъ, причемъ прибавлялъ, что онъ дѣлаетъ это по совѣту П. А. Кулиша. На этомъ письмѣ имѣется сдѣланная рукою Михаила Матвѣевича отмѣтка: „13 апрѣля написано въ Спб. Честаховскому о высылкѣ 85 экз.",— изъ чего видно, что требованіе Великанова было удовлетворено.

Чрезъ непродолжительное время послѣ того все изданіе „Кобзаря" 1860 г. было распродано, а выходъ новаго изданія замедлился. Изъ письма Варѳоломея Шевченка отъ 25 апрѣля 1865 г. видно, что Полтавскій книгопродавецъ Труновъ, не находя нигдѣ „Кобзаря", 29 марта 1865 г. обращался къ В. Шевченку съ запросомъ о томъ, не можетъ ли онъ указать, гдѣ бы можно было найти эту книгу, на которую есть запросъ со стороны покупателей,—на что В. Шевченко отвѣчалъ, что онъ самъ не знаетъ, остался ли еще гдѣ нибудь въ продажѣ „Кобзарь".—Изъ Харькова уполномоченный Е. С. Баллиной Мос-

соловскій 5 марта 1865 г. писалъ Михаилу М. Лазаревскому: „Что у насъ нѣтъ Кобзаря въ продажѣ—это нашъ стыдъ и срамъ. Это дѣло требуетъ болѣе серьезнаго вниманія, чѣмъ всѣ другія дѣла, о которыхъ столько хлопочутъ“. Затѣмъ Моссоловскій сообщилъ, что Баллина желаетъ издать по возможности полное собраніе сочиненій Т. Г. Шевченка, и кромѣ того намѣрена издать отдѣльнымъ томомъ матеріалы для его біографіи, и что относительно сочиненій Т. Г—ча онъ уже обращался съ запросомъ къ Варѳоломею Шевченку,—и просилъ Михаила Матвѣевича, если со стороны. В. Шевченка послѣдуетъ разрѣшеніе, переслать рукописи Т. Г—ча въ магазинъ Баллиной. По этому поводу Варѳоломей Шевченко сообщалъ Михаилу М. Лазаревскому, что М. А. Максимовичъ не совѣтовалъ ему имѣть дѣло съ Баллиной.

Въ томъ же мартѣ Труновъ писалъ Михаилу М. Лазаревскому: „Я слыхалъ, что Вы имѣете въ виду запродать вновь издавать Кобзаря; если можете это предположеніе остановить до моего пріѣзда къ Вамъ, то сдѣлайте это: я по обстоятельствамъ имѣю въ виду самъ съ мадамъ Милорадовичъ пріобрѣсти право и уполномоченъ отъ особы (надо догадываться—отъ ея особы, т. е. г-жи Милорадовичъ) съ Вами переговорить по сему дѣлу“. Кромѣ того, какъ видно изъ письма Варѳоломея Шевченка отъ 26 марта 1865 г., находились также и въ Кіевѣ издатели для „Кобзаря“, желавшіе неизвѣстно почему ограничиться только перепечаткой того, что̀ раньше было напечатано, для чего экземпляръ печатныхъ сочиненій Т. Г. Шевченка уже былъ представляемъ въ кіевскую цензуру [1]); но, какъ сообщалъ В. Шевченко, этотъ печатный экземпляръ кіевская цензура „такъ ощипала, что изъ поэзіи вышли шарады“, почему мысль объ изданіи „Кобзаря“ въ Кіевѣ была оставлена.

[1]) Повидимому, это было сдѣлано безъ вѣдома Михаила М. Лазаревскаго, который вышеупомянутою довѣренностью по передовѣрію отъ В. Г. Шевченка былъ уполномоченъ распоряжаться изданіемъ сочиненій Т. Г. Шевченка и у котораго находились всѣ рукописныя его сочиненія; вѣроятно, упоминаемыя В. Шевченкомъ, но не названныя имъ, лица, желая предпринять указанное изданіе „Кобзаря“ въ Кіевѣ, надѣялись пріобрѣсть право на ето изданіе непосредственно отъ В. Г. Шевченка или наслѣдниковъ поэта.

Наконецъ, свои услуги по изданію сочиненій Т. Г. Шевченка предложилъ петербургской книгопродавецъ-издатель Д. Е. Кожанчиковъ. Въ письмѣ Михаилу М. Лазаревскому отъ 12 мая 1865 г., упоминая о томъ, что по просьбѣ Н. И. Костомарова онъ дѣлалъ разсчетъ стоимости изданія „Кобзаря", и сообщая данныя этого разсчета, онъ вслѣдъ за тѣмъ продолжалъ: „Затѣмъ я поговорю съ Вами о своихъ правахъ: во первыхъ, я любилъ и уважалъ Тараса Григорьевича не менѣе Васъ, а во вторыхъ, по возвращеніи его въ Петербургъ мною было куплено право на изданіе его сочиненій и уже данъ былъ мною задатокъ. Когда же Т. Г—чу предложилъ Яхненко издать его сочиненья задаромъ, то я, не относясь никогда къ моей дружбѣ коммерчески, тотчасъ же отказался, да еще съ удовольствіемъ, отъ моего права и получилъ задатокъ обратно чрезъ П. А. Кулиша. Объ этомъ фактѣ хорошо знаютъ Кулишъ, Бѣлозерскій и Костомаровъ. Слѣдовательно, за мною существуетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ право нравственное. Относительно цензурнаго разрѣшенія надѣюсь успѣть скорѣе всѣхъ прочихъ, какъ москаль, какъ человѣкъ, находящійся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ цензурою и какъ человѣкъ настойчивый". Затѣмъ Кожанчиковъ сообщалъ, что имѣя магазины въ Варшавѣ, онъ разсчитываетъ при посредствѣ этого магазина на большой сбытъ въ Галиціи,— что желалъ бы издать 6000 экземпляровъ, помѣстить хорошій гравированный портретъ Т. Г—ча, а на оборотѣ—видъ его могилы, и, отпечатавши томъ величиною въ номеръ „Современника", пустить въ продажу не дороже одного рубля. Назначить болѣе низкую цѣну Кожанчиковъ не считалъ удобнымъ, опасаясь обратить на себя вниманіе дешевизной. Далѣе онъ продолжалъ: „риску въ изданіи я не вижу, а потому желаю взять въ свою пользу только процентъ за затраченный мною капиталъ и все дѣло сдѣлать не коммерчески. По моему, лучше улучшить внѣшность, нежели издавать въ 75 копѣекъ: рубль за книгу въ 30 листовъ—и такъ у насъ дѣло небывалое. На этихъ дняхъ я купилъ право на изданіе новаго труда Ник. Иван., на изданіе полнаго собранія сочиненій Островскаго и веду переписку объ

изданія, болѣе дешевомъ, сочиненіи Гоголя. Слѣдовательно это было бы для меня кстати". Сообщивъ затѣмъ о письмѣ, посланномъ Варѳоломею Шевченку съ тѣмъ же предложеніемъ, Кожанчиковъ добавлялъ: „надѣюсь, что Вы не только меня отрекомендуете (т. е. В. Шевченку) хорошо, но поможете мнѣ въ пріобрѣтеніи права и во всемъ прочемъ. Мое же предложеніе, какъ я полагаю, Васъ избавитъ отъ хлопотъ, а въ цензурномъ отношеніи даже поможетъ, и Н. И. (т. е. Костомаровъ) избавитъ отъ траты денегъ. Однимъ словомъ, имѣйте меня въ виду, какъ покупателя".

Еще не получивъ письма отъ Кожанчикова, Варѳоломей Шевченко, отвѣчая на письмо Михаила М. Лазаревскаго, 17 мая 1865 г. писалъ ему: „Что издавать „Кобзаря" въ Петербургѣ слѣдуетъ—это дѣло не вызываетъ возраженій; что лучше всѣхъ можетъ сдѣлать Николай Ивановичъ—также безъ всякаго сомнѣнія. Если Вы съ нимъ переговорили, то значитъ дѣло въ шляпѣ" [1]). Въ припискѣ подъ этимъ письмомъ Варѳоломей Шевченко говоритъ, что сейчасъ онъ получилъ письмо отъ Кожанчикова и что, если Н. И. Костомаровъ не возьмется за изданіе, а другого болѣе вѣрнаго средства издать „Кобзаря" не будетъ, то онъ находитъ возможнымъ принять предложеніе Кожанчикова, къ чему однако прибавлялъ: „но я не намѣренъ отступать отъ моего предположенія, что, если печатать полнаго „Кобзаря", то не менѣе 9000 экземпляровъ и продавать не дороже 60 коп. за экземпляръ".

[1]) Вѣроятно, въ письмѣ М. М. Лазаревскаго шла рѣчь о томъ, что печатаніе въ Петербургѣ можетъ быть сдѣлано подъ наблюденіемъ Н. И. Костомарова, а В. Шевченко понялъ это сообщеніе въ томъ смыслѣ, что Н. И. Костомаровъ берется не только редактировать изданіе, но и предпринять его на свой счетъ. Изъ другого, болѣе ранняго письма В. Шевченка видно, что въ скоромъ времени послѣ смерти Т. Г. Шевченка П. А. Кулишъ предлагалъ ему свои услуги по редакціи „Кобзаря". Именно, въ письмѣ М. М. Лазаревскому отъ 20 марта 1861 г. В. Шевченко говоритъ по этому предмету слѣдующее: „Пантелеймонъ Александровичъ писалъ ко мнѣ, что желалъ бы досмотрѣть, когда поступятъ въ печать сочиненія Т. Г., чтобы помочь къ правильнѣйшему ихъ изданію; позвольте просить Васъ принять это къ свѣдѣнію, не объявляя однако о томъ, что я къ Вамъ пишу".

Затѣмъ изъ письма В. Шевченка отъ 23 августа 1865 г. видно, что Мих. М. Лазаревскій 14 іюля 1865 г. извѣстилъ его о заключеніи условія съ Кожанчиковымъ, прибавивъ, что о подробностяхъ увѣдомитъ по совершеніи контракта. По этому поводу В. Шевченко писалъ: „слѣдовательно, лишь оставалось ждать Вашего увѣдомленія и тогда уже писать Вамъ, но я не могу вытерпѣть до того времени, чтобы не поблагодарить Васъ за отлично устроенное дѣло. Какія бы ни были кондиціи Вашего условія съ Кожанчиковымъ, во всякомъ случаѣ я вполнѣ увѣренъ, что онѣ хороши, тѣмъ болѣе, что дѣло поведетъ Николай Ивановичъ—человѣкъ извѣстный своимъ знаньемъ дѣла и дружбою, которую онъ питалъ къ самому автору, а также любовію ко всему родному. Вотъ именно теперь я совершенно покоенъ относительно изданія „Кобзаря“. Повторяю только мою покорнѣйшую просьбу имѣть въ виду два главныя условія: первое—сколь возможно большее число экземпляровъ напечатать и второе—сколь возможно доступнѣе по цѣнѣ для народа“.

Послѣ этого письма, за періодъ времени съ 23 августа 1865 г. до марта 1867 г. не сохранилось никакихъ бумагъ въ числѣ разсматриваемыхъ нами. Изъ писемъ же Кожанчикова 1867 года видно, что къ изданію „Кобзаря“ было приступлено имъ безъ заключенія письменнаго договора, по одному словесному соглашенію, сущность котораго заключалась въ томъ, что всѣ расходы на изданіе долженъ былъ произвесть Кожанчиковъ, а затѣмъ вырученный отъ изданія доходъ долженъ былъ быть раздѣленъ между Кожанчиковымъ и наслѣдниками Т. Г. Шевченка пополамъ. Уже въ мартѣ 1867 г., когда М. М. Лазаревскій сталъ страдать болѣзнью, сведшею его въ могилу, Кожанчиковъ, извѣщая его, что изданіе „идетъ какъ по маслу“ и приближается къ концу, писалъ дальше: „мое предпріятіе можетъ прихлопнуть цензура, тогда какъ я еще не знаю даже, мое ли оно: Вы знаете, у насъ нѣтъ никакой даже письменной записки, и я даже не знаю, изъ за чего буду рисковать, почему рѣшаюсь выставить Вамъ здѣсь всѣ расходы по изданію и предложить Вамъ мои условія; это при наступленіи кризиса считаю

во всякомъ случаѣ необходимымъ. „Затѣмъ, высчитавъ всѣ расходы по изданію, Кожанчиковъ составилъ проэктъ письменнаго домашняго договора, который подписалъ и приложилъ къ своему письму, предлагая Михаилу Матвѣевичу, если онъ согласится на предлагаемыя условія, переписать и подписать его, а на случай несогласія съ нимъ писалъ слѣдующее: „если Вамъ мои условія покажутся обидными, это дѣло можно поправить: увѣдомьте меня только, что Вы все изданіе берете за себя, и тогда я конечно избавлюсь отъ всякой отвѣтственности. Вы заплатите мнѣ за бумагу, заплатите сами типографіи и примите на себя уплату прочихъ расходовъ; я и на это согласенъ и, говорю искренно, обижаться не буду, даже приму на себя всѣ сдѣланные расходы по публикаціямъ“.

По сдѣланному Кожанчиковымъ разсчету издержекъ и написанному имъ проэкту условія, наслѣдникамъ Т. Г. Шевченка, за продажу Кожанчикову права изданія „Кобзаря“ въ 3,000 экземплярахъ, причиталось получить 600 рублей. Въ объясненіе этого, въ письмѣ отъ 12 марта 1867 г. Кожанчиковъ писалъ М. М. Лазаревскому: „Заключая со мною условіе гораздо ранѣе, Вы рѣшились прибыль раздѣлить пополамъ. Я тогда же высчитывалъ Вамъ, что прибыли болѣе 1600 рублей не будетъ (ошибся не въ свою пользу); значитъ, наслѣдники получили бы 800 руб., никакъ не болѣе, и Вы были согласны. Послѣ этаго Вы прибавили редакцію (т. е. расходъ на редактированія изданія) въ 150 рублей (которыя, какъ указано въ томъ же письмѣ, слѣдовало уплатить Вашкевичу) и 200 рублей за портретъ; слѣдовательно, если мы дадимъ наслѣдникамъ 600 руб., вмѣсто 800 р., они обижаться не должны“.

Изъ разсматриваемыхъ нами бумагъ не видно, почему именно изданіе было отпечатано въ такомъ сравнительно небольшомъ числѣ экземпляровъ, когда Варѳоломей Шевченко требовалъ печатать не менѣе 9000 экземпляровъ, а самъ Кожанчиковъ въ вышеприведенномъ письмѣ выражалъ желаніе издать 6000 экземпляровъ и когда спросъ на „Кобзаря“ былъ такъ великъ, что можно было, какъ это доказали послѣдствія, смѣло разсчитывать на

распродажу болѣе десятка тысячъ экземпляровъ, при чемъ наслѣдники Т. Г. Шевченка могли бы получить сумму, въ нѣсколько разъ бо́льшую той, которую они получили. Въ виду же того, что въ письмахъ Кожанчикова, писанныхъ въ мартѣ 1867 г., высказываются опасенія, что предпріятіе „можетъ прихлопнуть цензура“ и что такая возможность была предусмотрѣна въ самомъ проэктѣ условія[1]), мы думаемъ, что рѣшеніе ограничить число экземпляровъ состоялось подъ вліяніемъ опасеній того, что изданіе, печатавшееся, на основаніи новаго закона, незадолго передъ тѣмъ послѣдовавшаго, безъ предварительной цензуры, можетъ быть воспрещено по отпечатаніи книги, при чемъ получился бы убытокъ—тѣмъ большій, чѣмъ больше экземпляровъ было бы издано[2]).

Вѣроятно найдя упомянутую, причитавшуюся наслѣдникамъ Т. Г. Шевченка сумму слишкомъ незначительной и желая увеличить ее, М. М. Лазаревскій, который прежде самъ хотѣлъ, чтобы цѣна „Кобзаря“ была назначена возможно ниже, теперь, уже послѣ того, какъ Кожанчиковъ напечаталъ публикаціи съ упоминаніемъ о томъ, что „Кобзарь“ будетъ продаваться по 1 руб. 25 коп., пожелалъ возвысить ее, но на это не согласился Кожанчиковъ, который въ письмѣ отъ 12 марта 1867 г., писалъ по этому поводу: „изъ письма Вашего я замѣчаю, что Вы не прочь повернуть это дѣло на коммерческій ладъ и объявить цѣну въ 2 руб. Я Вамъ на все сдѣлаю разсчетъ ниже, но самъ на него согласиться не могу. Я не разъ предлагалъ Вамъ повести это дѣло иначе; говорилъ, что для меня совсѣмъ нѣтъ выгоды: но Вы не вняли моимъ доводамъ, а теперь я долженъ сказать, что поздно. Поднимать цѣну въ новыхъ публикаціяхъ я для себя считаю неприличнымъ, и потому готовъ

---

[1]) Въ 5-мъ пунктѣ условія по этому предмету было изложено слѣдующее: „Въ случаѣ запрещенія правительствомъ продажи вышеозначенныхъ сочиненій Т. Г. Шевченка я, Кожанчиковъ, несу на себѣ одномъ всѣ расходы по изданію и затѣмъ не имѣю болѣе права взыскивать съ г. Лазаревскаго или наслѣдниковъ Шевченка никакихъ убытковъ“.

[2]) Можетъ быть Г. С. Вашкевичъ сообщитъ по этому вопросу какія либо свѣдѣнія.
Ред.

это дѣло кончить для себя безъ пользы, то есть согласенъ только на предложенныя Вамъ мои условія съ добавкою пункта, изъясненнаго въ этомъ письмѣ [1]). Если это Вамъ кажется невыгоднымъ или неудобнымъ, возьмите все изданіе на себя со всѣмъ его рискомъ, или, надбавивши цѣну на изданіе, продайте его другимъ книгопродавцамъ; но мнѣ согласиться на новыя условія невозможно, и потому я отъ нихъ отказываюсь".

Кромѣ разногласія въ цѣнѣ „Кобзаря", установившейся согласно желанію Кожанчикова, М. М. Лазаревскій потребовалъ измѣненія еще одного пункта условія, который былъ измѣненъ согласно его требованію, послѣ чего условіе было имъ подписано. Случилось это уже незадолго до смерти М. М. Лазаревскаго, послѣдовавшей, какъ мы упоминали выше, въ маѣ 1867 года.

Независимо отъ того, что изданіе Кожанчикова было отпечатано въ слишкомъ недостаточномъ, несоразмѣрномъ съ запросомъ, количествѣ экземпляровъ, его постигла одна неудача. Вслѣдъ за выходомъ этого изданія въ свѣтъ, книгопродавецъ И. Т. Лисенковъ предъявилъ къ Кожанчикову искъ, доказывая свое право собственности на сочиненія Т. Г. Шевченка на основаніи двухъ документовъ: а) собственноручной надписи Т. Г. Шевченка, сдѣланной 8 февраля 1843 г. на экземплярѣ изданія „Кобзаря" 1840 г., слѣдующаго содержанія: „Въ вѣчное и потомственное владѣніе передаю право сего сочиненія Ивану Тимофеевичу Лисенкову. Шевченко",—и б) условія, также собственноручно написаннаго Т. Г. Шевченкомъ того-же 8 февраля 1843 г., слѣдующаго содержанія: „Я, нижеподписавшійся, продалъ въ вѣчное и потомственное владѣніе мое собственное сочиненіе с.-петербургскому книгопродавцу И. Т. Лисенкову стихотворенія на малороссійскомъ языкѣ „Кобзарь" и „Гайдамаки" и симъ обязуюсь, что, кромѣ книгопродавца Лисенкова, ни я, Шевченко, ни даже никто изъ наслѣдниковъ, сего сочиненія печатать не имѣютъ права. Слѣдуемыя за это

---

[1]) Этотъ пунктъ касался опредѣленія послѣдствій неуплаты Кожанчиковымъ въ назначенный срокъ условленной наслѣдникамъ суммы.

деньги сполна получилъ. Если же я сочиненіе безъ вѣдома Лисенкова напечатаю, то обязанъ заплатить Лисенкову 1500 рублей неустойки, въ чемъ и свидѣтельствую собственноручно. Шевченко". О существованіи этихъ записей Т. Г. Шевченка не знали ни М. М. Лазаревскій, ни Кожанчиковъ, и тѣмъ менѣе можно было подозрѣвать объ ихъ существованіи, что и самъ Т. Г. Шевченко, повидимому, не вспомнилъ объ нихъ, когда печаталось изданіе „Кобрзаря" 1860 г., и Лисенковъ при жизни его не рѣшался предъявлять какія либо претензіи по поводу этого изданія, хотя оно по содержанію своему гораздо больше подходило къ изданію 1840 г., чѣмъ изданіе Кожанчикова, которое заключало въ себѣ посмертныя сочиненія Т. Г. Шевченка и въ которомъ стихотворенія, входившія въ изданіе 1840 г., занимали менѣе трети книги.—Теперь же Лисенковъ, утверждая, что Кожанчиковъ нарушилъ его право собственности, потребовалъ взысканія съ него 3750 рублей.

Извѣщая объ этомъ Василія М. Лазаревскаго, который послѣ смерти Михаила Матвѣевича получилъ отъ Варѳоломея Шевченка такую же довѣренность, какою былъ снабженъ Михаилъ Матвѣевичъ, — Кожанчиковъ въ письмѣ отъ 14 ноября 1867 г. писалъ, что вслѣдствіе предъявленія къ нему иска онъ былъ вынужденъ пригласить для веденія дѣла присяжнаго повѣреннаго Спасовича, которому обязался уплатить 300 рублей, и просилъ отсрочить до разрѣшенія апелляціонной жалобы, поданной Лисенковымъ на рѣшеніе петербургскаго окружнаго суда, уплату тѣхъ 600 рублей, которые по условію, заключенному съ Мих. М. Лазаревскимъ онъ обязался уплатить наслѣдникамъ Т. Г. Шевченка 10 ноября 1867 г. При этомъ Кожанчиковъ сообщалъ, что по сдѣланному по окончаніи печатанія подробному разсчету, ему, за уплатою Спасовичу 300-тъ руб., придется получить дохода отъ изданія только 47 рублей.—Въ другомъ письмѣ, уже уплативши въ счетъ условленной суммы 100 рублей, Кожанчиковъ вновь просилъ отсрочить уплату остальныхъ 500 рублей, излагая: „Я прошу Васъ потерпѣть немного не ради моего безденежья, но считая себя по совѣсти

и юридически въ этомъ дѣлѣ правымъ. Мнѣ продали наслѣдники вещь, по мнѣнію Лисенкова имъ не принадлежащую, и за это онъ требуетъ ее съ меня назадъ, или уплаты 3750 руб. По какому же праву я долженъ еще платить наслѣдникамъ за эту же вещь 500 рублей? Я и такъ уже теряю 300 рублей, которые долженъ уплатить Спасовичу. Я уже съ этимъ обстоятельствомъ обращался къ другимъ бывшимъ друзьямъ Вашего покойнаго брата, и всѣ они рѣшили, что эти 300 рублей слѣдовало бы удержать изъ суммы, слѣдующей наслѣдникамъ, но я этого не желаю и никогда не сдѣлаю. Пусть это будетъ доказательствомъ моего уваженія къ покойному Т. Г. Шевченко, а Васъ только покорнѣйше прошу подождать окончанія дѣла; оно непремѣнно кончится теперь скоро".

Затѣмъ, не выждавъ окончанія дѣла, Кожанчиковъ уплатилъ всѣ слѣдующія съ него деньги въ два срока: 300 рублей 29 марта 1868 г. и остальные 200 рублей—5 апрѣля того же года, въ ожиданіи же, что „дѣло непремѣнно скоро кончиться, ему пришлось очень ошибиться: процессъ этотъ тянулся болѣе десяти лѣтъ. Не одинъ разъ судебныя рѣшенія были отмѣняемы сенатомъ, [1]) вслѣдствіе чего, проведя дѣло по всѣмъ инстанціямъ, приходилось опять вести его сначала. Послѣ отмѣны рѣшенія петербургской судебной палаты, дѣло рѣшила московская судебная палата, а послѣ того оно было передано въ харьковскую судебную палату, причемъ производство послѣдней сгорѣло. По окончаніи гражданскаго процесса, Лисенковъ завелъ дѣло въ уголовномъ порядкѣ, обвиняя Кожанчикова въ контрафакціи. Сколько всего пришлось Кожанчикову уплатить денегъ адвокатамъ—неизвѣстно; но, допуская, что многолѣтнее веденіе дѣла разными порядками, въ разныхъ судебныхъ округахъ и въ разныхъ инстанціяхъ должно было стоить не мало денегъ, можно думать, что изданіе Кобзаря 1867 года, доставившее наслѣдникамъ Т. Г. Шевченка очень незначительную сумму, самому издателю причинило убытокъ и массу непріятныхъ хлопотъ.

---

[1]) См. Рѣшенія Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Сената 1869 г. № 178 и 1870 г. № 778.

Разошлось это изданіе, какъ и слѣдовало ожидать при небольшомъ количествѣ экземпляровъ, гораздо быстрѣе предъидущаго: уже 1 мая 1868 г., менѣе чѣмъ черезъ годъ по выходѣ книги, Варѳоломей Шевченко, думая, что процессъ съ Лисенковымъ совсѣмъ окончень, писалъ Вас. М. Лазаревскому: „теперь можно хлопотать о новомъ изданіи, потому что послѣднее разошлось быстро; въ Кіевѣ уже Литовъ, пользуясь случаемъ, деретъ по три рубля за экземпляръ.“ Затѣмъ въ письмѣ отъ 28 апрѣля 1869 г., желая, повидимому, вознаградить возможные убытки Кожанчикова, онъ писалъ: „чтобы дать возможможность Кожанчикову защищать дѣло до конца, необходимо предоставить ему право издать „Кобзарь, тысячъ въ двѣнадцати экземпляровъ на возможно выгодныхъ для него кондиціяхъ, а въ письмѣ отъ 18 февраля 1870 г. уже спрашивалъ В. М. Лазаревскаго, заключено ли съ Кожанчиковымъ условіе на новое изданіе Козбаря“. Въ слѣдующемъ письмѣ В. Шевченко соглашается съ В. М. Лазаревскимъ, что до окончательнаго разрѣшенія процесса съ Лисенковымъ нѣтъ никакого разсчета приступать къ новому изданію „Кобзаря“. Затѣмъ идетъ рядъ писемъ его съ запросами о томъ, не окончился ли процессъ съ Лисенковымъ,—съ разсужденіями о невозможности заводить рѣчь о новомъ изданіи до окончанія этого дѣла и съ выраженіемъ сожалѣній по этому поводу. Такъ, въ письмѣ отъ 14 марта 1870 г. онъ писалъ: „жаль, конечно, что потеряется много времени; теперь большое требованіе, а послѣ, Богъ знаетъ, можетъ быть, совсѣмъ забудутъ, какъ забыли „Хижину дяди Тома“. Подумаешь, какое образцовое произведеніе человѣческаго ума и сердца, а между тѣмъ—прошла пора, и можетъ быть, прошла безвозвратно на всегда; то самое можетъ случиться и съ „Кобзаремъ“.

Опасенія В. Шевченка относительно того, что „Кобзаря“ забудутъ, къ счастію, не оправдались; но много лѣтъ прошло, въ теченіе которыхъ читающая публика напрасно искала въ книжныхъ магазинахъ исчезнувшаго изъ продажи „Кобзаря“; а наслѣдники Т. Г. Шевченка не получали отъ своего литературнаго наслѣдства той пользы, какую при другихъ условіяхъ оно могло бы доставить.

Н. Ш.

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ М. В. ЮЗЕФОВИЧУ.

(1843—1861 г.г.).

Помѣщаемыя ниже 27 писемъ П. А. Кулиша къ извѣстному кіевскому общественному дѣятелю М. В. Юзефовичу представляютъ весьма интересный матеріалъ какъ для біографіи обоихъ этихъ лицъ, такъ и для характеристики эпохи. Большая часть писемъ относится къ 1843—1847 г.г.—эпохѣ въ исторіи Юго-западнаго края крайне любопытной, но все еще мало изученной. Для Кулиша это были годы формированія его богатыхъ духовныхъ силъ, пламеннаго энтузіазма, смѣлыхъ порывовъ и неудержимаго стремленія къ дѣятельности на пользу родного края. За годъ передъ тѣмъ (въ 1842 г.) онъ долженъ былъ оставить мѣсто учителя русскаго языка въ Луцкомъ дворянскомъ училищѣ, поссорившись съ тамошнимъ смотрителемъ Глибовскимъ, и былъ переведенъ на такую же должность въ Кіево-Подольское дворянское училище. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ переводомъ онъ обязанъ былъ покровительству М. В. Юзефовича, бывшаго раньше инспекторомъ казенныхъ училищъ Юго-зап. края, а въ октябрѣ 1842 г. назначеннаго на должность помощника попечителя Кіевск. учебнаго округа. Вѣроятно, послѣднему указалъ на Кулиша М. А. Максимовичъ, его первый покровитель. Надо вообще замѣтить, что М. В. Юзефовичъ съ молодыхъ лѣтъ былъ большимъ поклонникомъ

литературы и искусства, гордился знакомствомъ съ А. С. Пушкинымъ и дружбой съ его братомъ Львомъ, велъ переписку съ литераторами, самъ любилъ пописывать стихи и уже въ то время интересовался мѣстной археологіей и исторіей. Не трудно догадаться, какъ покровительство талантливому молодому писателю легко могло перейти въ дружбу съ нимъ. По крайней мѣрѣ, уже первыя письма Кулиша не оставляютъ сомнѣнія, что у него съ этого времени завязались весьма близкія, дружественныя связи съ расположеннымъ къ нему начальникомъ. Онъ откровенно дѣлится съ нимъ самыми задушевными мыслями, не кроется предъ нимъ съ своею пламенною любовью къ Малороссіи и желаніемъ служить ей. Юзефовичъ съ своей стороны платитъ ему такою же пріязнью и оказываетъ не каждомъ шагу дружескія услуги. Онъ знакомитъ его съ польскими учеными, Грабовскимъ и Свидзинскимъ, доставляетъ ему возможность путешествовать по краю для собиранія этнографическихъ матеріаловъ, переводитъ, по его желанію, на должность учителя Ровенской гимназіи, замышляетъ устроитъ ему ученую командировку въ славянскія земли для приготовленія къ профессурѣ, наконецъ посылаетъ его въ Петербургъ съ рекомендательнымъ письмомъ къ ректору тамошняго университета П. А. Плетневу. Въ то же время Юз—чъ помогаетъ К—шу въ кредитъ печатать въ университетской типографіи свои книги, распространяетъ ихъ по гимназіямъ и училищамъ, дѣлаетъ ему протекцію въ редакціяхъ столичныхъ журналовъ, покровительствуетъ по службѣ его друзьямъ и пріятелямъ и т. под. Такъ продолжается до начала рокового 1847 года, когда Кулишъ получаетъ благодаря стараніямъ Плетнева, отъ Академіи Наукъ ученую командировку заграницу, заѣзжаетъ по пути въ Малороссію, женится и, напутствуемый благожеланіями своего кіевскаго друга, съ молодой женой и ея братомъ направляется къ границѣ,—но въ Варшавѣ подвергается аресту по дѣлу о Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ и, послѣ петербургскихъ казематовъ, ссылается на жительство въ Тулу.

Въ перепискѣ нашихъ друзей наступаетъ восьмилѣтній перерывъ. Помимо неожиданно постигшихъ Кулиша злоключеній, душу его гнетутъ какія-то ужасныя подозрѣнія относительно бывшаго друга и благодѣтеля. Но вотъ ему удается въ 1855 г. лично (или можетъ быть письменно) объясниться съ нимъ,—и онъ уже готовъ покаяться „въ ужасномъ заблужденіи“ относительно друга и радуется, что „съ души свалился тяжкій камень“. Прежнія отношенія возстановились: Кулишъ снова заваливаетъ Юз—ча порученіями (по распродажѣ своихъ изданій и т. под.), откровенно посвящаетъ его въ свои литературные и общесеверные замыслы, величаетъ его „землякомъ“ и, въ качествѣ таковаго, посылаетъ ему нѣсколько писемъ на чистомъ украинскомъ языкѣ.

Эта интересная переписка обрывается въ 1861 году. Кажется, однако, дружественныя отношенія Юз—ча къ К—шу продолжались еще нѣкоторое время, но затѣмъ между ними произошло какое-то недоразумѣніе. Что было его причиною—не извѣстно. Знаемъ лишь, что въ теченіе послѣднихъ 15—20 лѣтъ своей жизни М. В. Юз—чъ отзывался всегда о бывшемъ своемъ „землякѣ“ и другѣ далеко недружелюбно.

Подлинники печатаемыхъ писемъ хранятся въ собраніи В. В. Тарновскаго.

Ред.

1.

Милостивый государь Михайло Владиміровичъ!

Честь имѣю поздравить васъ съ праздникомъ Воскресенія Христова. Я боленъ, и это причиною того, что я до сихъ поръ не могу явиться ни у васъ, ни у князя [1]). Не умѣю сказать, чѣмъ именно я боленъ: чувствую себя какъ бы разбитымъ, но особенно мучитъ меня несносная боль въ груди. Боюсь, чтобъ

---

[1]) Тогдашній попечитель уч. округа князь С. И. Давыдовъ.

это не заставило меня умереть. Не могу ничего дѣлать: вотъ что всего мучительнѣе. Получилъ я изъ книжной лавки Погодина книги: „Шекспиръ“ Кетчера (12 выпусковъ) и „Сочиненія Ник. Гоголя“. Это меня утѣшило нѣсколько въ моей невыразимой скукѣ. Гоголь, подъ вліяніемъ Гомера, дополнилъ своего „Тарасу Бульбу“ и возвысилъ его достоинства. Въ описаніи битвъ онъ совершенно подражаетъ манерѣ гомеровской, и это ему чудесно удалось. Жаль только, что, вычисляя, какъ и въ Иліадѣ, множество ратующихъ героевъ, онъ сочиняетъ ихъ имена. А я въ этомъ случаѣ взялъ бы всѣ ихъ или народныхъ пѣсенъ, или изъ старинныхъ бумагъ. Это необходимое условіе исторической поэмы.

Гоголь больше теперь вчитался въ малороссійскую стастарину, глубже вглядѣлся въ душу южныхъ руссовъ и выразилъ въ „Тарасѣ Бульбѣ“ многія новыя черты народнаго характера, быта и военныхъ „звычаевъ козацкихъ“. Я желалъ бы, чтобъ вы прочли. Каково будетъ ваше мнѣніе? О квартирѣ моей человѣкъ вашъ можетъ узнать въ училищѣ. Письма же отъ Погодина еще ожидаю.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашимъ, м. г., покорнѣйшимъ слугою Пантелеймонъ Кулѣшъ.

1843 г., апрѣля 15. Кіевъ.

2.

М. Г. Михайло Владиміровичъ!

Я не запечаталъ письма къ Погодину для того, что, можетъ быть, вы, прочтя ею, найдете въ немъ что-нибудь не ладное и переправивши возвратите мнѣ для переписанія вновь. Идея новаго романа, о которой я ему пишу, родилась у меня ясно именно въ то время, когда я испугался, чтобъ не умереть отъ боли въ груди. Міръ, представлявшійся мнѣ дотолѣ мрачнымъ скопищемъ людскихъ недостатковъ, вдругъ, при одной

мысли о смерти, явился въ моей душѣ со всѣмъ тѣмъ, что только она находила въ немъ поэтическаго,—и это явленіе неожиданно озарило для меня художественнымъ колоритомъ нѣсколько страницъ *нашей* исторіи. Я, кажется, пишу темно: нельзя ясно высказать того, что еще душевныя силы ворочаютъ въ неопредѣленномъ хаосѣ, доколѣ твореніе не явится уму возведеннымъ въ ту степень ясности и цѣлости, послѣ которой поэтъ можетъ уже смѣло выражать себя письменно. Опять темно, и потому оставляю: можетъ быть, и ничего не выйдетъ изъ этого хаоса, и я напередъ боюсь, чтобъ Вы не журили меня за дѣтское болтанье. Правда Шиллеръ не иначе создавалъ свои творенія, какъ разболтавши сперва своимъ знакомымъ все, что было у него на душѣ, и наговорившись досыта о своемъ будущемъ дѣтищѣ.

Обѣщаніе Ваше посѣтить когда-нибудь мою обитель весьма меня обрадовало, тѣмъ болѣе, что я вовсе не заслуживаю такой чести, развѣ, при помощи Божіей, заслужу ее въ будущемъ. Но когда уже дома я вспомнилъ, что Вы можете застать меня одѣтымъ не такъ, какъ бы слѣдовало къ принятію столь почтеннаго посѣтителя, то пришелъ въ большое затрудненіе; ибо, привыкши жить на свободѣ, несвязаннымъ ни съ какимъ семействомъ, не могу одѣвшись работать. А потому напередъ покорнѣйше прошу извинить меня въ этомъ, во имя литературы и живописи.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностью и. ч. быть и проч. Пантелеймонъ Кулѣшъ.

1843 г., апрѣля 27. Кіевъ.

3.

М. Г. Михайло Владиміровичъ!

Я теперь хожу какъ пчела по сотамъ: гдѣ только встрѣчу сѣдую бороду, не отойду отъ нея безъ того, чтобъ не выжать

изъ нея пахучаго цвѣтка народной поэзіи, или въ преданіи, или въ пѣснѣ. Изученіе этихъ малороссійскихъ антиковъ такъ же меня совершенствуетъ, какъ совершенствуетъ живописца изученіе антиковъ скульптуры. Но меня смущаетъ посреди моей лабораторіи то, что я не имѣю средствъ, возвратившись въ Кіевъ, пополнить, что я издержу изъ данной мнѣ казенной суммы денегъ; а не издержать лишняго сверхъ $1^1/_2$ рубля, ассигн. въ сутки, мнѣ въ дорогѣ рѣшительно не возможно. Почему обращаюсь къ Вамъ, моему всегдашнему покровителю и защитнику, съ покорнѣйшею просьбою разослать сколько можно по округу мои книги, чтобъ я вырученными чрезъ то деньгами могъ пополнить казенную сумму, а иначе—я найдусь Богъ знаетъ въ какомъ положеніи. Это иногда сильно меня тревожитъ. Здѣсь познакомился я съ извѣстнымъ Мих. Грабовскимъ [1]) и нашелъ въ немъ человѣка весьма умнаго и чрезвычайно трудолюбиваго. Онъ пригласилъ меня провесть у него въ деревнѣ нѣсколько дней и представилъ въ мое распоряженіе свою библіотеку и всѣ свои бумаги, которыхъ у него множество. И я теперь посреди книгъ и бумагъ чувствовалъ бы себя какъ въ раю, еслибъ не сказанное обстоятельство. Отсюда я буду углубляться въ разныя мѣста Украины для изысканія развалинъ народной поэзіи,—дѣло великой важности, какъ я увидѣлъ послѣ нѣсколькихъ опытовъ. Михайло Александровичъ [2]) написалъ о Колівщинѣ сущій вздоръ, который я совѣтовалъ бы ему предать забвенію: я только теперь то увидѣлъ. Я самъ думаю написать о Колівщинѣ, нуждѣ нѣтъ, что Скальковскій пишетъ исторію гайдамакъ. Я Грабовскому сообщилъ много такого, что его удивило, но за то и у него нашелъ такіе матеріалы для исторіи Малороссіи, о которыхъ намъ, заднѣпрянамъ, и не снилось. Теперь Грабовскій пишетъ романъ изъ старины, но болѣе нравоописательный, чѣмъ историческій. Умная, свѣтлая го-

---

[1]) Извѣстный польскій писатель (1805 † 1863), жившій въ своемъ имѣніи селѣ Александровкѣ, Чигиринскаго уѣзда. Извѣстна его статья—*O piesniach ukrainskich*, написанная по поводу Сборника Малор. пѣсенъ Максимовича 1834 г. и напечат. въ 1-мъ томѣ книжекъ Грабовскаго—„Literatura i Krytyka“, (стр. 5—118).

[2]) Максимовичъ.

лова. Онъ очень пригодился бы въ нашей Археографической Коммиссіи. Онъ, между прочимъ, совѣтуетъ мнѣ заняться сочиненіями, подобными Огненному Змѣю, а съ романомъ пока обождать для лучшаго познанія человѣка. Моего „Мих. Чарнышенка" переводитъ кто-то подъ его руководствомъ на польскій языкъ. Онъ говоритъ, что я первый постигъ элементы души запорожской, и что со временемъ я напишу что нибудь равное Ваверлею, Пуританамъ и проч. А мои народныя легенды (въ „Кіевлянинѣ") онъ ставитъ единственными въ русской литературѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть и проч. Пантелеймонъ Кулѣшъ.

1843 года, іюля 31. Д. Александровка.

4.

М. Г. Михайло Владиміровичъ

У меня родилась такая дерзкая мысль, что я уже не смѣлъ и говорить Вамъ о ней прежде ея осуществленія,—мысль выразить жизнь Малороссійскаго народа въ *эпопеѣ*! Я избралъ для этого языкъ и форму народныхъ нашихъ думъ, которыя изучалъ долго и прилежно, и такъ какъ думы наши суть отрывки народной эпопеи, то я вставлялъ ихъ цѣликомъ, приблизясь къ воспѣваемой въ нихъ эпохѣ. Я довелъ такимъ образомъ свою необычайную композицію до смерти Остряницы. Тутъ поляки доходятъ до величайшаго варварства, души мучениковъ возносятся къ Богу и просятъ отмщенія. Отмщеніе готовится въ страшномъ для Польши Хмельницкомъ. Можетъ быть, я и совсѣмъ не показалъ бы Вамъ этого труда, предпринятою не съ полною увѣренностью въ своихъ силахъ, но Грабовскій, которому я читалъ, превозноситъ его такими похвалами, что и я начинаю вѣровать въ его достоинства. Онъ выпросилъ у меня два отрывка и послалъ Крашевскому въ „Ате-

неумъ". Совѣтуетъ издать эту первую часть въ Кіевѣ, а онъ перепечатаетъ польскими буквами, и увѣряетъ, что она разойдется по всему Славянскому міру. Продоставляю это на Ваше усмотрѣніе [1]). Въ стихахъ моихъ Вы найдете ямбъ подлѣ хорея, дактиль подлѣ ямба; можетъ быть, это поразитъ непріятно Вашъ слухъ; но стопосложеніе думъ (отмѣнное даже отъ стопосложенія малороссійскихъ пѣсенъ) имѣетъ свои законы, и когда глубже въ него вчитаетесь, найдете въ немъ такой тактъ, котораго не замѣнитъ ни амфибрахій, ни гекзаметръ.

Здѣсь я надѣюсь собрать окончательныя свѣдѣнія о гайдамакахъ и потомъ поѣду чрезъ Корсунь на другую сторону Днѣпра.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью... Пантелеймонъ Кулѣшъ.

1843 года, августа 14. Умань.

5.

М. Г. Михайло Владиміровичъ!

Имѣю честь препроводить къ Вамъ при семъ переводъ полученнаго мною на дняхъ отъ Грабовскаго письма, котораго считаю достойнымъ Вашего вниманія во многихъ отношеніяхъ,

Позвольте вмѣстѣ съ этимъ безпокоить Васъ покорнѣйшей просьбою, чтобы Чуйкевичъ опредѣленъ былъ на русскій языкъ, а мнѣ бы позволено было преподавать исторіи и географію послѣ Ланге, ибо учитель исторіи и географіи имѣетъ только 8 лекцій въ недѣлю, а учитель русскаго языка—12.

Да еще покорнѣйше прошу Васъ сдѣлать распоряженіе, чтобы деньги, вырученные за разсылку 50 экземпояровъ моей книги по гимназіямъ, отданы были мнѣ, а не начальнику типографіи, ибо я много долженъ и крайне нуждаюсь въ деньгахъ.

---

[1]) Говорится объ изд. Кулишомъ въ 1843 г. книжкѣ „Украйна". Подробности ея изданія см. ниже.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Пантелеймонъ Кулѣшъ.

1843 года, октября 7. Кіевъ.

6.

М. Г. Михайло Владиміровичъ.

Я напередъ зналъ что значитъ сказанное Вамъ Николаемъ Эваристьевичемъ [1]): „*Подумаю*". Я до сихъ поръ не имѣю денегъ, и это во многихъ случаяхъ связываетъ мнѣ руки. Билетовъ на „Украйну" Николай Эваристьевичъ не раздавалъ по той причинѣ, что не надѣется, чтобъ кто-нибудь читалъ эту книгу.—„Ваше дѣло, говоритъ онъ мнѣ, было бы перевести её на русскій языкъ". Перевесть на русскій языкъ то, что рѣшительно *непереводимо*! Видя, что мы такъ далеко расходимся въ своихъ понятіяхъ о народной поэзіи, я уже не хотѣлъ безпокоить его просьбою о разрѣшеніи мнѣ печатать Преданія, тѣмъ болѣе, что онъ съ нѣкотораго времени сдѣлался для меня суровъ и недоступенъ.

Имѣю честь препроводить къ Вамъ при семъ экземпляръ „Украины" собственно для Васъ и 50 экземпляровъ для употребленія, какое Вы заблагоразсудите изъ нихъ сдѣлать. Покорнѣйше прошу не предлагать ихъ Вашимъ знакомымъ, а отдать на коммиссію (или же продать) въ лавку. Кто купитъ её въ лавкѣ, тотъ, вѣрно, ее уразумѣетъ и не будетъ бранить автора.

Вы велѣли мнѣ напомнить Вамъ о вашемъ обѣщаніи войти въ переговоры съ какимъ-нибудь журналомъ, который бы назначилъ мнѣ постоянную плату отъ листа. Я готовъ доставлять въ журналъ все, что напишу, но только не забезцѣнокъ, ибо въ такомъ случаѣ я соглашусь лучше жить однимъ жалованьемъ и не браться за перо, чѣмъ обогащать бездушныхъ столичныхъ

---

[1]) Писаревъ, тогдашній правитель канцеляріи генералъ-губернатора.

писакъ, умѣющихъ разглагольствовать только въ программахъ да на журнальныхъ обертках.

Я больше всего просилъ бы Васъ объ одномъ благодѣяніи. Кіевъ мнѣ страшно опротивѣлъ. Здѣсь моя дѣятельность застываетъ въ безплодныхъ усиліяхъ. Я года два уже помышляю о томъ, какъ бы изъ него вырваться, но при всемъ моемъ желаніи его оставить, чувствую необходимость прожить въ немъ еще до 18 февраля 1845 года: тогда, получивши чинъ, я буду вольный козакъ. Одно могло бы освободить меня изъ этой тѣсной темницы: еслибъ я получилъ въ Петербургѣ такое мѣсто, на которомъ бы дослужилъ до полученія чина.

Шевченко хвалился мнѣ добрымъ къ нему расположеніемъ тамошняго попечителя и обѣщалъ доставить мнѣ мѣсто учителя въ Дворянскомъ училищѣ въ Петербургѣ; но кто, зная Шевчонка, можетъ въ чемъ-нибудь на него положиться? Потому-то я обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею моею просьбой доставить мнѣ это мѣсто. Живя въ Петербургѣ, я безъ всякихъ препятствій издалъ бы и малороссійскія лѣтописи, и исторію малороссійскихъ фамилій (на одинъ томъ набирается уже матеріалъ), и всякое грузное изданіе. Тамъ посѣщалъ бы я Академію художествъ и чрезъ то одно образовалъ бы свой слогъ до высокой степени совершенства, чего въ этой тюрьмѣ, при всѣхъ усиліяхъ, кажется, не достигну; а можетъ быть, живопись, къ которой я съ самаго малолѣтства имѣлъ страсть, пошла-бы мнѣ въ прокъ, и кисть моя сказала бы современемъ больше о Малороссіи, чѣмъ перо. Нужды нѣтъ, что въ Петербургѣ воздухъ не здоровый: въ Кіевѣ тоска убьетъ меня скорѣе, чѣмъ самый нездоровый воздухъ.

Въ типографіи остается еще 350, что-ли, экземпляровъ моего романа. Продать бы ихъ въ Перербургѣ всѣ разомъ какому-нибудь книгопродавцу за такую сумму, чтобъ расплатиться съ типографіею (т. е. за 400 р. серебр.). Можно включить въ то число и тѣ, что отданы въ Москвѣ и Петербургѣ на коммиссію, лишь бы долгъ уничтожить.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашимъ м. г. покорнѣйшимъ слугою П. Кулѣшъ.

1893 г., ноября 23. Кіевъ.

P. S. Богородскій [1]) напалъ въ совѣтѣ на начальника типографіи за то, что онъ напечаталъ мою „Украйну", не имѣя форменнаго поручительства въ уплатѣ издержекъ. Дѣло состоитъ въ томъ, что въ Вашей запискѣ къ Коломійцеву нѣтъ „Милостивый Государь", и онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ раскричаться въ совѣтѣ во имя точнаго исполненія законовъ. Въ счетѣ за „Украйну", представленномъ Вамъ, не положены деньги за обертку и сшивку. Теперь еще набралось 18 карбованцовъ сверхъ 80 р. серебромъ; въ томъ числѣ 7 карбов. за переплетъ книгъ для подарковъ, безъ чего обойтись нельзя. На эти деньги нужно дополнительное поручительство, ибо ректоръ, по словамъ Коломійцева, запретилъ выходить для „Украины" за предѣлы 80 руб. сер. Посему покорнѣйше прошу Васъ въ письмѣ ко мнѣ приложить поручительство на всѣ издержки для „Украины" вообще, т. е. за печатанье, за бумагу, за обертку, за брошюровку и переплетъ 5 экземпляровъ въ сафьянъ и 20 въ папку. Общій счетъ долженъ быть менѣе 98 руб. серебр., ибо Коломійцовъ разсчитывалъ въ смѣтѣ на 7 печатныхъ листовъ, а вышло только 6; значитъ, нужно вычесть 6 р. 50 к. сер., итого останется 91½ руб. серебромъ.—

7.

М. Г. Михайло Владиміровичъ!

Въ теченіе короткаго времени, со дня отправленія къ Вамъ перваго моего письма, низошла на меня особенная дѣятельность, такъ что я теперь работаю безпрестанно и, кажется,

---

[1]) Тогдашній деканъ юридич. факультета. Коломійцевъ—завѣдывавшій университетскою типографіею, въ которой печаталась книга Кулиша.

съ успѣхомъ. Планъ романа давно у меня готовъ, эпоха представляется уже ясно воображенію съ своимъ особеннымъ колоритомъ и характеры уже заданы, но боюсь писать, чтобъ послѣ не раскаиваться, да и гдѣ я его подѣну? Началъ писать *Повѣсть о старыхъ временахъ и обычаяхъ малороссійскихъ*, въ которой утѣшаетъ меня то, что ни одинъ человѣкъ не умретъ. Я не буду давать ей большого объему, опасаясь того, что называется „exagération", а заключу въ кругу самыхъ обыкновенныхъ событій. Повѣсть эта можетъ быть готова къ 1-му января къ услугамъ того журнала, который мнѣ хорошо заплатитъ, т. е. не менѣе 50 руб. сер. за печатный листъ. Вмѣстѣ съ этою, пишу еще другую на малороссійскомъ языкѣ, чѣмъ конечно я не долженъ бы Вамъ хвалиться, а большую историко-философо-топографо-филолого-поэтическую статью подъ заглавіемъ: „*Поѣздка въ Украину*". Въ ней я хочу представить характеристику заднѣпрскаго народа, отмѣннаго отъ малороссійскаго, описаніе мѣстности замѣчательныхъ городовъ и урочищъ, способъ выраженія народнаго, его домашніе обычаи и преданія. Преданія, которыя составили у меня, извѣстную Вамъ, особую книжку, я разложу здѣсь такъ, какъ я выспрашивалъ и изыскивалъ, при чемъ сами разсказщики ихъ обрисуются читателю и представятъ много замѣчательныхъ частностей. Всѣ преданія я буду писать здѣсь уже по русски, сохраняя только мѣстами характерныя черты.

Занимаюсь живописью. Все мучусь надъ тою картиною, которая достана (sic) для меня у б. Шодуара [1]) и которая мнѣ по своей, какъ справедливо Вы замѣтили, фарфорной живописи очень не нравится; но какъ я уже сдѣлалъ подмалёвокъ, то жаль бросить. Позвольте безпокоить Васъ покорнѣйшею просьбой купить на книжные деньги въ Петербургѣ красокъ: бакановъ, желчи, ультремарину и другихъ лучшихъ,—простыя же есть и въ Кіевѣ,—да дюжину хорошихъ щетинныхъ кистей, которыхъ недостатокъ подвергаетъ меня ежеминутно въ досаду.

[1]) Баронъ Шодуаръ—извѣстный нумизматъ, тогдашній вицепредсѣдатель кіевской Археограф. Комиссіи.

Если купитъ какой журналъ или книгопродавецъ мой романъ: *„Сотникъ Шрамко и его сыновья“* [1]), то я напишу.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь... П. Кулѣшъ.

1843 года, декабря 10. Кіевъ.

8.

М. Г. Михайло Владиміровичъ!

Озабоченный своею новою поѣздкою, я сегодня забылъ сказать Вамъ, что у графа Свидзинскаго [2]) есть превосходный списокъ древнѣйшей малороссійской лѣтописи. Онъ уже и далъ было мнѣ его на время, но узнавши, что тутъ есть и Вашъ интересъ, удержалъ у себя. Онъ имѣетъ къ Вамъ просьбу о возвращеніи какихъ-то монетъ и ожидаетъ пока Вы будете просить его о лѣтописи.

Иванъ Ивановичъ [3]) сказалъ мнѣ, что Вы отыскали уже и идола, чему я отъ души радуюсь, но на всякій случай сообщаю здѣсь подробности о скелетѣ, при которомъ оный найденъ.—Въ селѣ Осотѣ, Чигиринскаго уѣзда, возлѣ плотины было провалье, въ которомъ иногда долго лѣтомъ стояла вода. Брали изъ этого провалья глину и нашли скелеты человѣческій и конскій; человѣческій—лежалъ ницъ; на головѣ у него желѣзная шапочка, покрытая желѣзнымъ щитомъ; шаровары (или ноги съ обѣихъ сторонъ) и грудь были покрыты рядами пуговицъ золотыхъ; кромѣ пуговицъ, на груди найдено 5 золотыхъ „дудочекъ“, вершка въ два длиною; на ногахъ золотыя шпоры; возлѣ него него лежало копье, золотой молотокъ и идолъ; на

---

[1]) Это будущая—Черная Рада.

[2]) Польскій помѣщикъ Кіевск. губ., извѣстный коллекціонеръ, собиравшій преимущественно письменные памятники, богатое собраніе которыхъ нынѣ находится въ Варшавѣ въ муз. гр. Красинскихъ.

[3]) Фундуклей, тогдашній кіевскій губернаторъ.

рукахъ два золотые перстня съ печатками; на мѣстѣ пояса 27 стрѣлъ; у коня по бокамъ головы двѣ золотыя бляхи, а на лбу золотая звѣзда. Послѣ найдена на томъ мѣстѣ золотая медаль. Скелетъ человѣческій лежалъ головою на югъ.

Покорнѣйше прошу Васъ прислать мнѣ на время чрезъ подателя сего письма доставленную мною Вамъ лѣтопись, а также остающіеся у Васъ экземпляры „*Чарнышенка*“ и „*Украйны*“.

Приношу Вамъ искреннюю мою благодарность за всѣ Ваши благодѣянія; чувствую глубоко благодарность въ сердцѣ, но не умѣю выразить словами.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть... П. Кулѣшъ.

1844 г., августа 22. Кіевъ.

9.

М. Г. Михайло Владиміровичъ, добрый мой благодѣтель!

Въ библіотекѣ графа Свидзинскаго нашелъ я двѣ важныя для исторіи Малороссіи книги: автографъ лѣтописи Ерлича и печатную книжку in 4°, содержащую въ себѣ три отдѣльныя статьи на польскомъ языкѣ: 1-я подъ заглавіемъ: „О козакахъ, должно-ли ихъ истребить или нѣтъ?“ (напечатанная въ 1618 году), занимаетъ девять листковъ; 2-я статья—рукописная—подъ заглавіемъ: „Совѣтъ объ истребленіи Татаръ“, сочиненіе Симона Старовольскаго, занимаетъ семь листковъ; 3-я статья, безъ перваго листка, содержитъ въ себѣ подробное, чрезвычайно занимательное и важное во многихъ отношеніяхъ описаніе войны Поляковъ съ гетманомъ Павлюкомъ [1]) (въ 1637 году) и занимаетъ 43 листка. До сихъ поръ у насъ о войнахъ до Хмель-

---

[1]) Или *Павломъ Михновичемъ Бутомъ*, какъ называетъ онъ себя здѣсь въ своихъ универсалахъ. Замѣчательно, что поляки и козаки называютъ его въ этой статьѣ просто „*Павлюкомъ*“, подъ каковымъ именемъ онъ и намъ извѣстенъ былъ до сихъ поръ. (*Примѣч. П. Кулиша*).

ницкаго и о гетманствѣ Павлюка писали весьма мало, и то въ общихъ выраженіяхъ, или же повторяли вымыслы Конисскаго; изъ этого дневника (это, вѣдь, дневникъ самовидца и участника въ войнѣ съ Павлюкомъ) мы наконецъ узнаемъ и тогдашнее устройство козацкаго войска, и отношенія его къ своимъ начальникамъ, и козацкую тактику, и способъ писанія тогдашнихъ универсаловъ и войсковыхъ ордеровъ—всѣ они сохранены здѣсь, хотя въ переводѣ, однакожъ въ переводѣ, видно, весьма близкомъ, ибо оставлены даже нѣкоторыя русскія выраженія, какъ напримѣръ: „доброго здоровья отъ Господа Бога“ и т. п.; словомъ, эта статья прольетъ свѣтъ на темную эпоху состоянія и устройства козаковъ до возстанія Богдана Хмельницкаго.— Лѣтопись Ерлича, которая въ печати составила бы томъ страницъ въ 100, также весьма важна, какъ свидѣтельство современника войнъ Хмельницкаго, равно предыдущихъ и послѣдующихъ. Самъ онъ, будучи православнымъ, но пиша и глядя на все попольски, можетъ служить для насъ представителемъ малороссіянъ, противодѣйствовавшихъ Хмельницкому.

Въ Кіевѣ я не имѣлъ случая поговорить съ Вами объ одномъ весьма важномъ литературномъ предпріятіи или намѣреніи, лучше сказать. Политическая жизнь Малороссіи давно кончилась; та жизнь, которая выражается въ языкѣ, костюмахъ, обычаяхъ и пр.,—назову её хоть поэтическою,—также съ каждымъ годомъ теряетъ свою выразительность. Малороссія скоро сольется въ одно тѣло съ Россіею. Это и хорошо; но не хорошо то, что она, разцвѣтая около двухъ вѣковъ такою сильною, такою пышною народной жизнью, при сліяніи съ народомъ русскимъ, мало привнесла въ него элементовъ новыхъ, выработанныхъ собственными силами во время отдѣльнаго своего существованія. Было время, когда мы, малороссіяне, въ соприкосновеніяхъ съ русскими, могли бы, такъ сказать, напитать ихъ запахомъ своихъ степей, придать имъ богатства колорита своими народными красками, осіять ихъ блескомъ своей поэзіи; но въ то время и мы не были еще такъ просвѣщены, чтобы знать себѣ цѣну, и они были слишкомъ невѣжественны

чтобы не пренебрагать нашимъ языкомъ, поэзіею, нравами и обычаями. Еслибъ мы до сихъ поръ сохранили вполнѣ свою народную характеристику, о! я увѣренъ, что, послѣ вліянія, произведеннаго на русскихъ романами Вальтеръ-Скотта, мы сдѣлались бы для нихъ предметомъ особеннаго изученія; но въ нынѣшнемъ своемъ состояніи, когда мы такъ обрусились и оставили въ удѣлъ однимъ мужикамъ свой родной языкъ и свои обычаи, мы не можемъ вносить въ бѣдное жизнью общество русскихъ никакого новаго элемента. Русскій поэтъ, возвышенный до всеславянской идеи, еслибъ захотѣлъ, посредствомъ изученія, пережить богатою жизнью нашего народа и такимъ образомъ пополнить и усилить свою русскую душу, то почти не имѣетъ для этого средствъ: Малороссія въ нормальномъ своемъ состояніи представляетъ почти безцвѣтный обломокъ прежней Малороссіи, а литература наша, по недостатку народной эрудиціи въ литераторахъ, выразила въ себѣ жизнь нашего народа тоже весьма слабо, (кромѣ народныхъ пѣсенъ, которыхъ, впрочемъ, издано весьма мало). И потому, чтобъ доставить возможность и русскимъ изучать наше отжитое прошлое, да и самимъ намъ основательнѣе познать себя, нужно бы предпринять такое изданіе, которое бы обняло своими томами все, въ чемъ выражалась жизнь Малороссійскаго народа. Краеугольный камень этому изданію Вы уже положили намѣреніемъ напечатать наши лѣтописи. Это будетъ первое. Если, кончивши лѣтописи—со всѣми примѣчаніями, приложеніями и выписками изъ иностранныхъ писателей о Малороссіи, въ слѣдующихъ томахъ напечатать: 2) сводъ малороссійскихъ узаконеній и исторію законодательства въ Малороссіи; 3) географію Малороссіи въ древнія и въ наши времена—причемъ показать порядокъ или исторію заселенія края, переходъ владѣнія землями и селами изъ однихъ рукъ въ другія, отмѣны почвы съ описаніемъ мѣстоположеній, урочищъ и пр.; 4) описаніе старинныхъ церквей и зданій, утварей, домашнихъ принадлежностей, хозяйства, торговли, ремеслъ и пр. въ древнемъ и новомъ состояніи Малороссіи; 5) народныя преданія, какъ переходъ отъ исторіи къ поэзіи, отъ по-

ложительной, существенной жизни къ жизни идеальной и фантастической, (а мое собраніе народныхъ преданій просто—superbe!); 6) народныя сказки, пословицы, загадки и пр.; 7) народныя пѣсни съ критическимъ разборомъ замѣчательнѣйшихъ; наконецъ 8) написанную, послѣ глубокаго изученія всѣхъ этихъ источниковъ, исторію Малороссіи; если издать все это любовью малороссіянина, славянина и просвѣщеннаго человѣка, приложить множество разнаго рода рисунковъ и чертежей и назвать однимъ общимъ именемъ *Жизнь Малороссійскаго народа*, то это была бы достойная жертва любви къ родинѣ и важная услуга Малороссіи, Россіи, всему Славянскому міру и всѣмъ ученымъ вообще. Изданіе это можно совершить въ теченіе 10 или 15 лѣтъ, по мѣрѣ того, какъ будутъ пополняться и обрабатываться матеріалы; а потомъ тотъ, кто издастъ все предыдущее, кажется, довольно ознакомится съ предметомъ, чтобъ рѣшиться писать исторію Малороссіи. Вотъ программа патріотическаго подвига, для котораго мнѣ пріятно было бы посвятить тѣ годы, когда способности наши бываютъ въ цвѣтѣ силъ и дѣятельности. И такъ, не угодно-ли будетъ Вамъ начать изданіе лѣтописей подъ заглавіемъ: *Жизнь Малороссійскаго народа*? (Можно написать небольшое предисловіе). Этимъ мы придадимъ своимъ лѣтописямъ важное значеніе для подписчиковъ. Между тѣмъ въ слѣдующемъ году я предприму поѣздку въ Малороссію и соберу матеріалы для географіи. А составленіемъ свода узаконеній и исторіею законодательства займется одинъ почтенный и просвѣщенный человѣкъ, служившій долго судьею и знающій дѣло это, какъ нельзя лучше.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть... П. Кулѣшъ.

1844 г., сентября 10. Сквира.

10.

М. Г., почтеннѣйшій мой благодѣтель, Михайло Владиміровичъ!

Позвольте еще разъ принесть Вамъ искреннюю мою благодарность за опредѣленіе меня учителемъ въ гимназію. [1]) Я

---

[1]) Рѣчь идетъ о Ровенской гимназіи.

постараюсь быть достойнымъ Вашего покровительства. Директоръ принялъ меня по начальнически, впрочемъ внимательно. Мнѣ очень много работы, но я радъ, что принятая мною на себя обязанность заставитъ меня наконецъ изучить исторію въ полномъ объемѣ. Квартира въ замкѣ, о которой я имѣлъ неблагоразуміе безпокоить Васъ своею просьбою, такъ не выгодна, что я и самъ отъ нея отказался.

Правду Вы говорили, что непройдетъ мѣсяца, какъ я возопію къ Вамъ о переводѣ меня въ Кіевъ!

Здѣсь мнѣ такая тоска, что я почти боленъ. Если только представится какая-нибудь возможность, ради Бога, переведите меня въ Кіевъ! Я готовъ даже читать словесность, хотя словесность гораздо труднѣе читать въ гимназіи, чѣмъ исторію. Кіевъ теперь еще привлекательнѣе для меня, потому что тамъ есть Костомаровъ, котораго сообщество для меня такъ много значитъ. Сдѣлайте одолженіе, не забудьте обо мнѣ.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою П. Кулѣшъ.

1845 г., октября 6. Ровно.

11.

М. Г. Почтеннѣйшій мой благодѣтель, Михайло Владиміровичъ!

Вы давно уже ждете моего письма и, вѣроятно, порядочно меня браните, но я виноватъ въ своей медлительности только тѣмъ, что, заѣхавши въ Борзну, прожилъ тамъ цѣлую недѣлю, чтобъ ѣхать въ Петербургъ вмѣстѣ съ братомъ извѣстнаго Вамъ Бѣлозерскаго, служащимъ здѣсь по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ [1]). Послѣ того я, до самой Москвы, нигдѣ уже

---

[1]) Рѣчь идетъ, кажется, о старшемъ изъ братьевъ Бѣлозерскихъ, Викторѣ Мих—чѣ, давно умершемъ; а „извѣстный" Б—ій,—это былъ, вѣроятно, Василій М—чъ, редакторъ *Основы*.

не останавливался, но дорога была такъ затруднительна отъ замерзшей грязи, что я рѣшительно не могъ ѣхать быстро. Въ Москвѣ я прожилъ трое сутокъ во первыхъ для того, чтобъ отдохнуть, а во вторыхъ для того, чтобъ сдѣлать извлеченія изъ лѣтописи Велички, принадлежащей Погодину. Лѣтопись эта написана въ 1720 года и замѣчательна въ особенности тѣмъ, что авторъ ея, кромѣ другихъ источниковъ, пользовался—какъ говоритъ онъ самъ—дневникомъ Зорки, секретаря Богдана Хмельницкаго. Она заключаетъ въ себѣ множество писемъ гетманскихъ къ запорожскимъ и запорожскихъ къ гетманамъ, объясняющихъ значеніе, Запорожья въ козацкой исторіи и отношенія Низовцевъ къ городовому правительству украинскому; кромѣ того, въ ней нашелъ я много такихъ подробностей о разныхъ лицахъ, которыя до сихъ поръ не были извѣстны мнѣ ни изъ русскихъ, ни изъ польскихъ источниковъ. Погодинъ принялъ меня весьма радушно я у него прожилъ двое сутокъ и открылъ въ немъ больше достоинствъ, чѣмъ предполагалъ доселѣ. Лѣтопись его, состоящая изъ трехъ большихъ томовъ, такъ меня заняла во все время пребыванія моего въ Москвѣ, что я не имѣлъ даже возможности посмотрѣть Оружейную Палату; но сама Москва съ своими домами, съ своимъ кремлемъ и храмами, послѣ Кіева, поразила меня своимъ великолѣпіемъ. Я спрашивалъ себя: что же я увижу тамъ въ Петербургѣ? и немогъ вообразить себѣ, чтобъ послѣ Москвы Петербургъ такъ сильно занялъ мое любопытство, какъ занимаетъ онъ его теперь. Въ дождь и въ вѣтеръ я немогу ѣхать по немъ спокойно, закутавшись въ воротникъ своей шинели; я безпрестанно поворачиваю голову то въ ту, то въ другую сторону, и еслибъ ходилъ пѣшкомъ, то, вѣроятно, простаивалъ по получасу предъ каждымъ великолѣпнымъ зданіемъ, передъ каждымъ памятникомъ. Къ сожалѣнію, я долженъ ѣздить, потому что дѣятельность, которою кипитъ сѣверная столица, охватила уже и меня своими волнами. Я радъ бы отъ всей души написать Вамъ нѣсколько листовъ и такимъ образомъ вполнѣ исполнить Вашъ наказъ, но впередъ предстоитъ мнѣ столько работы, что по неволѣ долженъ ограничиться увѣдом-

леніемъ Васъ только о томъ, что существенно нужно Вамъ обо мнѣ знать.

Плетневъ принялъ меня съ такимъ вниманіемъ, съ такимъ дружелюбіемъ, котораго описать невозможно. Чрезъ полчаса онъ повелъ меня въ университетъ и представилъ попечителю. Мнѣ, кромѣ лекторства, даютъ мѣсто старшаго учителя словесности въ пятой гимназіи, чрезъ что годовой доходъ мой здѣсь будетъ состоять изъ тысячи рублей серебромъ. Пятая гимназія, недавно открытая, состоитъ теперь только еще изъ первыхъ трехъ классовъ. Это для меня благопріятно, потому что я не буду готовиться къ лекціямъ [1]).

Пока пріищу себѣ квартиру, я живу у Плетнева, посему покорнѣйше прошу теперь, да и послѣ, я думаю, адресовать ко мнѣ письма на его имя. Плетневъ надѣялся, что лекторское мое мѣсто со временемъ сдѣлается равнозначительнымъ мѣсту адъюнкта, и совѣтуетъ мнѣ приготовить вступительную лекцію о Русскомъ языкѣ такъ, чтобъ дать о себѣ попечителю хорошее мнѣніе. Этимъ-то я теперь и занятъ въ особенности.

Журналъ не приноситъ Плетневу никакой выгоды, почему покорнѣйше прошу Васъ приказать директорамъ и смотрителямъ кіевскаго округа непремѣнно его выписать. Я буду опредѣленъ завтра или послѣ завтра къ должности, и тогда сдѣлаютъ въ Ровно отношеніе о моемъ перемѣщеніи. Еще разъ осмѣливаюсь напомнить Вамъ о Малавскомъ, который вполнѣ заслуживаетъ, и по своимъ способностямъ и по своему трудолюбію, занять мое мѣсто въ Ровенской гимназіи.—Примите еще разъ увѣреніе въ моей вѣчной Вамъ благодарности за всѣ ваши благодѣянія.

Съ глубокимъ уваженіемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашимъ, м. г. покорнѣшимъ слугою П. Кулѣшъ.

1845 г., ноября 13. С.-Петербургъ.

---

[1]) См. Кіевская Старина, 1896 г., декабрь, II, 87.

12.

М. Г. Почтеннѣйшій мой благодѣтель, Михайло Владиміровичъ!

Я утвержденъ учителемъ словесности въ пятой гимназіи, и этимъ обязанъ, вѣроятно, Вамъ, потому что мои бумаги изъ Ровно не получены еще, а не получены потому, что Иванишевъ [1]) выслалъ ихъ туда безъ аттестаціи съ своей стороны о службѣ моей въ Кіево-Подольскомъ училищѣ, почему дирекція ровенская должна, препроводивъ ихъ обратно, требовать отъ Иванишева объясненія, почему онъ не аттестуетъ. Такъ мнѣ пишутъ изъ Ровно, и я иначе не могу этого себѣ истолковать, какъ только ошибкою Иванишева.

Вечеръ, проведенный мною недавно у Александра Васильевича, [2]) чрезвычайно былъ для меня занимателенъ. Тамъ между прочимъ узналъ я, что Сенковскій, т. е. баронъ Брамбеусъ, изобрѣлъ клави-оркестръ, инструментъ подобный фортепьяно и заключающій въ себѣ 240 духовыхъ и струнныхъ инструментовъ. Онъ издержалъ на эти инструменты, пробуя ихъ и передѣлывая, тысячъ 30 и ни о чемъ не можетъ говорить теперь, кромѣ своего клави-оркестра. Теперь онъ занимается устройствомъ въ немъ человѣческихъ голосовъ; Александръ Васильевичъ говоритъ, что уже видѣлъ два горла.

На этомъ вечерѣ сподобился я видѣть Полевого, котораго хозяинъ, ко всякому весьма привѣтливый, усадилъ со словами: „возсядьте, какъ патріархъ русской словесности". Полевой сѣлъ и началъ говорить съ смиренно-кичливымъ видомъ сперва о Ж.-Зандѣ, потомъ о Шекспировыхъ драмахъ и наконецъ о себѣ. „Въ этомъ году, говорилъ онъ, я много имѣлъ работы, но въ новомъ году напишу такую драму, отъ которой зареветъ все, отъ партера до райка".

---

[1]) Н. Д. Иванишевъ былъ тогда ордин. профессоромъ Кіев. университета.— Почему онъ долженъ былъ высылать бумаги Кулиша и давать ему аттестацію— непонятно.

[2]) Профессоръ университета Никитенко.

Теперь я долженъ сказать Вамъ, какъ человѣку, такъ долго державшему меня на свѣтѣ, что въ Александрѣ Васильевичѣ я не нахожу того, что вы мнѣ обѣщали. Онъ ко мнѣ весьма внимателенъ, но это вниманіе совсѣмъ не то, что было Ваше. Между тѣмъ его болѣе сердечная расположенность весьма бы пригодилось мнѣ здѣсь, потому что я намѣренъ держать лѣтомъ экзаменъ на кандидата. Петръ Александровичъ истинно мнѣ преданъ, но живетъ въ разладѣ съ профессорами; а Александръ Васильевичъ лучше всякаго другого могъ бы меня сблизить съ ними и расположить ихъ въ мою пользу.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностью... П. Кулѣшъ.

1845 г. декабря 20. С.-Петербургъ.

P. S. Позвольте еще разъ напомнить Вамъ о Малавскомъ, который, занявши въ Ровенской гимназіи мое мѣсто, будетъ его вполнѣ достойнымъ, потому что изучаетъ исторію безпрестанно. Когда вы будете въ Петербургѣ?

13.

М. Г. Почтеннѣйшій мой благодѣтель,

Михайло Владиміровичъ!

Стыдно мнѣ признаться Вамъ, что я до сихъ поръ не видѣлъ картины Брюлова. Я видѣлъ въ Казанскомъ соборѣ его „Вознесеніе Божіей Матери“ и не понялъ. Это уменьшило во мнѣ желаніе видѣть „Послѣдній день Помпеи“; я не хотѣлъ оскорблять великаго художника невѣжественнымъ своимъ любопытствомъ и рѣшился идти къ его высокому произведенію тогда, когда почувствую, что въ состояніи понять его. Исполненію до сихъ поръ этого обѣта способствовало то, что здѣсь нѣтъ Шевченка, который бы повелъ меня къ земляку нашему Григоровичу и показалъ мнѣ картину Брюлова. Впрочемъ, кажется, мнѣ скоро представится удобный случай видѣть Академію Художествъ, и тогда я напишу Вамъ о своихъ впечатлѣніяхъ.

Конями Клодта[1]) я восхищался. Для того, чтобъ вполнѣ оцѣнить фронтоны Исаакіевскаго собора, не достаетъ солнечнаго освѣщенія. Сквозь туманную атмосферу они для моихъ близорукихъ глазъ теряютъ свою изящную отчетливость и выразительность.

Современная наша литература представляетъ печальное зрѣлище. Представителями ея, кромѣ немногихъ истинныхъ жрецовъ поэзіи, все народъ развратный: другимъ словомъ я не могу опредѣлить этого коммерческаго духа, которымъ давно заражены старыя и молодыя сердца; этой жизни суетной, какой всѣ они предаются, этихъ дерзкихъ сужденій о великихъ писателяхъ, которыя безпрестанно слышишь въ обществѣ и читаешь въ книгахъ, этого, наконецъ, неблагоговѣйнаго взгляда на міръ какъ на дѣло творчества Божія, съ какимъ они трактуютъ обо всемъ, что подлежитъ ихъ чувствамъ и уму! Молчаливый зритель всѣхъ этихъ грустныхъ явленій, я здѣсь заключаюсь самъ въ себѣ глубже, нежели въ Кіевѣ, и благодарю Бога, что я не раньше попался въ этотъ хаосъ. Уединенная жизнь и долговременное изученіе такихъ писателей, какъ Гомеръ, Данте, Шекспиръ, вмѣстѣ съ изученіемъ исторіи и народной поэзіи своей родины, поставили меня такъ крѣпко на ноги, что меня не можетъ увлечь съ собою неистовый потокъ Краевщины и другихъ литературныхъ партій. Я теперь желалъ бы еще одного для полнаго своего развитія: желалъ бы быть посланнымъ для изученія славянскихъ языковъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ держать экзаменъ на магистра и занять каѳедру въ Петербургскомъ или Кіевскомъ университетѣ. Пребываніе въ Прагѣ дало бы мнѣ возможность воспринять въ свою душу всѣ элементы западно-европейской образованности, сгармонировать ихъ въ себѣ съ элементами духа славянскаго и потомъ дѣйствовать сложностью всѣхъ этихъ силъ на молодое поколѣніе, котораго если ничто не спасетъ отъ нынѣшняго эфемернаго направленія, то горе, горе Русской литературѣ! Я слышалъ, что Вашъ университетъ хочетъ послать за границу бездушнаго Страшкевича. Ради

---

[1]) Извѣстный скульпторъ.

Бога, употребите всѣ усилія, чтобы это не состоялось! Довольно уже и того, что посланы ничтожные Тутковскіе, Вигуры и пр., которые, возвратясь, будутъ только играть въ карты и пускать пыль въ глаза.

Отъ Погодина на счетъ лѣтописи Величка узнать что-нибудь навѣрное было трудно. Онъ скоро будетъ здѣсь. О лѣтописи Кониссваго я не узналъ еще. Лѣтопись Самовидца я хочу издать здѣсь. Покорнѣйше прошу прислать мнѣ изъ Вашего экземпляра окончаніе отъ 1667 года.

Оканчиваю *Черную Раду*. Въ Современникѣ будетъ помѣщенъ 2-й томъ въ 1, 2 и 3 нумерахъ. Въ 1-мъ нумерѣ я напечаталъ письмо Грабовскаго о Гоголѣ. У Васъ есть гдѣ-то переводъ еще одного письма Грабовскаго. Покорнѣйше прошу отыскать его и прислать мнѣ. Онъ писанъ не моею рукою.

Я очень желалъ бы сойтись съ художниками: къ нимъ болѣе лежитъ душа моя, нежели къ здѣшнимъ литераторамъ; но не знаю какъ.

Познакомился я съ барономъ Корфомъ. Онъ хочетъ изучить и написать въ теченіи пяти лѣтъ „Исторію Россіи отъ смерти Грознаго до Петра". Совѣтовался со мною касательно изученія источниковъ исторіи Малороссіи.

Когда Вы будете въ Петербургѣ?

Позвольте, Михайло Владиміровичъ, попросить Васъ объ учителѣ Красковскомъ, несчастливѣйшемъ изъ коллежскихъ совѣтниковъ. Во время пребыванія моего въ Кіевѣ, я въ его семействѣ былъ совершенно домашнимъ человѣкомъ. Нельзя-ли для него чего-нибудь сдѣлать? Онъ человѣкъ весьма основательно ученый и старательный на службѣ. Если нельзя сдѣлать его въ Черниговѣ или въ Нѣжинѣ инспекторомъ, то по крайней мѣрѣ нельзя-ли представить его къ денежной наградѣ?

Съ совершеннымъ почтеніемъ и глубокою преданностью имѣю честь... П. Кулѣшъ.

1845 г., декабря 25. С.-Петербургъ.

P.S. Прошу сказать мое почтеніе Аннѣ Максимовнѣ.

Во 2-мъ номерѣ дѣтскаго журнала „Звѣздочка" и въ слѣдующихъ—будетъ моя статья *Повѣсть объ Украинскомъ народѣ*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПО-НАДЪ ДНИПРОМЪ.

Драматычни картыны въ 5 одминахъ.

ДІЕВИ ЛЮДЕ:

Павло Серпокрылъ, крестьянынъ хлиборобъ.
Явдоха, его жинка.
Мыронъ, скинчывъ выщу школу хлиборобства } диты ихъ.
Мыхайло, простый парубокъ . . . . . } диты ихъ.
Клымъ, **Панько**, **Терешко** } крестьяне хлиборобы.
Марія . . , **Елысавета** } сельски дивчата.
Настя, маты Маріи.
Лука, **Матвій**, **Мойсій**, **Демьянъ**, **Харько** и инши } крестьяне спильщыкы-хлиборобы.

Мыкола, багатый дидъ.

Купырьянъ, бурлака.

Харытына, сестра Явдохы.

1 и 2 бабы, подругы Явдохы.

Ликарь.

Волостный старшына.

Пысарь.

1-ый и 2-ый киргызы.

Народъ.

1, 2, 3 и 5 діи по-надъ Днипромъ, 4 дія въ Орембурськимъ степу.

Дія I.

Середына хаты.

Ява I.

Явдоха дывытся у викно.

Павло (*на двори*). Здоровъ сынку, здоровъ мій коханый! Заходь-же, заходь... (*одчыняе двери*). Тилько помалу, бо тутъ у насъ у синяхъ темно... Та нагынайся, щобъ часомъ лоба не набывъ; ты-жъ знаешъ, яки у насъ нызеньки двери.

Явдоха (*раньше пидійшла и позадъ Павла пидіймается навспынячкы и заглядае черезъ плече*). Та пусты бо мене, старый, ты заступывъ двери и самъ любуешся Мыроном, а мене не пускаешъ и глянуты на нёго...

Павло. Та де тамъ любуюсь. На двори темно, хочь око выколы. (*Мовчать*).

Явдоха. Чого жъ це винъ не йде?

Павло. Богъ его знае, чого винъ тамъ копается! Я выйшовъ, винъ обизвався зъ воза; мени здалося, що вже йде слидкомъ за мною, я й пишовъ видчынять двери, бо винъ же давно дома не бувъ, то, певно, забувъ якъ и двери въ батькивську хату видчыняются, а его, бачъ, и доси нема.

Явдоха. Пусты мене! (*у двери*) Мыроне!

Мыронъ (*зъ-надвору*). Га?

Явдоха. Та де ты тамъ? Мы тебе на дверяхъ ждемо, а ты сыдышъ на вози, чы що?

Мыронъ (*зъ-надвору*). Та заразъ, мамо! Стривайте, дайте повыймать всяку всячыну зъ воза.

Павло. Та йды вже, нехай Мыхайло коней роспряже, тай повносыть все въ хату.

—

Ява II.

Тижъ и Мыронъ несе всяки пакункы.

Мыронъ. Здорови булы!

Явдоха. Сыну мій дорогый! (*цилуются; Мыронъ цилуе матирь у руку.*) Якый же ты старый ставъ... въ бороди! И не пизнала-бъ николы, якъ бы такъ де зустрила!

Мыронъ. Не дыво—шисть литъ не бачылысь, а за цей часъ я постаривъ: бородою зарисъ и зморщывся трохы. Доброго здоровья, тату! (*цилуется зъ Павломъ*).

Павло. То такъ зразу, а прыдывышся—той Мыронъ! Тилько що борода.

Мыронъ. Мами хотилося-бъ, щобъ я хлопчыкомъ якъ бувъ, то такъ щобъ и зостався до смерты!...

Явдоха. Де жъ такы! (*прыдывляется*) Ни, ничого... въ бороди гарно!.. Тилько чого жъ ты такый блидый?

Мыронъ. А вже нашъ братъ городянынъ выбилытся сыдючы въ кимнати,—краще нижъ полотно на мартовимъ повитри.

Явдоха. Не дойидавъ, не допывавъ, не досыпавъ... И на що такъ багато вчыться... Господы, то жъ мабуть литъ одынадцять учывся?

Мыронъ. Одынадцять литъ учывся, а чотыри годы другыхъ вчывъ...

Явдоха. И чому тамъ васъ такъ довго учать? Ты, певно, все знаешъ?

Мыронъ. О, мамочко! И цилый викъ можна учыться, то й то всего не знатымешъ... Я вчывся тилько, якъ добре хазяйнуваты треба, хлибопашыть...

Павло. Абы, сыну, земля, а хлибопашыть можна й безъ наукы; мы це дило знаемъ зъ дида—прадида! Та й то...

Мыронъ. То такъ здается, а безъ наукы добра не буде.

Павло. И, вже зъ тіею наукою! онъ панъ Кукуриченко хазяинувавъ по-вченому, та за пять литъ дохазяинувався до того, що й землю продавъ.

Мыронъ (*сміется*) Ловко! Ну, що жъ—бувае и такъ.

Явдоха. Ты, певно, йисты хочешъ, а мы тебе роспытуемъ Богъ зна про що?

Павло. И справди! Давай що тамъ е, нехай пидйисть зъ дорогы.

Мыронъ. Я-бъ, мамо, чаю выпывъ зъ дорогы.

Явдоха. У насъ же, сыну, а ни самовару того, а ни чаю-сахарю немае.

Мыронъ. У мене е все. Отъ заразъ достану, и самоваря поставымо, та вси разомъ и чаю напьемося, и побалакаемо, а потимъ и повечеряемъ.

Явдоха. Де жъ такы самъ будешъ самоваря настановляты... Ого! У насъ тутъ е сусидка, вона въ попа щось зъ мисяць була, то знае коло него; я іи поклычу, такъ вона цей разъ поставыть, а на завтра и я навчуся.

Мыронъ. Якъ хочете,—штука не мудра. (*Маты выйшла. Мыронъ достае самоваръ, посуду и инше*) Якъ же вамъ тутъ, тату, жывется?

Павло. Сутужно, сыну. Поля мало, хлибъ не родыть, та ще й дешево...

Мыронъ. А все жъ такы не голодаете, сами соби панъ, то й за те слава Богу.

Павло. Тилько що зъ голоду, мовлявъ, не пухнемо. Ще, слава Богу, Мыхайлови пощастыло: вытягъ далекый жеребокъ та й зостався дома.

—

Ява III.

Ти-жъ, Явдоха и Марія.

Марія (*нызенько кланяется*) Добры-вечиръ.

Мыронъ. Добры-вечиръ и вамъ.

Явдоха. Отъ вона намъ и самоваря поставыть.

Мыронъ. Чія-жъ це така слухняна?

Павло. Максымова. (*Марія бере самоваря,налываe*).

Мыронъ. Сусидська; Марія, лыбонь?

Марія. Не забулы?

Мыронъ. Колысь быть тебе хотивъ за те, що языка мени показала и Мыреномъ печенымъ назвала.

Марія (*сміется*) Та не піймалы.

Мыронъ. Бо не хотивъ гнатысь; я тилько пожартувавъ, щобъ налякать.

Марія. Теперъ не буду языка показувать... то була дурна...

Явдоха. Вона у школи вчылася.

Мыронъ. Уміешь жечытать?

Марія. Та!.. по своїй кныжци... (*сміется*) Давайте жъ угилья.

Явдоха. Отъ тоби й маешъ! А угилья й нема.

Мыронъ. Е. Я прывизъ. Тамъ на вози все. (*Входе Мыхайло*).

Ява IV.

Ти-жъ и Мыхайло.

Мыронъ. Мыхайло, а де угилья?

Мыхайло. У синяхъ.

Марія. Соснынкы нема на скалкы...

Мыхайло. Ходимъ, я тоби и соснынку дамъ, и угилья покажу, та й повчуся настановлять самоваря.

Марія. Ото штука: воды влывъ у трубу, угилья поклавъ по-за трубу,—отъ и шумыть! (*сміется. Выйшлы.*)

Ява V.

Ти-жъ безъ Маріи и Мыхайла.

Мыронъ. Гарна дивчына.

Явдоха. Добра, розумна...

Павло. И проворна.

Мыронъ. А чомъ вы Мыхайла не женыте?

Явдоха. Морока.

Мыронъ. Чого такъ?

Павло. Та... багато говорыть... Мыхайло хоче сватать Чайкивну.

Явдоха. Заможного батька дытына...

Павло. Такъ що зъ того? А семейка хиба мала; тому дай, тому дай, то й выйде всимъ по-троху!... Та тутъ, бачъ, дило не въ тимъ, чы багата, чы бидна, а въ тимъ, що колы Мыхайла оженыть, то прыйдется зостатысь самому, зъ малымы дитьмы, бо Чайка хоче, щобъ диты, поженывшысь, жылы на отдили, а я збираюся на переселеніе въ Орембурську губерню...

Мыронъ. Що вы? Богъ зъ вамы!

Явдоха. Таку збывъ бучу, що... Отутъ ще есть два непосыдька... Ну, та тимъ не дыво, воны прывыклы волочытысь ще зъ молоду: то на лыніи, то въ Тавріи, то на Дону що лита...

Мыронъ. Выходыть—перелётни птыци! Люблять нови мисця: хочъ гирше, абы инше!...

Явдоха. Именно... А винъ наслухався видъ цихъ бурлакъ, та й соби: пойиду, та й пойиду щастя шукать....

Мыронъ. Богъ зна що выгадалы! Тамъ гарно, де насъ нема.

Павло. Идуть же люде въ Орембурськи степы, покупылы тамъ за помичью банка земли нипочому, осилысь на прыволли, и жывуть добре; Панько своимы очыма бачывъ!.. Чого жъ намъ тутъ сыдить? Сыдячого, кажуть, и татары беруть...

Явдоха. На мисти й каминь обростае.

Павло. А оброста, тилько чортъ зна чымъ!..

Мыронъ. Одны идуть туды и тишать себе надіямы на краще жыття; а други вертаются назадъ, проклынаючы той часъ, въ якый выйихалы звидциля!..

Павло. Я не вернуся.

Мыронъ. Невже, тату, вы й справди задумалы переселеніе?

Павло. Все спродамъ и раннёю весною въ Орембурську губерню... Банкъ грошей дасть, и я куплю тамъ сто десятынъ на вичнисть.

Мыронъ. Нехай тій Орембурській губерни добре снытся! Немае краще въ свити, якъ у насъ—по-надъ Днипромъ! Вы жъ не знаете, якъ це далеко: бильше якъ 2500 верстовъ!

Павло. То що? Люде онъ ажъ на Зеленый Клынъ высыляются...

Мыронъ. Куды, кажете?

Павло. На Зеленый Клынъ.

Мыронъ. Такои стороны немае у насъ.

Павло. Такъ, якъ разъ—нема! То ты не знаешъ... Люде идуть на той Зеленый Клынъ зъ якого часу и вси хвалять, що добре; тильно що далеко,—тамъ десь ажъ коло кытаянкы земля клыномъ у море входыть.

Мыронъ. Не знаю. Може Зеленымъ Клыномъ прозвалы Амуръ, або Камчатку.

Павло. Тамъ всего кажуть е, то може й крупчатка е.

Мыронъ. Хто де прывыкъ, хто де родывся, тому тамъ и добре. Не вирьте, тату, никому, сыдить дома... А клынъ зеленый,—одно горе; его люде забывають сами соби у груды! И боляче имъ потимъ, и згадують воны тамъ що-дня, якъ то гарно по-надъ Днипромъ, и ради бъ вернутыся, такъ клынъ не пускае: одно далеко, а друге—ни на що...

—

Ява VI.

Ти-жъ, Панько и Клымъ.

Панько и Клымъ. Добры-вечиръ!

Павло. Отъ и Панько и Клымъ! Сидайте! Це жъ мои товарыши на переселеніе.

Клымъ. Здорови булы, Мыронъ Павловычъ! (*чолокмаются обыдва зъ Мыроновъ*). Що жъ, ради гостеви?

Явдоха. Якъ же не радиты, такъ давно не бачылы... Та ще, спасыби ему, въ такый часъ нагодывся, колы старому заманулося ридне село кыдаты.

Мыронъ. Я тата не пустю.

Клымъ. А чого тутъ сыдить?

Панько. Злыдни годувать!

Мыронъ. Хто тутъ годуе злыдни, того воны й тамъ знайдуть.

Клымъ. Ой, не скажить. Отъ я бувъ и на лыніи, и на Дону, тамъ людямъ добре жывется: степу—сыла, скотыны—выдымо не выдымо, заробиткы—онъ яки!..

Панько. Особлыво, якъ хлибъ зародыть.

Мыронъ. Такъ ще жъ треба, щобъ винъ зародывъ; а то частенько бувае, що робитныка въ Ростовъ нализе выдымо-невыдымо, та й лежать тысячамы по-надъ полотномъ зализныци и на станціяхъ, не йившы, бо нихто на роботу не бере... и вертаются до дому голодни и боси, бо пойидять тамъ и чоботы, и свыты.

Панько. Бувае и такъ, то правда... колы неурожай, а народъ зберется... то бувае... и я одного лита набрався лыха.

Клымъ. Безъ того не можна, а все жъ такы степу сыла, скотыну можна кохать.

Мыронъ. Треба жъ перше скотыну мать, а тоди вже кохать.

Клымъ. Колы немае выпасу, то не будешъ кохать скотыны, хочъ бы й мавъ.

Павло. Въ Орембурській губерни степу, кажуть, ще бильше.

Панько. Я самъ бувъ. Степу—скилько окомъ сягнешъ... степъ, степъ и степъ!

Клымъ. И нипочому, хочъ дурно беры.

Панько. Пять рубливъ десятына на вичнисть.

Павло. Пять карбованцивъ на вичнисть!.. А тутъ аренда десять въ годъ.

Мыронъ. Пустыня: людей нема, збыту нема—то й не дыво, що дешево.

Клымъ. А намъ що? Намъ земля потрибна; а люде на що?

Панько. Замисть людей, будемо мы!

Павло. Абы земля.

Мыронъ. А тутъ хиба мало земли? Зъ одного боку 500 десятынъ казеннои земли, зъ другого 800; и всю цю землю казна дае переважно нашому братови, крестьяныну...

Павло. Давала.

Мыронъ. А теперъ же якъ? Не дае-бъ то? Я щось про це ще не чувъ! Новоселивци и заразъ державь казенну землю и не дорого—по 6 руб.

—

Ява VII.

Ти-жъ, Марія и Мыхайло.

Марія (*несе самоварь, ставыть на стилъ. Мыронъ заварюе чай, ставыть стаканы*). Самоваря вамъ настановыла, Мыхайло вже навчывся ставыть, а теперъ побижу до дому, бо я не сказала, куды йду. Прощайте!

Мыронъ. Ни, не пустымо, сидай и ты зъ намы.

Марія. А маты будуть сердыться.

Мыронъ. Пусте! Поможы мени, ты певне уміешъ биля нёго поратысь, а я буду балакать.

Марія. Треба послухать, а то ще побьете... ха, ха! Пустить же мене одну до нёго, а то у двохъ ще перевернемо.

Мыронъ. Що то колысь быть хотивъ, то й теперъ боишся!

Марія. Ни, я васъ не боюся! Вы такъ балакаете и дывытесь, и усьмихаетесь, що я ни краплыночкы васъ не боюся. Прямо сказать—за панибрата! (*сміется и други сміются.*)

Мыронъ. Бачъ, яка жвава та натуральна дивчына, любо глянуть.

Явдоха. Сказано пысьменна.

Мыронъ. И панночку за поясъ заткнешъ.

Марія. Отъ вы мене вже й засоромылы... ще й посуду побью, бо видъ сорому ничого и на столи не бачу... (*закрывается рукавомъ.*)

Мыронъ. Не буду, не буду—робы свое дило, а мы вернемось до своеи батачкы. Такъ черезъ що жъ, кажете, не дають вамъ тепера земли?

Павло. А черезъ те, що зосталысь вынни казни мало не чотыри тысячи.

Мыронъ. Ого—го!

Павло. Ще мы мало вынни, а онъ Просянивци—двадцять тысячъ не виддалы.

Мыронъ. Двадцять тысячъ!! А що жъ теперъ буде?

Павло. Ничого. Недоимку подарувалы, а земли не дають.

Мыронъ. Та й не дыво, що такымъ справнымъ платильщыкамъ не дають земли! Ще треба и вставаючы, и лягаючы дякувать, що подарувалы. Тилько такый велычезный хазяинъ, якъ казна, може зробыть надзвычайне мылосердіе, а малый хазяинъ и шкуру-бъ здеръ... Черезъ що жъ не заплатылы? Неурожаи, чы якъ?

Клымъ. Бодай не казать: кругова порука!

Мыронъ. Такъ то й добре.

Павло. Ото-то бо й е, що погано! Якъ землю брать, тоди вси лизуть: и мени давай—я въ круговій поруци! Якъ ты не дасы? Дасы! А у него нема чымъ землю обробыть, такъ винъ свій пай визьме тай продасть; за-дешево продасть, абы гроши взять на обиходку. Колы жъ прыходытся платыть, що ты зъ нёго визьмешъ? А винъ у круговій поруци—платы за нёго! Тутъ и почынается: нехай той та той дае, у мене нема!.. Я-бъ може й давъ, такъ онъ Дмытро не дае, зъ якои жъ речи я дамъ? Дывлячысь на Дмытра, я не даю; дывлячысь на мене, ты не даешъ... нарешти нихто не дае. Знайшлысь, правда, и таки, що платылы що-года... Такъ теперъ такъ вышшло: не платильщыкамъ подаровано чотыри тысячи, а тимъ, хто платывъ, и не подаровано ничого, и ще й земли не дають, бо кругова порука! Тамъ не знають ни Петра, ни Павла, ни Клыма, а всю громаду, а на громади недоимка—и земли не дають!

Мыронъ. Онъ воно що! Такъ це жъ не порядокъ, роспуста... Такъ можна виру потерять и у казны, и у сусидъ;

скажешъ, що зъ нашого села, то й на подвирья нихто не пусте. Хто жъ тутъ вынenъ? Вси!

Павло. А ты думавъ якъ зъ круговою порукою? Бида! якъ бы мени одному далы тамъ тыхъ 25 десятынъ, такъ я бъ и знавъ, що мени треба платыть одному—й краще: сама робы, сама й знай, бо гуртове—чортове!

Мыронъ. Колысь наши диды краще думалы: хто робе вкупі—не болыть въ пупи; а теперъ у людей полуда на очахъ, черезъ те гуртове—стало чортове... Тьма пануе, просвиты, просвиты треба!..

Павло. Не поможе! Не той народъ...

Панько. Роспаскудылысь.

Павло. Тикать треба! Спродамъ все и весною въ Орембурську губерню на вольни степы, а то, то й на Зеленый Клынъ—байдуже, абы земли побильше, та видъ людей подальше.

Марія (*налывшы чаю*). Отъ и чай.

Мыронъ. Тату, мамо, пыйте чай. А ну, переселенци просю покорно (*сидають до столу*). Маріе, сидай же й ты зъ намы.

Марія. Та пыйте сами, вы прывыклы, а намъ байдуже.

Мыронъ. Погани порядкы завелыся... погани. А я прыйихавъ хазяинуваты.

Павло. Що?!

Клымъ и Панько. Якъ?!

Явдоха. Господь зъ тобою!

Мыронъ. Вы мени дывуетесь, а я вамъ дывуюсь! Я тежъ переселенець: зъ казенного хлиба на свій хочу перейты. Хочу хлиборобомъ стать, гречкосіемъ.

Явдоха. Оце выгадавъ: выбывся на пана та й знову у мужыкы сунешся?

Мыронъ. Бодай, мамо, не казать! Паномъ добре буть, то правда, але паномъ зъ дида-прадида, доскональнымъ паномъ, у котрого есть спроможнисть и сыла стоять за науку, за свій народъ, мать вплывъ на земськи дила; а вже нашому братови, що горбомъ та кривавымъ потомъ тилько вчора, мовъ левъ,

выбьется нибы-то на пана, и циле жыття гнется, поневиряется на тыхъ службахъ,—краще не личыть себе паномъ!.. У досконального пана есть своя дворянська громада, у мужыка своя громада, а мы, такъ звани, чыновныкы, ничого того не маемо, жывемо одынцямы коженъ самъ соби, по своему!..

Клымъ, Панько и Павло. То й добре!

Мыронъ. Кому добре, кому й ни! Хто зневирывся у своій громади, хто любе тилько себе и думае, що винъ самъ по соби щось вызнача на свити, такъ тому добре буть одынцемъ; а хто думае що громада—велыкый чоловикъ, що спильна думка, спильни интересы багатёхъ—поменьшать мижъ людьмы биднисть, хворобы, нудьгу, тьму, дадуть бильше задовольненя и щастя людямъ на земли—тому инакше це здается...

Павло. Це вже щось по ученому ты забалакавъ.

Клымъ. Яке мени дило до васъ, а вамъ до мене?

Панько. Сама робы, сама й знай.

Мыронъ. Хочъ бы я й здохъ видъ голоду, то вамъ байдуже?

Панько. А щожъ я поможу вамъ, колы й самому нема чого йисты?

Мыронъ. Ну, а якъ бы було, то вы бъ помоглы, подилылыся бъ зо мною, зарятувалы бъ на якый часъ?..

Панько. Та хто его знае.

Мыронъ. Ото-то бо й е! А черезъ те у васъ и недоимка завелась, и землю видъ васъ одбирають, бо вси въ ростичъ, нема святого гурту.

Павло. Гуртове—чортове!

Мыронъ. Одынъ горюе, а симъ воюе; дружній череди вовкъ не страшный! Та то такъ здается. Отъ колы греблю прорве и нема куды перейихать, то вы жъ сами іи не загатыте, а якъ зберется трыдцять чоловикъ зъ возамы,—дывысь, черезъ якыхъ пивъ-дня и перейиздъ готовъ!

Клымъ. То гребля... звисно, тутъ гуртомъ, громадою...

Мыронъ. Такъ и все. Отъ давайте заснуемъ справжню спилку—артиль, та будемо робыть укупи: и орать разомъ, и

за землю платыть, и вси одбуткы одбуват разомъ, гуртомъ—тоди черезъ годъ, черезъ два сами побачыте, якъ воно буде добре, де та динется охота до переселенія въ Орембурську губерню.

Мыхайло. Я чувъ, що десь есть артиль, и добре дуже жывуть.

Павло. Ты мовчы, не суньcя мижъ старшыхъ.

Мыронъ. Чомъ же? винъ правду говоре: артиль добре жыве и буде жыть!

Панько. Чувъ и я. Заснувалась десь артиль, далы имъ грошей, а воны й розійшлыся... Выходыть—заснувалы тилько на те, щобъ грошей взять.

Мыронъ. Мало якыхъ людей нема, мало чого тьма не робе. Отъ же й вы: недоимокъ не заплатылы, а Новоселивци онъ, заплатылы, имъ землю далы, а вамъ ни. Такъ и спилка одна розійшлася—десять есть. Колы звирылысь, то не лехко навернуть людей до спилкы: погане одъ разу вси прыймають, бо воно лехше здается, а добре важче,—отъ не всякый и може пиднять таку вагу; але то байдуже, одъ разу ничого доброго: не зробышъ, а треба по малу, годамы робыть! Онъ, вира хрыстіянська 2000 литъ мижъ людьмы насаждается, а хрыстіянъ нема.

Павло. А мы жъ по твоему хто?

Мыронъ. Вовкы.

Клымъ. Це такъ.

Павло. И въ церкву ходымо, и говіемо, а вовкы?

Мыронъ. Та що зъ того що въ церкву ходыте? А одынъ одного не любыте, зъ рота выдераете. Готови въ ложци воды утопыть свого сусида, абы соби бильше зосталося... Такъ и вовкы роблять.

Павло. А ты, выходыть, уже настоящый хрыстіянынъ, чы якъ бы-то?

Мыронъ. Ни, и я ще не хрыстіянынъ, а хочу буть хрыстіяныномъ.

Павло. То ты перевчывся на одынъ бикъ.

Клымъ и Панько. (*Сміются*).

Явдоха. Годи вже, а то ще на сварку зведете... Невже ты, сыну, и справди хочешъ остатысь на сели, чы може ты оце жартуешъ?

Мыронъ. Безъ жартивъ, мамо! Отъ я соби й дивчыну тутъ вже нагледивъ, ще прыдывлюсь та й старостивъ зашлю.

Марія. Ой, Боже мій, якъ я засыдилась! Прощайте. (*хутко побигла зъ хаты*).

Явдоха. Засоромывъ дивчыну.

Мыронъ. Безъ жартивъ, мамо й тату. Я службу кынувъ.

Явдоха. Що жъ ты будешъ робыть?

Мыронъ. Хлибопашыть.

Явдоха. Ты жъ до цего не прывыкъ.

Мыронъ. Прывыкну. Я мужыкъ, хлиборобство—наше прырожденне дило зъ дида-прадида, а до того ще й учывся, якъ землю оброблять...

Павло. Чомъ же не дурить, колы прыступыло!.. Може грошей сылу маешъ, такъ отъ жыру захотилося побаловатысь коло земли.

Мыронъ. Ни, тату, не кажить такъ, бо й я повыненъ буду сказать, що вы одъ жыру въ переселеніе задумалы мандрувать.

Клымъ. Наше дило одно, а ваше друге! Мы тилько й уміемъ що орать, та сіять...

Павло. А ты учывсь, учывсь мало не пивъ жыття! Вывчывся... Зробывся паномъ, чого жъ тоби ще треба? Певно, яку тысячу въ рикъ грошвы загрибавъ, и—на тоби: у мужыкы лизешъ!!.

Мыронъ. Бильшъ тысячи, тату, бравъ.

Клымъ. Бильшъ тысячи?!

Явдоха. Для чого жъ було и вчытыся, сыну, колы вертатыся въ село и хазяинуваты, якъ и вси невчени мужыкы.

Мыронъ. Отутъ то й хазяиновать, колы де чому повчывся и переконався, що кращого жыття, якъ жыття хлибороба—немае въ свити.

Павло. Де вже тамъ тому хазяинувать, хто прывыкъ чаювать, хто на пана выбывся: ручкы биленьки, нижки тоненьки—

куды тамъ, скоро пидирвешся! сыды соби, сыну, краще, у теплій хати, спы на мяхкій кровати. Панамъ жалуваня, а мужыкамъ земля!

Мыронъ. Я мужыкъ и е, тилько що трохы вченый, то то й добре.

Клымъ. Ни, Мыронъ Павловычъ, не скыпыть ваше дило! Важко.

Явдоха. Важко, сыну.

Панько и Клымъ. Що й казать, що й казать. Важко! Ваша робота далеко лехша.

Мыронъ. О, якъ бы вы зъумилы такъ мое становыще й мою роботу оцинувать, якъ я оциную вашу, тоди-бъ инча була мижъ намы розмова!.. Посадывъ бы я васъ, якъ квочку на яйця въ хати, безъ жоднои охоты высыжувать курчатъ... Нудно бъ вамъ стало, и вы бъ ланцюга перегрызлы та втиклы въ село, въ поле.

Клымъ. Лыхо бъ мене понесло зъ теплои, чыстои хаты, зъ холодку... Хиба я не знаю, якъ то на поли: питъ очи залыва, сонце пече, спына болыть—святе дило въ холодочку...

Мыронъ. Правда. Сонце пече, спына мокра, питъ очи залывае, деревьяніють рукы, а станешъ, глянешъ навкругы: все поле, якъ море зелене передъ тобою, вбране квиткамы всякого колиру, и краю ему нема, бо краемъ своимъ воно зійшлося зъ небомъ! Витрець по нёму легенькій подыха и горне хвыли зеленои пахучои травы; очи въ себе вбирае—такъ мыло. А груды шыроко роздуваются, сыла росте, мовъ здоровья влывается въ тебе шырокою ричкою... Земли пидъ собою не чуешъ, и знову закыпыть робота! На души лехко, радисно: ніяки думкы у голову не лизуть—одна у всихъ спильна думка: поможы, Боже, за годыны сино убрать—до хлиба прыйняться. И черезъ тыждень велыки копыци скризь мовъ гостроверхи шапкы роскыдани! А тамъ и хлибъ поспивъ: жыто похылылось, мовъ журытся, що скоро зитнуть его буйну голову.

Павло. Багато ты знаешъ. Тры лита робывъ, то й верзешъ, а колы бъ надирвавъ за працею пупа,—не те бъ сказавъ.

Мыхайло. Ни, тату, винъ правду каже! Я бъ и самъ ни на яку роботу не проминявъ роботы въ поли на синокоси, та у жныва...

Панько. Та воно такъ... Я самъ служывъ якось на вакзали и добри гроши бравъ, а якъ пидійшлы синокосы—не выдержавъ, покынувъ зализныцю: такъ и маныть, такъ и тягне въ поле...

Клымъ. Тягнуть,—то тягне, а на дили, мовлявъ... якъ прыпече...

Мыронъ. Що жъ тамъ прыпече? Мужыкови, хлиборобови, въ поли якъ на роздоли, та на воли, якъ рыби у чыстій води! А скинчытся праця литня, велыка радисть у душу льется, колы дывышся у осены на село, якъ уси хаты, уся оселя потоне въ стижкахъ зъ хлибомъ! Кожный хазяинъ похожае тоди поважно, пышно, биля своеи господы, на току и поглядае на стижкы зъ хлибомъ, ёго властными рукамы здобути, полыти его кривавымъ потомъ... Та ни видъ кого не залежышъ, ни передъ кимъ не роспадаешся: заплатывъ що слидъ—и панъ!

Павло. А якъ нема землі, а якъ не вроде, хочъ и йе земля, то що тоди такый панъ буде робыть?

Клымъ. Горе, голоднымъ жывотомъ—таку працю пидпирать, та мусымъ, бо бида наша, що тилько биля землі и умієшъ працювать.

Мыронъ. А я вамъ скажу, що вы и биля землі не вміете працювать.

Павло. А ты бъ то вміешъ?

Мыронъ. Щобъ вы зналы! Вы дряпаете, землю сіете наволокомъ, наукы Бигъ дасть, хапаетесь, абы бильше, а воно й родыть все гирше, та гирше. Видъ того вы такъ и балакаете, видъ того вы й на переселеніе хапаетесь.

Павло. Мы цилый викъ коло землі, та й ничого не знаемо; а винъ тамъ десь зъ кныжкамы возывся и вже дума, що справди все знае, Бога за бороду піймавъ!

Явдоха. Старый, на що ты такъ балакаешъ, ты й самъ казавъ и попови, и всимъ, що Мыронъ сыльно вченый и багато знае.

Павло. Та винъ знае въ кныжци, а коло земли знае зъ носа та въ ротъ и прыйихавъ насъ учыть.

Мыронъ. Именно, я прыйихавъ васъ учыть. Самъ буду працювать и покажу всимъ, що й хлибъ буде, й скотына буде, и хто мене послуха—всякый паномъ жытыме! Я знаю, що це важко зробыты, сказано-жъ: не влывайте вына новаго въ мишкы стари.

Павло. Це по вченому: выно въ мишкы вже влывають—ха, ха, ха! (*Вси сміются*).

Клымъ. Въ мишкы выно?! Ха, ха, ха! Бодай васъ.

Мыронъ. Отъ бачыте: вы сміетесь, а я заразъ васъ засоромлю. Ци слова—и вы ихъ зовсимъ не розуміете... сказавъ Хрыстосъ! Що вы скажете? То-то! Грихъ сміятся надъ тымъ, чого не знаешъ. Багато вамъ ще треба вчытысь...

Панько. Отъ тоби й ускочылы!

Мыронъ. Отакъ вы вскочыте и зъ переселеніемъ!.. А отъ якъ бы вы повирылы тому, що я вчывся и де що знаю и на худо васъ не поведу, та прысталы до всихъ тихъ думокъ, яки я вамъ скажу, тоди ничого було бъ шукать щастя за горамы, и малы бъ вы его тутъ у себе дома не рунтуючысь.

Явдоха. Сыну мій дорогый, я серцемъ чую, що ты дило кажешъ. Старый, покынь свою гадку! зостанемось дома, послухаемъ Мырона.

Мыхайло. Дозвольте, тату, мени зостатысь тутъ зъ братомъ.

Павло. Сто чортивъ тоби въ спыну за таки речи! То я повыненъ самъ на старисть литъ працюваты зъ матирью старою та ще зъ трёма малымы дитьмы... Що ты слухаешъ его? Винъ дурысвитъ! Видъ мужыкивъ видбывся, у него панська голова звыкла на карандашъ та на щоты личыть барыши: пысь, пысь... цокъ, цокъ, цокъ отаку й таку сумму заробымо!.. А на решти вси тикають зъ села! Нехай жыве зъ панамы, тамъ его хымеры будуть розумить, а намъ треба шукать земли. Хиба мы одны іи шукаемо? Куды не поткнысь, де не почуешъ, звидъусиль люде потроху тикають, бо тисно стало, а винъ тутъ заразъ зробе рай! Що ты ему вирышъ! Надирве пупа и втече

знову до панивъ, ему байдуже—це видризана скыба видъ хлиба! Чого ты прытысся въ село мутыть людей, затуманювать головы своимъ знахарствомъ? Геть зъ села! Я тоби якъ батько велю! Тебе громада вже выпысала въ паны—иды мижъ паны!

Явдоха. Старый, старый—годи!

Мыронъ. Вже черезъ те одно, що я, по вашому, панъ, то вы мене не маете права выганяты зъ села, бо я можу жыть, де самъ схочу.

Павло. Такъ и жывы соби на сели, а це моя хата.

Мыронъ. Такъ я жъ прыйихавъ до васъ у гости, а гостя ни одынъ почтывый хазяинъ не выганяе середъ ночи зъ хаты... Це одно. А друге ще й те, що вы продаете, а я купець на все.

Панько. Отъ бачыте! И купець знайшовся, а вы пеклувалыся.

Павло. Купыть винъ, якъ разъ! У него стилько грошей, скилько правды у его словахъ.

Явдоха. Старый, и на вищо ты такъ гостро балакаешъ?

Мыронъ. Тато мене ревнуе до земли, до села. Краще не гнивайтесь, тату. Вы говорыте свое, а я свое. Видъ цёго свитъ не завалытся и Орембурська губерня никуды не втече. Вы переселяетеся видциля, а я переселяюся сюда. Продайте мени усадьбу и надилъ, я вамъ выкладу чысти гроши... И вамъ корысть и помичъ на переселеніе, и я одразу хазяинъ.

Павло. Та я ничого... Тилько досадно стало, що ты Мыхайла збаламутывъ.

Мыронъ. Нехай и Мыхайло иде зъ вамы... Я тилько думкы свои выкладаю, а сылувать—не сылую...

Павло. Такъ ты справди купуешъ и усадьбу и надилъ?

Мыронъ. Все куплю.

Павло. Спасыби (*мовчать*). Ты не сердься на мене, я трохы погарячывся... Не хочешъ буть паномъ, будь мужыкомъ—це твое дило, ты не малолитка, та ще й ученый!..

Мыронъ. Я ни панъ, ни мужыкъ, я, тату, чоловикъ! Це перше всего, а потимъ я селянынъ, хлиборобъ зъ дида-прадида...

Нежданно-негадано, дякуючи земству, мене вывчено на мужыцьки гроши, на мене одного потрачено стилько грошей, що можна-бъ було вывчыть добре грамоты пивъ сотни мужыцькыхъ дитей... Совисть моя мени не дозволяе панувать, я хочу тимъ свитомъ, якый я здобувъ за громадськи гроши, освитыты шляхъ своимъ селянамъ до кращого, безбидного жыття и наважытся працювать биля земли, и помогать темнымъ людямъ, чимъ тилько зможу, щобъ поменьшыты биду, яка у насъ на сели пануе.

Клымъ до Панька. Хороши слова промовляе.

Панько. Правдыви по совисти.

Клымъ. Тилько мени здается, що винъ божевильный.

Панько. Та хто его знае... ученый!

Мыронъ. Трудно мени буде, багато крови вытече изъ мого серця, покы я зроблю хочъ частыну того, що задумавъ, але зъ цего шляху нихто мене не зверне, покы серце мое у грудяхъ бьется. Тату, мамо! Не лайте мене, а благословить на це святее дило.

Явдоха. Сыну мій, дытыно моя кохана... Я добре всёго не розумію, а серцемъ чую, що думкы твои хороши! Нехай же тебе Богъ благословыть на всякимъ мисци! (*обнима и цилуе Мырона*).

Павло. Хымерный!

Зависа.

Дія II.

Дворыще Мырона.

Ява I.

Павло, Явдоха, Мыронъ, Мыхайло и трое дитей. Диты и Мыхайло идуть у хату.

Павло. Напутственный молебенъ одслужылы, а теперъ поможы Боже збиратыся.

Явдоха. Тамъ небагато зосталося. А ось и сестра иде, поможе зашыть пакункы.

Харытына. Якъ вьяла рыба ци дни хожу, а сегодня, то зъ нигъ валюся... Якъ подумаю, що мы зъ тобою, сестро, на викы розлучаемось...

Явдоха. Не говоры, сестрычко, жалибныхъ ричей, бо я заслабну зъ горя.

Мыронъ. Годи вже, мамо, не поможе! колы ранище не зговорылысь, такъ теперъ ничого про це й балакать, дарма! Зосталося дви годыны до одйизду. Идить краще та складайтесь! (*пишовъ*).

Явдоха. Вже й Мыронъ мене выпыхае зъ риднои хаты, наобисила я ему своимъ плачемъ.

Павло. Ну й дурна! Одынъ день згожуешся зо мною, а на другый день—знову тужышъ... неначе не бачышъ, неначе не розумiешъ, яке намъ тутъ жыття? Сестро, не рострывожуй iи на дорогу. Хиба такы у васъ розуму нема, щобъ зважыты що краще: чы 100 десятынъ въ Орембурськiй губерни на вичнисть, чи одынъ надилъ въ $3^1/_2$ десятыны тутъ? Та тамъ, це вже я доскональпо знаю, десятына на вичнисть вдвое дешевше нижъ тутъ у насъ аренда на одынъ годъ. И той дурный, що тутъ зостанется злыдни годувать. Отъ побачыте: якъ мы пойидемо да оселымось, то скилько васъ туды найиде на вольни, дешеви степы... Люде скризь однакови! Тай на вищо намъ люде, га? А мы хиба не люде... Та насъ же пять семей иде— зъ дитьмы, чоловика мало не сорокъ.

Явдоха. Та отакъ, якъ ты почнешъ говорыть: 100 десятынъ, на вичнисть, земля своя, худобу можна водыть... то я й розвеселюся; а якъ подумаю, що сегодня одйиздыть въ чужу чужыну, то и земли тiеи мени не треба...

Павло. Годи вже! Це я чувъ тысячу разивъ, ажъ обрыдло. Ходимъ, пидиймо, та прыймайтеся за роботу, щобъ ще не опизнытыся. (*Пидходыть ще дви бабы*) Отъ и подружкы.

Бабы. Зъ пьятинкою.

Явдоха. Спасыби!

Баба. Сёгодня и одйиздышъ? Боже мій, Боже мій! Блызенькый свитъ!

Павло. Почынается!

Явдоха. Охъ!.. Ходимъ у хату, поснидаемъ (*идуть*).

Баба (*идучы*). Кусокъ у горло не пиде, такъ шкода за тобою (*пишлы*).

—

Ява II.

Павло (*одынъ*). Знову рострывожать мени бабу! Колы бъ уже одйиздыть, мерщій, а то наобисило мени сварытыся та грызтыся: то зъ сыномъ и за переселеніе, и за ти капосни артили, и за науку, то зъ жинкою—знову за переселеніе... А ци артили щось наче й справди добре. Не знаю тилько, чы на довго Мыронъ ихъ зъеднавъ, але за прыводомъ его, такого вже наробылы, що мене ажъ завыдкы беруть... Та й не мене одного, всихъ! То сміялыся, а теперъ и мени, и другымъ здается... Тилько ни!.. Чорты-батька зна що здается... Нехай лышъ выведуть бабивъ на роботу, нехай не подилятся молокомъ. И—и! та хиба мало е за що посварытыся! Дай Богъ, щобъ годъ продержалось... Ни! Нема у свити, якъ свій шматочокъ, та ще й не малый—100 десятынъ на вичнисть! Нехай соби хто хоче тутъ горюе, а я тамъ запаную! (*пишовъ у хату*).

—

Ява III.

Вступають на подвирья: Лука, Матвій, Демыдъ, Демьянъ, Мойсій, Терешко.

Терешко. Пождить же тутъ, а я загляну въ хату: чы зибралысь батькы Мырона Павловыча. Може що треба помогты, то й поклычу васъ.

Матвій. Гараздъ. Сидаймо на прызьби! Отъ и обсілысь... А що теперъ скажете?

Лука. А ты що скажешъ?

Матвій. Те, що й казавъ: колы будемо слухать Мырона Павловыча, то повыганяемо злыдни геть зъ нашыхъ хатъ!

Мойсій. И я такъ думавъ одразу.

Матвій. Эге, думавъ, та не хотивъ, одначе, довго у спилку прыставать.

Лука. Та що й казать: темнота, вси вагалыся...

Демьянъ. Бо стари люде та багати сміялыся.

Матвій. А теперъ вже не сміются.

Демьянъ. Такъ сердятся, и лаются, и дражнятся. Тильво все по дурному. А що багати—ажъ казятся, особлыво дидъ Мыкола,—ну й клятый!

Мойсій. Якъ ему й не казыться: торикъ вси косылы у нёго, десятынщыкамы булы, сказано, люде безъ тягла, а теперъ засіялы вже пятьдесятъ десятынъ всякого хлиба, маемо два своихъ плуга.

Матвій. Та ще й сакивськыхъ, якъ у Пузыря...

Мойсій. Та ще 12 коней до ныхъ!

Матвій. Та ще й чотыри коровы! Молока и для дитей, и для всихъ насъ стае. А ще якъ купымо свій шматочокъ землм тоди у кожного буде по корови!

Мойсій. Поздоровъ, Боже, Мырона Павловыча, то й земелька буде своя. Мыронъ казавъ, що Кукуриченко продае решту 200 десятынъ; винъ вже й балакавъ зъ нымъ, та ще, каже, треба дизнатыся, скилько банкъ дасть намъ грошей, и тоди вдарымо по рукахъ зъ Кукуриченкомъ!

Матвій. Выбьемось такы и мы зъ злыднивъ, благодареніе Богови!

Мойсій. Та Мырону Павловычу! Ну й душа, ну й чоловикъ! и въ кого винъ удався? Батько такый, що й не пидступай: сердытый та неподильчывый, а Мыронъ Павловычъ янголъ,—такыхъ людей нема на свити!

Вси. Нема, нема...

Матвій. Все добре, колы бъ тилько бабы не сварылысь.

Мойсій. Та покы тыхо.

Лука. Та я свою бабу буду быть, якъ товарюку, нехай тилько пыкне сварыться.

Матвій. Боже сохраны быть! Хиба не чувъ, що Мыронъ Павловычъ казавъ? Пальцемъ, каже, жинокъ не зачипайте; грихъ, каже, й скотыну быть, а то подружжя... маты нашихъ дитокъ!

Лука. А якъ почне колотыть, дило псувать?

Матвій. Треба словамы.

Лука. Що темному слова поможуть?

Матвій. Чого темному? Мыронъ Павловычъ за зиму всихъ насъ вывчывъ чытать и пысать... жинкы дурни не хотилы, соромылысь, а теперъ и воны вже заохочуются.

Мойсій. Моя чытае. Памятлыва клята баба, за тры недили—грамотна!

Матвій. Та якъ же розсказуе,—якъ у ротъ кладе.

Лука. Добре буть грамотнымъ,—и-и-добре! Такъ якось выходыть: отъ нибы ты въ темній хати сумувавъ, сыдивъ, ничого не бачывъ, а засвитылы свитло—и радисно, що бачышъ... я ще буду учыться!...

Всп. Вси будемо.

—

Ява IV.

Ти-жъ и дидъ Мыкола, а потимъ Харько.

Мыкола. Бачъ, ироды! гроши позабирають, а ты посли ходы до нёго, кланяйся ему! Матери вашій бисъ! Такъ и старцемъ зробыться не довго. (*пидходе до сусиднеи хаты*).

Матвій. Отъ клятый дидъ! И кому винъ збирае: диты вже сами хазяины, а винъ зъ бабою зостався,—багато ему треба? Пиды-жъ ты—колотытся що-дня...

Мыкола (*стука у викно*). А выйды сюды!.. Ироды! Супостаты! Артиль якусь завелы, бодай вы показылыся. Грамоты вчатся, а грошей не виддають. Якъ пысьменный, такъ и мотъ!

Матвій. Чуете, артиль ему въ печинкахъ!

Лука. Мовчы, а то прычепытся. (*выходе Харько*).

Мыкола. Ты чомъ не йдешъ на роботу, га? гроши взявъ зъ зимы, а теперъ бокы вымынаешъ и одробыть не хочешъ?

Харько. Жинка слаба, нема на кого хаты покынуть, хлиба нема...

Мыкола. А мени яке дило? У мене робота стоить... Я тоби давъ пять карбованцивъ зимою, ты повыненъ мени одслужыть: весною дви недили и въ косовыцю дви недили! Теперъ, онъ, черезъ того, сучои пары, ученого Мырона, щобъ его чорты вхопылы, артиль якась завелась, хочъ лусны, нихто не йде на роботу, а цина у-двое пидскочыла!

Харько. Сами кажете, що теперъ у-двое дорожче—заплатить мени въ-двое: я хлиба куплю, бабу до жинкы найму.

Мыкола. Якъ, якъ доплатыть? Я тоби зимою ще давъ 5 карбованцивъ, ты корыстувався нымы висимъ мисяцивъ. Положы по пивъ карбованця въ мисяць проценту, то вже й буде 9 карбованцивъ! А за выгоду? Що жъ то я тоби дурно позычавъ, чы якъ?

Харько. Доплатить хочъ два карбованци.

Мыкола. Що ты, глузуешъ? За вищо я тоби два карбованци дамъ? Та я лучче за ти гроши свичокъ у церкву куплю, нижъ тоби ихъ дурнисенько дамъ! Ты выненъ, кажы, выненъ одслужыть теперъ дви недили и въ косовыцю дви недили? Чого мовчышъ? оглухъ? Взявъ пять карбованцивъ ще зимою, взявъ? Такъ одробы! Тоби доплаты, другому доплаты, то такъ усимъ треба доплачувать—це розбій, грабижъ, дневный грабижъ!

Харько. Кажу жъ вамъ, жинка слаба. Я однымъ сыривцемъ жыву другый день.

Мыкола. Чортъ тебе беры, хочъ ты одну воду пый, не то сыривець. Яке мени дило? Взявъ гроши—одробы!

Харько. Вы жъ сами кажете—що теперъ у-двое платять.

Мыкола. Матери твоій бисъ за таки речи, отъ що! Хиба я тебе сылувавъ тоди брать гроши? Га? Сылувавъ? Самъ прыходывъ, грабытель, самъ прыходывъ, кланявся, просывъ!

Харько. Лыхо мое кланялось... Вы знаете добре сами, що у мене коней покрадено, корова здохла.

Мыкола. Дневный грабижъ! Прямо граблять, хочъ караулъ крычы! Прыйшовъ зимою, взявъ пять карбованцивъ, а теперъ ни грошей, ни одробитку! Такъ не пидешъ?

Харько. Не пиду,—жинка слаба.

Мыкола. Щобъ ты повисывся, колы такъ! Артильщыкъ ты, а не чоловикъ.

Харько. Колы бъ я бувъ не одуривъ,—прыставъ до артили, то й гроши-бъ вамъ вернувъ и не мучывся-бъ теперъ, якъ у пекли за тяжки грихы.

Мыкола. Поверталы вже гроши и други, бодай имъ печинкы повывертало! Отъ бачъ, сыдять и усмихаются, вси поверталы гроши на десятыны; теперъ бигай, шукай людей по чужыхъ селахъ, а воны артильщыкы, грамотіи: букы-азъ-ба, види-азъ-ва! Свого скилько насіялы, бодай того вченого Мырона роздуло! И вырвется десь сатана! сыдивъ бы тамъ мижъ панамы въ городи! ни, сюды его прыперло лыхе. Що его робыть? Пиду у волость, нехай цёго Мырона прысмырять. Що то за артиль така? Николы цёго не було—и на тоби—артиль!.. Кинець свита... Пострывайте грабытели, не пожалію видра горилкы суддямъ, а вже провчу, хочъ злисть зирву! Отъ народъ якый понастававъ! Ну, народъ! И якъ тутъ у свити Божому хазяинувать?.. прыйдется тикать и соби въ Орембурзію. Забере, анахтема, зъ зимы гроши, а литомъ одробляти не хоче—прыплачуй ему! А, щобъ вы вси подохлы!.. (*иде; артильщыкы не вытержалы и засміялысь, дидъ обертается*). Антыхрысты, грабытели, артильщыкы! вертильщыкы, щобъ вамъ очи на лоба повывертало! Побачымо, що вы скажете, якъ одшмагають, а вже одшмагають,—нехай повчать! (*выходе Мыронъ зъ хаты*).

—

Ява V.

Ти-жъ и Мыронъ.

Мыронъ. Добрый день! (*чоломкается*). Чого це дидъ такъ росходылыся?

Матвій. Хочуть шмагать всихъ насъ у волости.

Мыронъ. За що?

Лука. Що гроши виддалы и на роботу не йдемо (*вси сміются*).

Дидъ. Спильщыкы! Артильщыкы, крутильщыкы, букы-азъ-ба, види-азъ-ва! Мыронъ ученый, Мыронъ печеный! Бодай тебе такъ пекло, якъ мене коло серця черезъ твою артиль!

Мыронъ. Та не сердьтеся, дидусю, та не лайтеся! Бо вы жъ тимъ самымъ языкомъ, що лайку сыплете, и Богу молытесь—грихъ же такъ!

Дидъ. Яжъ кажу що такъ!... Винъ проповиди чыта! Вже й видъ попа хлибъ одбываешъ?

Мыронъ. Ни, я тилько попови помогаю. Може вы забулы те, що въ церкви чулы, то я вамъ на улыци нагадавъ. Грихъ, дидусю, лаяться! Краще прыстаньте у спилку до насъ.

Дидъ. А, щобъ ты не диждавъ! Ще й мене будешъ учыть: букы-азъ-ба, види-азъ-ва!

Мыронъ. Не вадыло бъ. Прочыталы бъ Евангелію своимы очыма и хочъ передъ смертію пересталы-бъ лаяться.

Дидъ. Зъ тобою не зговорышъ: звисно, ты Мыронъ ученый, печеный, смаженый, скаженый! Тьху! (*пишовъ*). (*Вси сміются*).

Дидъ. (*обертается*). Бодай вы на кутни засміялыся! (*Зныкъ, за кономъ чуть: Грабытели, артильщыкы, крутильщыкы! Анахтемы! Дневный грабижъ!*

—

Ява VI.

Ти-жъ безъ дида.

Матвій. Ачъ, якъ сыпле! Ну й дидокъ...

Мыронъ. Мишокъ старый, а тутъ выно нове... Я жъ вамъ розсказувавъ.

Матвій. А якъ же, розуміемо! Нутро ему розпера те выно, от-от-отъ трисне... Николы цёго не було, винъ ничого не тяме, ну й злоба...

Мыронъ. Багато такыхъ... Нехай соби! Слава Богу обсіялысь. Спильни весняни роботы скинчылы.

Матвій. Теперъ кожный биля своеи господы порядокъ робе.

Мыронъ. Та заразъ и на паръ орать.

Лука. Рано жъ ще!

Мыронъ. Боже васъ сохраны думать, що рано! Чимъ ранище, тымъ лучче, бильше захопымо сниговои воды въ земли. Мы жъ чыталы зъ вамы кныжку Чикаленка про чорный паръ...

Матвій. А якъ же, знаемо... Тилько бачыте, це тежъ для насъ покы що выно нове, отъ и тее...

Мыронъ. Такъ вы жъ и мишкы не стари.

Вси. А такъ.

Мыронъ. Сегодня у вечери зробымо нарядъ и запышемо чергу: колы кому выходыть зъ плугомъ, та й зъ Богомъ до роботы.

Лука. И щобъ за кожнымъ плугомъ по борони йшло.

Мыронъ. Слидкомъ! А завтра пойиду въ городъ—побалакаю зъ банкомъ за землю Кукуриченка, и якъ що дасть банкъ добру помичъ, то й землю купымо.

Вси. Колы бъ Богъ помигъ.

Мыронъ. Не забувайте жъ, товарыши, що въ цю недилю мы вси спиваемо обидню въ церкви. Я вже батюшци казавъ. А у вечери, въ недилю жъ такы, батюшка буде чытать у мене въ клуни изъ святои исторіи для всихъ селянъ, а я буду картыны показувать, якъ у ту недилю.

Матвій. Ой Боже мій, ой Боже мій! Мало серце не лопне видъ радощивъ! Я на-ново родывся.

Лука. Вси сталы нови! Ото люде здывуются: артиль обробылась, артиль вже на паръ оре, артиль грамоты навчылась, артиль и въ церкви спивае!!. (*зъ хаты выходыть Харько, пидходе до спильщыкивъ*).

Харько. Мыронъ Павловычъ и вси вы, хлопци! Простить що я тоди сміявся зъ артильщыкивъ. Дурный бувъ... Прыймить и мене до свого гурту.

Лука. Якъ же воно? Пизно!

Матвій. Трудненько теперъ.

Демьянъ. Обробылысь.

Лука. Якъ скаже Мыронъ Павловычъ...

Мыронъ. Треба обмиркувать, порятыся.

Вси. Треба обмиркувать.

Мыронъ. Одразу ничого не скажемо.

Вси. Не скажемо...

Харько. Не дайте загынуть: кони вкрадено, корова здохла; а тутъ ще й жинка слаба—хочъ вишайся!

Мыронъ. А що таке жинци?

Харько. Родыла, и все благополучно. Була здорова. На другый день встала...

Мыронъ (*хватается за голову*). На другый день, писля пологу?!

Харько. Та то ничого; зовсимъ була здорова! Треба жъ було iй лизты на горыще: щабель въ драбыни обламався—упала и вже не встае третiй день!..

Мыронъ. Нове сельске нещастя, нова безпомичнисть, нова моя мука!! Чымъ же его допомогты?

Харько. Та вы жъ все знаете, порятуйте!

Мыронъ. О, колы бъ же то я все знавъ... Тутъ треба ликаря. Я заразъ напышу запыску до ликаря, наймы коней и прывезы, бо це може скинчытысь погано.

Харько. Нема жъ за що й коней нанять.

Мыронъ. (*розводыть рукамы; мовчать*).

Матвiй. Може нехай хто изъ насъ пойиде артильнымы киньмы.

Мыронъ. Ничого товарыши протывъ цего не маете?

Вси. Нехай, нехай йиде... Треба порятувать.

Лука. Тутъ недалеко—я пойиду. Давайте запыску. (*Мыронъ иде*). А, скоро жъ татко одйиздыть, бо други переселенци вже попакувалысь и прощаются зъ людьмы.

Мыронъ. Та й наши зъ ранку пакуются, певно скоро. (*пишовъ*).

Вси. Пидождемо. Треба жъ попрощатыся.

Лука. Такъ я пиду коней запрягать. А якыхъ дозволыте, товарыши?

Матвiй. Запрягай кругляка и кибчыка. (*Лука пишовъ. Харько сидае на прысьби*).

Ява VII.

Иде народъ,—стари и молоди, не разомъ, частынами. Одни входять у хату, други зостаются на подвирьи. Панько, Клымъ и Терешко.

Панько. Тутъ ще копаются, а мы вже й на пидводы упакувалы и зъ людьмы попрощалыся!

Клымъ. А жинка моя ажъ зомлила дурна. Що то баба! Жалкуе за своею риднею.

Панько. Ну, я такъ прывыкъ одйиздыть часто на заробиткы, що мени ажъ мыло оце: зибратыся въ дорогу, а тамъ на вокзалѣ, а на вокзали всяки люде, що не годына, то й нове мисце... Цикаво! Такъ и кортыть мерщій выйихать.

Терешко. И мени байдуже!

Матвій (*до товарышивъ*). Слухайте, адже Мыронъ Павловычъ просывъ одвезты батька и клункы, то йдить котрый запрягайте ще пару коней. (*одынъ пишовъ*).

Панько. Розжылысь на коней.

Клымъ. Все у боръ, не штука! А отъ якъ то виддавать прыйдется.

Матвій. Оддамо! Та колы бъ мени теперъ не то на переселеніе, а навить тылько товарышивъ покынуть прыйшлося, такъ и то здается бъ сказывся зъ горя та печали!

Панько. Розлизетесь скоро. Це такъ добре ведется, покы дурный Мыронъ у казни доставъ, та свои гроши дае...

Матвій. Краще вы, дядьку, такыхъ словъ про Мырона Павловыча не говорить, щобъ, бувае, мы васъ на дорогу не пополупылы.

Мойсій. И не заикайтесь!

Лука. Бо худо вамъ буде!

Клымъ. Якъ жыды, одынъ за другого.

Панько. Ще жъ и не вси...

Матвій. Краще прыкусить языка! Про насъ говорить що завгодно, глузуйте, якъ хочете, а за Мырона Павловыча—прыкусить языка.

Панько (*глузуючы*). Артиль! Зовсимъ, якъ жыды! (*пишовъ у хату*.

Клымъ (*глузуючы*). Спилка! (*пишовъ у хату*).

Терешко. Чырва свитыть, ха, ха, ха! (*пишовъ у хату*).

—

Ява VIII.

Ти-жъ, безъ Панька, Клыма и Терешка, а потимъ Лука, Демьянъ и Мыронъ.

Матвій. Переселеніе голопузе, а ще й глузуе! Засвитыть у васъ въ очахъ, якъ прыйдется тамъ лободу замисть хлиба йисты. (*Входе Лука и Демьянъ*).

Лука. Запряглы. Що то зерно—и на мисти не встоять. (*Выходыть Мыронъ*).

Мыронъ. Нате-жъ запыску до ликаря, до мого прыятеля, що тутъ бувавъ у мене.

Лука. Та я знаю; знаю, де й жыве—я бувъ у нёго разъ зъ лыстомъ видъ васъ. (*Лука пишовъ*).

Харько. Спасыби вамъ всимъ, дай вамъ Богъ чого сами хочете... (*пишовъ у хату*).

Матвій. И чого бъ то татови не зостатысь? бачыть же, що добре такъ, якъ вы робыте.

Мыронъ. Де тамъ. И бачыть, и не вирыть, и глузуе бильшъ другыхъ.

Мыронъ. Дывно!

Мыронъ. Не дывуйте: выно нове!

Матвій. Мабуть, що такъ.

Мыронъ. Пиду жъ я выносыть пакункы, бо вже готови и мои переселенци.

Матвій. Ходимъ же, то й мы поможемо. Гайда, хлопци! (*пишлы въ хату; Мыронъ позаду. Колы вси увійшлы, выходе Марія*).

—

Ява IX.

Марія и Мыронъ.

Марія. Здается, я вамъ сёгодня заважу, бо вы жъ выряжаете своихъ у дорогу.

Мыронъ. Ни. Я готовъ урваты часъ видъ самого дорогого дила, бо ты жъ найкраща моя ученыця.

Марія. Не перехвалить на одынъ бикъ.

Мыронъ. Я не хвалю, а кажу правду. Адже-жъ теперъ не тилько по своій кныжци чытать умієшъ, а й други розбираешъ?

Марія. Я вже не знаю, якъ и отдячу вамъ: и чытаю и розумію всяку... и пышу хочъ и поганенько, и арифметыку шуплю—вже й дилю на дви цыфры.

Мыронъ. Такъ якъ же не найкраща?

Марія. Тилько бида моя: маты и тато все грымають, щобъ не чытала, щобъ свитла не палыла...

Мыронъ. А ты ихъ гарненько, та ласкавенько просы, та кныжку имъ хорошу прочытай—отъ воны й подобрищають.

Марія. Я чытала.

Мыронъ. И що жъ?

Марія. Плакалы. Маты въ голову мене поцилувала, а тато сказавъ: якъ бы жытіе!..

Мыронъ. Достанемо для ныхъ и жытіе.

Марія. Мыронъ Павловычъ!

Мыронъ. Слухай, Маріе: кажы на мене Мыронъ; а то я прывыкъ казать тоби—*ты*, а ты мени не тилько *вы*, а ще й по батюшци!

Марія. Э, то вы, а то я!

Мыронъ. Однаковисеньки: тилько й того, що ты дивчына, а я парубокъ.

Марія. Ни, вы учытель.

Мыронъ. Ни, парубокъ.

Марія. Та парубокъ, бо ще не жонати... Отъ якъ бы вси парубкы на сели булы таки якъ вы, тоди бъ я вамъ казала—ты, а теперъ не можу.

Мыронъ. Такъ и я буду казать на васъ: Марія Сергѣевна.

Марія. А я тоди не буду ходыть до васъ учыться, бо це насмишка!

Мыронъ. Ну, Богъ зъ тобою: нехай вже я буду—Павловычъ, а ты просто Марія.

Марія. О, такъ краще! Скажить мени: чы довго треба вчыться, щобъ буть ликаремъ?

Мыронъ. Довго.

Марія. Вы такъ довго вчылысь, чомъ-же вы не вывчылысь на ликаря?

Мыронъ. Такъ склалось; а хиба що?

Марія. Вы бъ людей личылы; а то онъ хворихъ-хворихъ. Маты Божа скилько!.. Якъ бы я хотила буть ликаремъ!..

Мыронъ. Я пославъ за ликаремъ: у Харька жинка тяжко слаба.

Марія. Е—ихъ...

Мыронъ. Всихъ поклычемо!

Марія (*стревожено, ледве здержуе слёзы*). Теперъ диты мруть, завалкы давлять.... Вчора умерло двое у Сыдора и двое у Мытрофана... уже пидлиткы... а сегодня у Полыкарпа умерло трое: одно за другымъ... Диты мали, опухлы... такъ тройко у одній труни лежать, якъ квиткы завьяли... а хворихъ скилько... всихъ дитокъ подавыть!.. (*плаче*) Невже нема рятунку?..

Мыронъ (*бере іи за руку*). Що можна и що знае ликарь, винъ все зробе—порятуе.

Марія. Нехай Господь ему пошле здоровья... Колы бъ же винъ прыйихавъ мерщій. Хотила вамъ розсказать те, що прочытала, та нехай вже тоди, якъ вы вырядыте своихъ, прыйду. Прощайте,

Мыронъ. Маріе!

Марія. Чого?

Мыронъ (*дывытся на неи довгенько*). Ни... нехай тоди скажу, якъ прыйдешъ у-друге, бо й справди нема часу.

Марія. Все, що скажете, я для васъ зроблю. Вы не просить мене, велить мени! (*пишла*).

Мыронъ (*одынъ, дывытся у слидъ Маріи довгенько, потимъ зитхае*). И треба жъ було закохатысь у цю дивчыну...

Якъ не бачу якый день, не можу выдержать: иду до хаты самъ... Дило натуральне, справедлыве и вытикае прямо изъ прыроды серця! Вона жъ не тилько мени не заваже, а ще й помичъ и энергію прыдасть! Треба сказать ій, давно треба, а я вагаюсь—соромлюсь!.. Паскудна натура! (*пишовъ у хату*).

—

Я в а X.

Зъ хаты выносять клункы здорови и мали, зашыти въ ряднахъ, въ лантухахъ—одынъ за другымъ—чоловикъ 10.

Матвій. Що то спилка!

Демьянъ. Попоносывъ-бы одынъ!

Мойсій. Якъ бжолы.

Терешко. Гуртъ.

Панько. На одынъ часъ, а якъ що дня — поластесь. Не дурно кажуть: гуртомъ батька тилько добре быть.

Матвій. Визьмить цю поговирку на переселеніе, бо мы іи залышылы.

Мыронъ (*те-жъ несе клунокъ*). У насъ друга пануе: святывся гуртъ! Дружна череда вовка не боится.

Клымъ. А гуртове—чортове, забулы?

Мойсій. И цю визьмить въ собою въ Орембургъ. (*Такъ перекыдаючысь словамы, выносять все за конъ*).

—

Я в а XI.

Куперьянъ зъ улыци, а Харько выходе зъ хаты.

Куперьянъ (*прыспивуючы*). „Куперьянъ цехмейстеръ надъ соломою". (*Харько сидае на прызьби*). Цехмейстеръ! Ха-ха! А у цехмейстра тилько й соломы, що пидъ голову замисть подушкы кладе. Здоровъ Харьку! Чого зажурывся? Жаль переселенцивъ?

Харько. Байдуже! Я й самъ бы пойихавъ, чы пишовъ свитъ за очи, такъ рукъ нема за що зачепыть.

Куперьянъ (*сидае биля него*). Чого такъ?

Харько. Пишый зостався, а надъ пишымъ и вороны крякають!

Куперьянъ. Такъ, такъ... коней у тебе покрадено и корова здается здохла? Погано! Чомъ же до Мырона въ спилку не прыставъ?

Харько. Здуру, а теперъ пизно: вже обсіялысь.

Куперьянъ. Выходыть—теперъ и ты такый, якъ я: цехмейстеръ надъ соломою!

—

Ява XII.

Ти-жъ и гуртъ, що нисъ клункы—вертается.

Куперьянъ. Спилыцыкы роемъ за Мырономъ Павловычемъ, якъ бжолы за маткою.

Мыронъ. А вы бъ те-жъ до спилкы прысталы.

Куперьянъ. Якый зъ мене спильщыкъ? Тилько й добра, що та солома, котру пидъ голову кладу, якъ спать лягаю.

Мыронъ. Байдуже! Въ спильци тилько рукы працёвыти потрибни, а добро буде!

Куперьянъ. Не годюсь! Роспаскуженый чоловикъ: литомъ—кожухъ продаю, зимою—свыту, щобъ лышнёго не було, бо грихъ мать лышне; а мени все здается лышнимъ! Заробывъ—прогулявъ, и знову: заробывъ—прогулявъ! Що мени? Я одынъ, хочу буть вильнымъ, якъ витеръ въ поли! А вже якъ пекты, та варыть, та гаряче йисты, то краще поганяй до ямы!.. (*смихъ*). Про те спилку вашу поважаю, святе дило, тилько не для мене: я—Куперьянъ цехмейстеръ надъ соломою!

Вси (*сміются*).

Мыронъ. Всимъ такъ не можна жыть.

Куперьянъ. Правда! Я ни на кого не нарикаю, никому не завыдую и до всихъ прыхыляюся, якъ трава до святои земли.

Мыронъ. Нехай другымъ разомъ побалакаемъ (*пишовъ у хату*).

Куперьянъ. Побалакаемъ, тилько дозвольте! Я зъ вамы люблю балакать: вы мене зрозуміете и не осудыте! (*выходе Панько*).

Панько. А! Куперьянъ цехмейстеръ надъ соломою!

Куперьянъ. Здоровъ, Панько цехмейстеръ надъ витромъ! Здается, ты идешъ шукать витра въ поли?

Панько. А може й ты зъ намы въ Орембурську?

Куперьянъ. Щаслывои дорогы—я тутъ зостаюсь.

Панько. Жаль ту солому покыдать, що пидъ головы кладешъ, колы спать лягаешъ?

Куперьянъ. Ни. Я не хочу надавать лышнихъ дурнивъ у ту Орембурзію, куды ажъ пять иде тилько зъ нашого села (*вси сміются*).

Панько. Помыляешся, Куперьяне. Колы бъ ты пойихавъ зъ намы, то тутъ бы поменьшало дурнивъ.

Куперьянъ. Ни, Паньку, не вгрызешъ! Все такы вы дурнищи за насъ, бо мы хочъ знаемо, що въ рукахъ маемо; а вы й того не знаете, идете шукать витра въ поли, и все, що маете, Орембурзія зйисть, тоди вернетесь вы знову до насъ, тилько вже вси будете Куперьянамы! (*вси сміются. Панько махнувшы рукою, пишовъ у хату, а други за нымъ*). Я, братъ, слызькый, мене не вхопышъ на зубы!.. И чого воны тамъ довго такъ сыдять? Питы й соби, чы не почастують! (*пишовъ*).

—

Ява XIII.

Мыхайло и Елысавета.

Мыхайло. Прыйиду, побый мене Богъ прыйиду, въ осены прыйиду и поберемося! Пожды мене, Елысавето.

Елысавета. Хиба тутъ немае парубкивъ? Посватають, то й не буду ждаты.

Мыхайло. Це такъ любышъ?

Елысавета. А ты хиба любышъ, колы кыдаешъ?

Мыхайло. Не по своій воли.

Елысавета. Я въ тимъ не вынувата.

Мыхайло. Кажу-жъ тоби, я прыйиду за тобою. Тамъ же батько купують на вичнисть 100 десятынъ, тамъ земля ни почому... Може жъ тамъ буде краще, нижъ тутъ. Тилько оселымось, заразъ и прыйиду...

Елысавета. Та чы куплять же сто десятынъ?

Мыхайло. Куплять. Земля тамъ ни почому. Подумай: тутъ одынъ надилъ, а то на вичнисть 100 десятынъ!!

Елысавета. Та якъ що тамъ 100 десятынъ на вичнисть, то пидожду; тилько жъ не прыйидешъ передъ Пылыпивкою...

Мыхайло. Побый мене Богъ, прыйиду: утечу, колы на те пиде, а прыйиду.

Елысавета. Гляды!

Мыхайло. Ждатымешъ??

Елысавета. Не допускай недили до Дмытра.

Мыхайло. За дви прыйиду! Братъ каже, що тамъ на Семена зима стае.

Елысавета. Абы до Дмытра за недилю, той ждатыму.

Мыхайло. О, теперъ я весело иду и ни краплн не журюся! Голубонько моя! (*хоче обнять*).

Елысавета. Що ты? Онъ люде!

Мыхайло. Щобъ ихъ чортъ забравъ, не можна й попрощатыся, якъ слидъ! Побижымо до васъ!

Елысавета. Ходимъ! (*хутко пишлы*).

—

Ява XIV.

Зъ хаты выходыть багато людей. Бабы плачуть и де яки чоловики плачуть.

Куперьянъ. Бабы вы дурноголови, чого вы плачете? Воны вернутся видтиля!

Мыронъ и Павло.

Павло. Женыся, сыну, женыся, — я тебе благословляю. Тилько шукай соби дивчыну у заможныхъ хазяиаивъ, путяще що-небудь: ты жъ стоишь не то що мужычкы... Що тамъ казать! Колы бъ хотивъ, то й 20 тысячъ прыданого взявъ бы, тилько треба свыту скынуть.

Мыронъ. Яку знайду до мысли: чы багату, чы бидну— на тій и женюся.

Павло. Робы, якъ краще... Ты й не малый, и вченый, и розумный! Не будемо въ суперечку заходыть, бо я и такъ нагрызся зъ тобою за ци часы! Просты мене и я тебе прощаю, и ще разъ благословляю! (*обнимаются*). Богъ ёго знае, чы побачымось...

Мыронъ. Осядетесь, тату, одпустить сюда Мыхайла, нехай винъ тутъ женытся, тамъ же татарва—де винъ жинку визьме? а тутъ мы поженымось, та й я прыйиду и жинку показать, и васъ одвидать!

Павло. Гараздъ. Зроблю такъ—це дило.

—

Ява XVI.

Явдоха и скилько бабъ зъ нею выходять.

Павло. А ну, стара, а ну! Ще опизнымось.

Явдоха. Ой сестро жъ моя, ой голубко жъ моя, жыви мы ще зъ тобою обыдви и мертви вже обыдви: черезъ годыну розлучымось и николы не побачымось.

Харытына. Не побачымось!..

Явдоха. Це я вмыраю, сестро! Просты мене, колы въ чимъ согришыла.

Харытына. Ты жъ моя старшая сестра, ты жъ моя маты... Для чого жъ мене покыдаешъ, для чого сама соби смерть робышъ? На вищо вамъ той край чужый здався?.. Сестро жъ моя, ридна моя! (*обнимаются и цилуются*).

Явдоха. Простить мени, сестрыченькы! (*бабы обступають*). Зрослы мы вси у купи, гулялы-дивувалы вкупи... косы намъ росплиталы, замижъ насъ виддавалы и старости мы диждалы, жывучы вкупи... А теперъ розлучаемось навикы, мовъ жывымы насъ у труну кладуть, бо то жъ чужа чужына, бо то жъ далекая сторона! Роздилять насъ горамы высокымы, лисамы густымы, рикамы глыбокымы—не побачымось мы, сестрыченькы, на цёму свити! (*цилуется зъ бабамы*).

Павло. Та годи тоби тужыть! На вику, якъ на довгій ныви: може ще й воны до насъ прыбудуть!

Я в д о х а. Ой ни, ой ни! На визъ сидаю—у гробъ вступаю, за гору зайизжаю, землею мене прысыпають! Прощайте! (*кыдается Мыронови на шыю*). Сыну мій дорогый, гордосте и одрадосте моя! Тебе я покыдаю—серце одрываю!

М ы р о н ъ. Мамо! Вы не плачте, не вбывайтеся, бо вже того не переминыте, що сталося... Я на той рикъ до васъ прыйиду, вы жъ мени далы благословеніе выбрать любую дивчыну и женытыся. Отъ я женюся, а обробывшысь, до васъ прыйиду, тилько напышить, де будете.

П а в л о. А нумъ рушать, а нумъ рушать! Годи стара, гайда, не рано! Треба жъ на пойиздъ поспить.

Я в д о х а. (*цилуючы уголъ хаты*). Хатко жъ моя, хатко моя... Я-жъ тебе будовала, я-жъ у тоби дитокъ рожала, щастя имъ у Господа благала... Прощай моя ридна оселя, не будешъ ты чуть мого голосу поки й тебе!

П а в л о. (*зтривоженымъ голосомъ*). Прощайте! Сыну... Прощай!.. отъ капосна баба, розтрывожыла й мене! (*вытерае слёзы*).

К у п е р ь я н ъ. Прощай, Павле! И на що вже я запеклый, а й мени жаль зробылося, що вы одйизжаете въ чужу сторону. Такъ якось ажъ сумно... Мовъ и справди ховаемо васъ! Хотивъ бы пожартувать, такъ жартъ на губахъ замырае (*цилуются. Явдоха, Павло и Мыхайло обходять всихъ и прощаются. Мыхайло вернувся, те-жъ прощается. Помалу выходять*).

П а в л о. Стара! Ходимъ бо (*выходять*).

—

Я в а XVII.

Явдоха и Мыронъ.

Я в д о х а. Ой ниженькы мои не пиднимаются, до риднои земли прырослы воны (*падае на землю*). Свята земля, ридна земля! И батькови, и матчыны ниженькы по тоби ходылы, и кисточкы ты ихъ прыйняла до себе... Чымъ же мы такъ согришылы, що ты немовъ зрикаешся, выкыдаешъ насъ на чужыну...

Ой, визьму жъ я оцю грудочку земли святои, нехай вона мени нагадуе на чужій чужыни ридну родыну, мылу мою краину...

Павло. Мыронъ, веды матиръ! Пора вже!

Мыронъ. (*обнимае матиръ*). Не плачте, матусю... Не сыла моя, а то бъ я васъ видъ себе не пустывъ! Не вбывайтеся!.. Я до васъ прыйиду, я васъ одвидаю и сюды прывезу, и назадъ одвезу—по зализныци, це не такъ трудно. А може вы ще й сами назадъ повернетесь, колы батько побачыть, що тамъ не такъ гарно, якъ ему здается, бо бубонъ гарно гуде тилько за горою.

Явдоха. Нехай тоби, сыну, Богъ заплатыть, що ты утишаешъ мое серце! Ходимъ! (*идуть. Стае. Похытала головою*). Прощай, моя... хатыно ридна!.. Прощай!

Зависа

Дія III.

Улыця и дворыще Мырона. Дидъ Мыкола иде вулыцею.

Мыкола. Грабытели, вси грабытели! Та дарма,—Харька вже прыговорылы пидъ ризкы, ще й васъ напарю!! Ачъ, яки розумни: букы-азъ-ба, види-азъ-ва! Я й до Мырона ще доберуся! Ученый, моченый, смаженый, скаженый! Батька выгнавъ зъ двору, людей збунтувавъ, на роботу не йдуть, якусь артилькрутиль завивъ—хочъ и самъ кыдай хазяйство, та тикай соби на вильни степы... Бисовои пары, перевертень! Сказано: зъ хама не буде пана, скилько ёго тамъ по школахъ не вышкребалы, скилько не парылы, може и въ молоци выварювалы, а мужыкъ тамъ десь на дни зоставсь!.. И прыперло ёго сюды! Нехай ему старшына допроса учыныть: по якому праву? Винъ зъ обчества выпысався—нехай иде на чотыри витры (*пишовъ*).

Ява II.

Мойсій, Матвій и Лука.

Мойсій. Ходимъ до Мырона Павловыча, винъ певно ще не знае, що Харька пидъ ризкы прысудылы.

Лука. А не знае.

Мойсій. Це такъ, це такъ! То выходыть и насъ ще будуть быты ризкамы?

Лука. Мабуть.

Матвій. О ни! Мыронъ Павловычъ не допустять, та й Харька оборонять. (*Мыронъ выходыть зъ хаты, кобенякъ и палыця въ рукахъ.*) Куды це вы зибралысь?

Мыронъ. На варту. Сёгодня моя черга въ ночи биля худобы. (*Кладе кобенякъ и палыцю на прызьби).*

Матвій. Та це таке дило, що будли хто зъ насъ справыть... Вы вже ти дила справляйте, що мы не можемо, а на варти—чы я, чы Лука, чы Мойсій, та будли хто побуде, слава Богу людей у спильци не мало.

Мыронъ. И це дило и то дило, и те и те треба справлять. А хиба що знову трапылось?

Лука. Що дня васъ мучымо.

Матвій. Харька, кажуть, дидъ Мыкола потягнувъ до волосты на судъ. Судьивъ пидпоивъ и ти прыговорылы его пидъ ризкы! Це вже побыла лыха годына, це страмовысько... Винъ же теперь артильщыкъ, та намъ очи выколють. Мало того, дидъ Мыкола пидпоить, то й насъ будуть парыть.

Мыронъ. За вищо жъ?

Лука. Дило завелося за пять карбованцивъ, що той ему вынен҄ъ.

Мыронъ. Мы жъ ему виддалы, та й за довгы здается жъ не бьють.

Матвій. Такъ дидъ выгадавъ, що нибы то Харько похвалявся пидпалыть его, що нибы ёго, старого, въ груды штовхавъ, наплювавъ межи-очи...

Мыронъ. А свидкы?

Матвій. Мабуть знайшовъ. А пьянымъ суддямъ що?

Мыронъ. Такъ якъ же воны можуть напыватыся, колы въ той день, якъ иде судъ, лавкы зъ водкою заперти?

Матвій. О, то вы ще въ волости не булы, не бачылы, якъ судять?

Мыронъ. Збирався скилько разивъ, та не мавъ часу.

Матвій. То то бо й ёе!.. Лавкы заперти! А хиба сёгодня не можна купыть на завтра?

Мыронъ. И тамъ у волости пьють?

Матвій. Есть друга кимната, звется совищательска—такъ тамъ такъ совищаются зъ пляшкамы, що на решти судьи мало не падають.

Мыронъ. А волостный старшына?

Лука. Яки бо вы? Хиба старшына мае сто очей! Винъ одвернется, а тамъ кокъ, кокъ, кокъ—и готови!

Мыронъ. Нехай прыйде до мене Харько, я его роспытаю и завтра рано пойиду до земського начальныка за порадою. Будемъ жалиться.

Матвій. Обороняйте насъ видъ сорому.

Мойсій. Повирыте, я якъ побачывъ разъ, що сиклы, такъ цилый мисяць самъ соромывся дывытысь на людей, а колы бъ зо мною те сталося, такъ повисывся-бъ!

Матвій. Карпо-жъ повисывся. Ёго высиклы, а винъ пишовъ и заразъ такы повисывся.

Мыронъ. А—а!.. Невже вси люде такъ люблять, такъ ухвалылы ризкы, що судьи не соромлятся открывать передъ громадою нагую срамоту?..

Матвій. Не вси ухвалылы. Де жъ такы, щобъ вси! Отъ же вы чуете, якъ намъ це не по души!.. А Карпо такъ повисывся... Булы у насъ и судьи зъ молодыхъ, такъ ти никого пидъ ризкы не прысуждалы, соромылысь! А теперъ старыхъ выбралы, воны й жарять! Имъ що: ихъ былы, такъ и воны бьють; за бытого, кажуть, дають два небытыхъ, та й то не беруть; та ще горилка... Напьются, совисть прытуплять,—ну й жарь!

Мыронъ. Правда! Крипостни каликы, та горилка... Де жъ тутъ совисть, де соромъ? Воны, напывшысь, не посоромлятся открыть нагую срамоту и своихъ батькивъ!

Матвій. Имъ що! А бодай не казать... Такъ вы на варту не йдить, я за васъ. А то цилу ничъ не спать и завтра до земського, та ще и въ Банкъ треба за землю клопотаться...

Мыронъ. Ничого. Прывыкъ.

Лука. Де жъ такы? Це вже не годытся...

Матвій. Ни, вже, якъ хочете, а мы всіею артилью зговорылыся, щобъ вы не вартувалы, хочъ у ночи; мало у васъ дила, вы й такъ иноди ледве на ногахъ держытесь: хлопоты за все и за всихъ!

Мыронъ. Вы мене тяжко обидыте, колы за мене станете робыть... Та годи про це, а отъ я васъ порадую: Кукуриченко прыславъ мени лыста: згожуется продать землю по 125 руб., завтра пойиду въ Банкъ, дизнаюсь, скилько дасть на десятыну, а вершкы заплатымо зъ послиднёго; та ще може розсрочыть.

Вси. Перервемся, а заплатымо!

—

Ява III.

Ти жъ и старшына зъ пысаремъ

Старшына. Доброго здоровья!

Пысарь. Мое почтеніе!

Мыронъ. Добры-день и вамъ. (*Пысарь подае руку Мыронови и трясе его за руку*).

Старшына. А хто зъ васъ Мыронъ Серпокрылъ?

Мыронъ. Я.

Старшына. Не пизнавъ бы. Хлопчыкомъ малымъ ты у мене поганявъ.

Мыронъ. Забувъ, чы у васъ, чы въ кого другого, а поганявъ не разъ.

Пысарь. Не тыкайте на нёго—винъ чынъ мае.

Старшына. О?!

Пысарь. Вѣрно.

Старшына. А хто вы теперъ будете?

Мыронъ. Мыронъ, Павливъ сынъ, Серпокрылъ.

Старшына. Та я знаю. А що вы йе таке: чы панъ, чы мужыкъ?

Мыронъ. Мужыкивъ сынъ.

Старшына (*до пысаря*). Такъ що жъ вы кажете, що винъ чыновныкъ?

Пысарь. Выдите, Мыронъ Павловычъ, що вы крестьянскій сынъ—это извѣстно, но господынъ старшына сомниваются на щотъ вашого теперешнёго званія...

Мыронъ. Теперъ я коллежскій секретарь.

Пысарь. Вѣрно.

Старшына. Такъ вы выбачайте. Дывлячысь на васъ, цёго не сказавъ бы.

Мыронъ. А звисно, на лоби не напысано—по одежи й зустричають.

Пысарь. Вѣрно!

Старшына. Такъ будемъ теперъ балакать на дыликатну ногу.

Мыронъ. Мени байдуже, балакайте якъ завгодно, я не обижаюсь.

Старшына. Розумно.

Пысарь. Вѣрно.

Старшына. Жалуются на васъ старыкы-хазяины, що вы розвращаете народъ.

Пысарь. Вѣрно.

Мыронъ. Чымъ?!

Старшына. Бачыте-выдите... робочыхъ у насъ и такъ сутужно, робочи дорого, а вы збунтувалы людей: нихто не хоче йты на роботу... ни за яки гроши.

Пысарь. Вѣрно.

Мыронъ. Не вси жъ, хиба спильщыкы, та й тыхъ я не одговорюю: хотять, то нехай идуть, якъ що нема своеи роботы. А отъ вы скажить мени: пидуть на чужу роботу Грычани, Балабуха, дидъ Мыкола. Не пидуть?!

Старшына. А ни!

Пысарь. Вѣрно.

Мыронъ. А чомъ же бъ имъ и не питы?

Старшына. Чудне дило! Таки хазяины, свою роботу покынуть та пидуть на чужу?

Мыронъ. То такъ же й други люде: свою роботу мають и на чужу не йдуть.

Пысарь. Вѣрно.

Мыронъ. Покы не було за що рукъ зачепыть, люде ходылы на поденщыну, набиралы на десятыны въ строкы, а теперъ, отъ хочъ бы й наша артиль, складается зъ 16 чоловикъ, мы засіялы 50 десятынъ, оремо вже на паръ, та й дома у кожного знайдется дило,—отъ люде и не йдуть на чужу роботу...

Пысарь. Вѣрно.

Старшына (*до пысаря*). Не збывайте, Яковъ Мыхайловычъ, а то вы: и туды вѣрно, и сюды—вѣрно!

Пысарь. Именно: и сюды, и туды—вѣрно!

Старшына. А що то за артиль така, видкиля вона взялася, де таке право есть, щобъ заводыть артиль супротывъ хазяинивъ? Такъ и робитныка не достанешъ.

Пысарь. Вѣрно.

Мыронъ. Мы артиль заснувалы не противъ биды... Отъ я вамъ покажу заразъ артильный договоръ, напысаный и завиреный по закону нотаріусомъ!

Старшына. Нотаріусомъ?! Покажить...

Пысарь. Вѣрно.

(Мыронъ пишовъ у хату).

Старшына. Не кажить, будь ласка, оцёго вашого „вѣрно"! бо я збываюся: и Мыронъ каже—вѣрно, и я кажу—вѣрно!

Пысарь. Харытонъ Харытоновычъ! Такъ воно й есть такъ точно: и вы говорыте—вѣрно, но и винъ говорыть—вѣрно. Що жъ я можу сказать?.. Вѣрно!

Старшына. Пущай-нехай... такъ... вы хочъ мовчить.

Пысарь. Постараюсь.

Старшына (*до людей*). Що жъ Мыронъ у васъ: чы за хазяина, чы за прыкащыка, чы й самъ робыть зъ вамы?

Матвій. Товарыщъ, якъ и вси, а робыть черезъ сылу. Вже мы ёго просымо, щобъ не робывъ, бо намъ ёго голова бильше нужна, нижъ ёго рукы: якъ звалытся, то мы безъ нёго пропащи!

Пысарь. Вѣр...

Старшына. Яковъ Мых....

Пысарь. Забувъ...

Старшына. Хымерный чоловикъ! *(выходе Мыронъ).*

Пысарь. Хто?

Старшына. А, Господы, чымъ вы слухаете?

Пысарь. Обома ухамы, вѣр....

Мыронъ. Отъ и договоръ.

Старшына *(до пысаря).* А прочытайте... *(пысарь чыта).* Я й самъ грамотный, вы не думайте, тилько треба правду сказать: пысане довго розбыраю.

Пысарь. Вѣрно.

Старшына. Що?

Пысарь. Договоръ—по закону: и Нотаріусъ, и №, и печать. Вѣрно!

Старшына. Такъ у чимъ же дило?

Пысарь. Багато напысано, но отъ главное: „чтобы отвыкать отъ злобы другъ къ другу, а учыться взаимному уваженію и любви, мы, посовѣтовавшись между собою, руководствуясь 1528, 1529 и 1530 ст. X т., части 1-й и 89, 90 и первою частью 91 ст. XI т., части 2 уст., торгов. порѣшили соединиться всѣмъ вмѣстѣ и составить земледѣльческую артель для веденія одного общаго хозяйства.

Старшина. А дали?

Пысарь. Все, що зароблять—дилыть на-ривно мижъ усима спильцыкамы.

Старшына. А дали?

Пысарь. Подписи.

Старшина. Чіи?

Пысарь. Собственноручныи всихъ артильщыкивъ.

Старшына. Такъ уси бъ то грамотни?

Лука. Мыронъ Павловычъ насъ за зиму всихъ грамоти вывчывъ, а договоръ весною робылы.

Старшына. На законнимъ основаніи?

Пысарь. Вѣрно.

Старшына. Дывно! Яка жъ вамъ корысть отаке зативаты?

Мыронъ. Хиба тутъ тилько мени корысть? И вамъ, и всёму начальству корысть, и всій громади корысть.

Пысарь. Вѣрно...

Старшына (*до пысаря*). Що?.. отъ бачыте,—сказалы „вѣрно", а що—вѣрно, то й сами не знаете.

Пысарь. Вѣрно... не знаю: похопывся, видите—бачыте, выскочывъ зъ словомъ; но, правду сказать, еще не понялъ...

Старшына. А вы не спишить, бо хто спишыть, той людей смишыть.

Пысарь. Вѣрно.

Старшына (*до Мырона*). Такъ яка жъ корысть? Розтолкуйте...

Мыронъ. Про це треба говорыть довго, щобъ все въ подробыцяхъ зъясуваты. Скажу коротенько. Всяку повынnисть чы натуральну, чы грошову—артиль сповныть скорище и краще, нижъ одынъ чоловикъ,—отъ и вамъ полехкисть, бо меньше хлопоту; знову—артиль, велыкый хазяинъ,—вона хлибъ матыме одъ нового до нового, ще й въ запаси, и черезъ те артильщикы не будуть просыть, щобъ помоглы прохарчуватыся, та обсіяты свои нывы—выходыть начальству меньше клопоту;—всяки платижи артиль заплатыть у свій часъ—казни корысть и знову начальству полехкисть... Нарешти: въ достаткахъ люде чеснищи, жывуть тыхо, мырно, працёвыто, не пьянствують, не безчынствують, а видъ цёго всій громади и всій околыци спокій! Оце й усе...

Пысарь. Вѣрно.

Старшына. Отеперъ и я скажу: вѣрно! Тилько все жъ такы не розумію: яка видъ цёго именно вамъ корысть?

Мыронъ. А колы всимъ добре, то й мени добре.

Пысарь. Вѣрно.

Старшына. Отъ вы и знову похопылысь: а ну, розскажить своимы словамы!

Пысарь (*чуха потылыцю*). Головоломно!

Старшына. То то бо й е!

Мыронъ. Отъ вы мени допросъ учынылы, теперъ дозвольте вамъ учынить допросъ: за вищо Харька Круглого прысудылы пидъ ризкы?

Старшына. Певно есть прыговоръ.

Пысарь. Вѣрно.

Мыронъ. Несправедлывый. Харько гроши дидови Мыколи виддавъ, не грубывъ ёму, дидъ зъ злосты показавъ, свидкы и судьи булы пьяни.

Пысарь. Вѣрно.

Старшына. То выходыть и вы булы пьяни?

Пысарь. Вѣрно.

Старшына. Наказаніе Господне зъ вамы.

Мыронъ. То вже выбачайте, а я пойиду до земського начальныка... У насъ есть тежъ свидкы... Въ совищательскій судьи пьють могорычи...

Старшына. Що жъ ты будешъ робыть? Покы не судья, то й не пье, а выберуть у судьи--и роспаскудытся.

Пысарь. Вѣрно.

Старшына (*до пысаря*). Такъ вы не запысуйте прыговора за Харька у кныгу, бо сами жъ кажете „вѣрно“, що булы пьяни... А вамъ нѝчого йихать до земського: я бачу, що вы чоловикъ умный, стоющый, говорыте дило, и ваши слова треба уважать.

Пысарь. Вѣрно.

Старшына. Не перебывайте-бо!

Пысарь (*затуляе рота рукою*).

Старшына. Намъ такыхъ людей, якъ вы—треба!

Пысарь (*въ руку мурчыть*).

Старшына (*глянувъ на нёго, похытавъ головою*). Отъ у насъ скоро выборы гласнихъ въ земство, такъ мы васъ гласнымъ выберемо!

Мыронъ. Спасыби! Я ще ничымъ не заслужывъ у громады такои честы.

Старшына. Ни, не кажить! Выберемъ! Я самъ буду про це стараться. Тымъ часомъ, колы тамъ що, пущай—нехай!.. А

вы мени заявить, я не дозволю, я тежъ чоловикъ не слипый и розумію де-що...

Мыронъ. Спасыби вамъ, господынъ старшына! Я дуже радый, що зъ вамы познаёмывся... Теперъ якъ тилько що—до васъ. Кому жъ, якъ не вамъ, заступыться за обиженого. Звисно, безъ помылкы не можна, на те люде; а де люде—тамъ и грихъ.

Пысарь. Вѣрно.

Старшына. Отъ бачыте, якый вамъ соромъ, та ще передъ такымъ стоющымъ чоловикомъ. Вы жъ тамъ у волости разъ-у-разъ, и допускаете пьянство.

Пысарь (*зитхнувъ*). Вѣрно.

Старшына. Ото й погано, що все це вѣрно! А вы повынни до соблазну не допускать.

Пысарь (*тыхо*). Вѣрно.

Старшына. Такъ отъ же й знайте: що колы я застану у волости, або на суди, пьянство, то васъ першого выжену, а судьивъ пидъ судъ.

Пысарь. Вѣрно.

Старшына. Яковъ Мыхайловычъ! Вы бъ хочъ чужого постыдылысь... Хиба вы другихъ словъ не вміете говорыть, а тилько одно—„вѣрно?"

Пысарь. Вѣрно.

Старшына (*сміется*). Отакъ, якъ бачыте! Земськiй начальныкъ не може зъ нымъ говорыть, ажъ за бокы берется—такъ регоче, а винъ хочъ бы тоби вусомъ моргнувъ: вѣрно и край.

Пысарь. Вѣрно, потому... Вѣрно!

Старшына. Чуете?.. Ну, прощайте! Бо й мени немае часу! (*иде и вертается*). Ага! скажить, будь ласка: для чого вы такъ рано орете на паръ?

Мыронъ. Мылосты просю, чы въ недилю, чы въ празныкъ зайдить до мене, то я вамъ розскажу и кныжку прочытаю.

Старшына. Гараздъ! Прощайте! (*идучы до пысаря*): прыятный чоловикъ.

Пысарь. Вѣрно (*пишлы*).

Ява IV.

Ти-жъ безъ Старшыны и Пысаря.

Лука. Ну й чудни.

Мыронъ. Що жъ, воны свое дило робылы... Це вже багачи настренчылы.

Лука и Матвій. А вже-жъ! Ну й вы жъ ихъ загналы на слызьке.

Мыронъ. Не дуже... Старшына чоловикъ розумный, а пысарь—чудакъ... Мени здается, що винъ навмысне говоре оте „вѣрно".

Лука. А вже жъ, винъ тилько зъ началныками такъ говоре, а зъ мырянамы инакше... Вси началныкы у нёго говорять: „вѣрно", а черезъ те винъ уже 25 литъ у нашій волости пысаремъ и кажуть мае *вѣрныхъ* тысячи тры карбованчыкивъ.

Мыронъ. Отъ и ликарь (*входе ликарь*).

Ява V.

Ти-жъ и Ликарь.

Ликарь. Доброго здоровья! *(цилуются)*. А що тутъ у васъ?

Мыронъ. О, Господы! Та тутъ цилый лазаретъ хворыхъ, а до всихъ хворобъ ще й дифтеритъ дитей давыть.

Ликарь. Чомъ же не напысавъ про дифтеритъ? я-бъ доставъ сыворотки за для прывывкы, та й земській ликарь прыйихавъ бы зо мною.

Мыронъ. Колы жъ я й самъ дизнався тилько тоди, якъ уже за тобою пойихалы. Такъ мы пошлемо до земського ликаря лыстъ, а ты тымъ часомъ иды у цю хату, подывышся, та колы можна, поратуй нещасну молодыцю.

Ликарь. Подывымось *(пишовъ)*.

Мыронъ. Побижить, товарыши, загадайте хворимъ, щобъ ишлы до мене: ликарь прыйихавъ, може кому дасть раду.

Матвій. Ты туды Мойсію, а я сюды *(розійшлыся уризни стороны. Куперіянъ выходе)*.

Ява VI.

Ти-жъ безъ Матвія, Мойсія и Куперіянъ.

Куперіянъ *(выходе)*. Мыронъ Павловычъ! А ну зробить зъ мене чоловика!

Мыронъ. Та вы й такъ чоловикъ.

Куперіянъ. Ни, я цехмейстеръ надъ тією соломою, що пидъ головы кладу.

Мыронъ. И хиба вамъ такъ худо?

Куперіянъ. До цёго часу було добре, а теперъ надывывся на васъ, наслухався вашыхъ речей и не можу спать, не можу пыть, не можу йисты: проснулась совисть... Хочу працювать, колы не для себе, то для другыхъ: есть багато сыритъ, вдовъ, бидныхъ, нехай мій пай иде на ныхъ, а я буду жыть, якъ жывъ, мени ничого не треба. Гляньте, якый здоровый катюга, можу працювать за двохъ: вылежався!

Мыронъ. Чы правду жъ вы говорыте?

Куперіянъ. Правду. Совисть заговорыла. Удавлюсь, колы збрешу. Вже й артиль—6 чоловикъ—набравъ, тилько поможить.

Мыронъ *(цилуе его)*. Збирайтеся, та завтра пойидемо у городъ, зробымо у нотаріуса договоръ артильный, ґрошей достанемо, хазяйство заснуемъ—и нехай вамъ Богъ помогае.

Куперіянъ. А до васъ прыстать не можна?

Мыронъ. Окрему артиль лехше заснувать, а потимъ можна буде зъеднатыся докупы.

Куперіянъ. Вы жъ будете и нашимъ порадныкомъ?

Мыронъ. Зъ усіеи сылы.

Куперіянъ. Такъ завтра у городъ? Побижу порадую товарышивъ *(пишовъ)*.

Мыронъ. Господы, дай мени сылы всю ту роботу зробыть, яку задумавъ... *(выходе ликаръ)*. Ну, якъ?

—

Ява VII.

Ти-жъ и Ликаръ.

Ликарь. Помре!

Мыронъ *(тяжко зитхнувшы)*. Жертва тьмы.

Ликарь. На другый день писля пологу встала—разъ, зъ горища упала—два, догляду не було—тры: воспаленіе брюшыны—и край!

Мыронъ. Бидность, темнота и безпомичнисть гублять людей... Будемъ рятувать. Найизжай, брате, що недили два разы.

Ликарь. Зъ радистью, але треба аптечку, хочъ сяку-таку.

Мыронъ. Дай стать на ногы,—це жъ першый рикъ.

Ликарь. Знаешъ що, Мыроне: я прыстану до тебе въ спилку, колы дило пиде благополучно. Працювать же биля хлиборобства що-дня—я не матыму часу, а въ вильный часъ робота знайдется. Знову, не тилько жъ артильщыкы та селяне будуть личытыся, а й околыця... а вона велыка, та й такы... Що зароблю въ артиль, а пай ривный зъ усима.

Мыронъ. Такъ, братику, такъ!.. Заведемъ школу, библіотеку, больныцю!..

Ликарь. Не кыпы. По-малу. Перше аптечку, помичъ, раду въ свій часъ, а тамъ побачымо. Ты знаешъ, я твои думкы подиляю и радъ служыть на корысть народного здоровья усимы сыламы; я тежъ не панъ якый вельможный, а паламаривъ сынъ и зъ дытячыхъ литъ вырисъ въ сели, не розлучався и до сёго часу зъ народомъ, то мени середъ народа, якъ рыби въ води, до того жъ зъ пуждою я зрисся и ще не роспаскудывся велыкымы заробиткамы, бо тилько що практыку почавъ, такъ не треба буде й сылувать свою натуру: борщъ, каша, часомъ кваша—и доволи!

Мыронъ. Я день и ничъ марывъ про це, але боявся тоби говорыть, щобъ не осміявъ. Вси думають, що я божевильный, утопистъ, мечтатель—и я, перше всёго, хотивъ диломъ доказать свои слова, а тоди вже клыкать и тебе, и другихъ до помочи... Теперъ же твоя згода прыстать до спилкы доказуе, що я настоящый реалистъ и раціоналистъ! Може я занадто гарячый, але це натура и ничому не шкодыть, а въ дили я соби йду до меты тыхо, спокійно, що дня поступово... Ты жъ знаешъ: вся артиль грамотна, жинкы перше соромылысь брать кныжку въ рукы, теперъ почалы вчытысь; спивають у церкви

и спивають чудово; батюшка чоловикъ хорошый, зимою чытавъ людямъ священну исторію, за це я ёму помогавъ учыть дитей въ приходській школи... И цей рикъ чудовый выпускъ буде школяривъ... А на той рикъ...

Ликарь. Тпру!.. Стій! Не забигай годомъ впередъ. А знаешъ, на мою думку таки идеи, якъ идея спилкы, кооперації, ховать не слидъ тилько въ однимъ сели; не за тымъ свичку запалюють, щобъ ставыты іи пидъ стилъ; слухай же: ты маешъ уси права пройты въ земство. Скоро будуть у насъ выборы и треба попасты покы въ гласни, а тамъ черезъ годъ и въ члены.

Мыронъ. Гласнымъ—зъ радистью, тилько що мене нихто не знае, то наврядъ, чы й попаду, а членомъ не хочу, хочъ бы й певенъ бувъ, що выберуть... хто що любе, нехай те й робе—бильше задовольненя, бильше щастя... Вильна праця, биля земли незалежнисть—отъ мои мріи.

Ликарь. Тамъ побачымо... Але объ цимъ ще побалакаемо, а теперъ ходимо ликарюваты *(до хворихъ)*. Вси хвори?! *(идуть хвори, хто шкандыба, хто зъ перевьязанымъ окомъ, хто такъ блидный сунется помалу, де яки кашляють—ажъ свыстыть. Хворихъ сыла).*

—

Ява VIII.

Ти-жъ и хворый народъ.

1 чоловикъ. Ой, пидъ грудьмы болыть.

Ликарь. Заходьте въ хату, я заразъ прыйду *(вси идуть въ хату, жаліючысь на хворобу).*

Баба. У кульшу вступыло, насылу йду...

2 чоловикъ. На крыжи впавъ.

3 чоловикъ. Рукы и ногы ломыть.

Ликарь. Идить, идить, тамъ вже вси пожалуетесь. Що жъ у тебе йе зъ ликарствъ?

Мыронъ. Хына, іодъ, шкапыдаръ, бадяга, блыкотне масло, конфорне масло, муравьиный спыртъ, добрый дёготь...

Ликарь. А дёготь же для чого?

Мыронъ. Видъ кашлю помогае.

Ликарь. Пожалуй... А оліумъ рецини?

Мыронъ. Есть.

Ликарь. Ну, чого не стане, зъ города прышлю *(пишлы)*.

Ява IX.

Дидъ Мыкола *(выходе)*. Отъ грабытели! Крутильщыкы, артильщыкы! Ученый Мыронъ, бодай ёму... Все переробывъ. Старшына не звеливъ пысареви запысувать въ кныгу прыговора за Харька, каже—пьяни вси булы!.. Пропала горилка и не провчу анехтему! Гей ты, артильщыкъ! *(у хату до Харька)*. Крутильщыкъ! Букы-азъ-ба! *(выходе Харько)*.

Ява X.

Дидъ Мыкола и Харько.

Дидъ. Иды завтра, поможы досіять ячминь—чортъ тебе беры—заплатю 40 копіёкъ; я жъ тоби допомогавъ колысь, послухай же й мене хочъ цей разъ

Харько. Не можу, диду—у мене жинка померла.

Дидъ. Померла?.. Худо... шкода... Ну, тутъ ничого не зробышъ... Померла... Царство небесне!.. Смерть... сказано... *(Харько пишовъ у хату. Дидъ постоявъ трохы)*. Померла... Отъ, грабытели! До кого жъ ёго й питы? На що Куперьянъ цехмейстеръ надъ соломою, и той не хоче! Каже, въ артиль прыставъ, завтра иде въ городъ!.. Хочъ здыхай! *(пишовъ; изъ хаты выходять хвори. Марія выходе)*.

Ява XI.

Хворый народъ и Марія безъ дида.

Марія. Що тутъ, бабо?

Баба. Ликарь, дочко, ликарь. Веливъ ростирать и ликарство давъ, спасеть его Богъ *(пишла)*.

1 чоловикъ. Напойивъ чымъ-сь и зразу наче полехчало...

2 чоловикъ. Мыронъ розтеръ крыжи якоюсь мазью и ще веливъ розтырать на ничъ. *(Решта выходыть мовчкы. Бронхитики кашляють ажъ свыстыть).*

Марія. Якый Мыронъ добрый!.. Господы, и полюбыла жъ я ёго—той вымовыть не можна! Здается, и очей бы зъ нёго не зводыла, та все слухала ёго розмову. Кныжкы мени дае чытать: хороши-прехороши. Хотила однесты ёму оцю кныжку *(выймае зъ-пидъ хвартуха)*. Та теперъ тамъ ликарь, соромлюсь иты... А хочется зъ нымъ побалакать. Два дни не бачыла: ни дома не застанешъ, ни на улыци не побачышъ самого, все хтось до нёго прыйде, або прыйиде... Хвылыны не мае спокою. Его замучать, винъ такъ и захворіе! И обидать ему, биденькому, немае кому зварыть; самъ, кажуть, варыть... Боже мій, Боже мій!.. Що, якъ бы?.. *(зитхае)*. А винъ до мене прыхыльный... Та ни, ему и женытыся нема часу *(входе Матвій)*.

—

Ява XII.

Марія и Матвій.

Матвій. Мыронъ Павловычъ дома, не знаешъ?

Марія. Дома. Я имъ кныжку прынесла, та тамъ ликарь.

Матвій. Поклыкать?

Марія. Ликаря? Ха, ха!

Матвій. Мырона.

Марія. Такъ винъ и пиде.

Матвій. А чомъ ни?

Марія. Не до мене.

Матвій. Та хто ёго знае...

Марія. Выгадайте!

Матвій. А пишла-бъ?

Марія. Куды?

Матвій. Ачъ, якъ круте! Замижъ за Мырона?

Марія *(соромлыво)*. У!.. Ще й допытують.

Матвій. Ни, справди?

Марія. А чомъ же.

Матвій. То я скажу ёму, щобъ сватавъ.

Марія. Отакои! Прыстало якъ разъ!.. (*выходыть Мыронъ*).

—

Ява XIII.

Ти-жъ и Мыронъ.

Мыронъ. Ликарь заснувъ; нехай трохы одпочыне, а ты, Матвію, запряжы, братику, кони: хочъ уже й смеркае, але мисячно, та й нехай, хто тамъ на черзи, йиде зъ оцымъ лыстомъ до земського ликаря.

Марія. Добры-вечиръ!

Мыронъ. Марія! Отъ спасыби, що провидала.

Матвій. До речи, за чергу; вы жъ, Мыроне Павловычъ, сёгодня до скоту не йдить на варту. Я за васъ.

Мыронъ. Не выгадуй. Такъ не можна, це баловство: того не буду робыть, другого не буду робыть, то й выйде, що я хазяинъ, а вы мои робитныкы. Я такъ не можу. Ты мени про це и не заикайся, я повыненъ все те робыть, що робыть кожный артильщыкъ.

Матвій. Такъ вы жъ бильше другихъ робыте.

Мыронъ. Языкомъ.

Матвій. Охъ, не шануете вы себе, намъ не рукы потрибни, а голова ваша.

Мыронъ. Годи тоби, Матвію, бо буду гниватысь.

Матвій. Та я й мовчатыму, але ще разъ скажу: не годылось бы вамъ на варти цилу ничъ биля худобы побыватысь.

Мыронъ. Отъ же розсердюсь.

Матвій. Бодай васъ, яки вы уперти. Прощавайте (*пишовъ*).

Мыронъ. Сидай, Маріе, посыдь зо мною... Воны бъ хотилы, щобъ я панычемъ дило, за прыкащыка бувъ. Такъ я-бъ краще у городи соби панувавъ. Ревнують мене до робыты (*сміется*).

Марія. Жаліють... Не треба такъ надрывать себе.

Мыронъ. Такъ я-жъ и не надрываюсь, а роблю на-ривни.

Марія. А трошкы подалысь.

Мыронъ. Втягнуся (*чуть дивочый спивъ. Слухають писни*). Гарно, чудово!

Марія. Вы любыте?

Мыронъ. Якъ же молодому серцеви та гарнои дивочои писни не любыть.

Марія. Мени здается, що вы про це и не думаете, вы й на парубка не похожи!..

Мыронъ. А на дида?

Марія. Ни, де жъ такы! Вы молоди, а тилько таки степенни, якъ тилько стари люде бувають... Николы не гуляете?

Мыронъ. Якъ не гуляю? А на весилли у Дементія, гацавъ онъ якъ!

Марія. Чула, та на жаль не бачыла! И, Боже, якъ бы хотила побачыть васъ веселымъ!..

Мыронъ. Такъ отъ я на твоимъ весилли потанцюю. Певно ціеи осены выйдешъ замижъ.

Марія (*зитхнула*). Ни.

Мыронъ. Чомъ же? Невже ни зъ кымъ не гуляла и не гуляешъ?.. Невже нема пары?

Марія. Була, та загула!..

Мыронъ. Одкынувся?

Марія. Я сама одкынулась. Поки кныжокъ не чытала, то Клымъ здавався мени ничого соби парубокъ; а потимъ чымъ бильше прыслухалась до вашихъ речей, чымъ бильше чытала, тымъ Клымъ дурнищымъ все й дурнищымъ почавъ мени здаватыся... До того дійшло, що мени було соромно слухать ёго розмову, взяла та й залышыла.

Мыронъ. А Клымъ же якъ?

Марія. Довго мордувався. Бувало, клыче мене на улыцю,— я не выйду; спивае у левади довго-довго—я не йду; зустринемось—я мовчу, або тикаю, одмовляючысь, що николы; винъ це пидстеригъ, та на злисть мени почавъ до Горпыны залыцятысь, думавъ мене роздражне, а я ажъ зрадила... Та такъ по малу, по малу й розійшлыся—слава Богу!..

Мыронъ. Такъ ты вильна пташка теперъ?

Марія (*встае*). Вильна! Нате вамъ кныжку; колы можна, дайте другу!..

Мыронъ (*бере іи за руку*). Сидай, посыдь ще трохы; мени такъ гарно, якъ ты тутъ биля мене сыдышъ.

Марія. Ну, колы я вамъ не надойила, то й посыдю. Тилько у насъ кажуть: дивци зъ парубкомъ не прыстало сыдить на прызьби, а треба десь такъ, щобъ нихто не бачывъ!.. Такъ то-жъ зъ парубкомъ...

Мыронъ. Такъ и я жъ парубокъ.

Марія. Парубокъ, та не такый якъ други.

Мыронъ. Такый самый, тилько що старищый.

Марія. Ни. Вы настоящый парубокъ, а то хлопчыкы... Тилько що вы въ бороди.

Мыронъ. А ты хочешъ, то я збрыю бороду.

Марія. Ото! Дежъ такы, щобъ я була така дурна? Вамъ у бороди гарно; то зразу, а теперъ око прывыкло—и гарно!..

Мыронъ. То тоби до вподобы моя борода?

Марія. А то жъ! така, якъ шовкъ...

Мыронъ. Слухай, Маріе (*прытягае іи блыжче до себе, Марія сама пидсовуется*). Чого жъ ты голову такъ нызько нахылыла? Глянь на мене... (*Марія дывытся на нёго и зитхае*) Голубонько моя! скажы мени, що небудь гарне, гарне...

Марія. Гляньте, якъ мисяць высоко пиднявся, та ясно, якъ на двори,—отакъ у мене заразъ на души!..

Мыронъ. На неби мисяць сяе, а биля мене зирка вечирняя блыщыть. Серденько мое! (*тулыть іи до себе, Марія не спретчается*) Маріе, пидешъ за мене замижъ?

Марія. Жартуете...

Мыронъ. Ни.

Марія (*про себе*). Може выпытуе, чы дурна я, чы зразу повирю.

Мыронъ. Ни, зиронько моя, я тебе давно люблю, та не набрався смилосты сказать тоби... Я не смилывый зъ дивчатамы.

Марія. Хиба дивчата кусаются? (*дывытся на нёго, а винъ на неи*). Вже правда, що вы не смилыви (*обнимае его за шыю, заглядаючы у вичи*). Ну жъ бо!

Мыронъ. О, теперъ и я вже смилывый! (*цилуе Марію*).

Марія (*схоплюется и оглядается*). Мыронъ Павловычъ! Може тутъ хто пидгляда?

Мыронъ. Нехай; я завтра старостивъ прышлю.

Марія (*одходыть*). Спить же сёгодня гарно... а завтра скажете, щó вамъ прыснытся! А цю кныжку не виддамъ вамъ теперъ; вона моя на викы, черезъ неи у насъ стала оця перша розмова (*повертается иты*).

Мыронъ. Маріе! (*Марія стае*). Вернысь, посыдь зо мною... Писля такои розмовы не хочется зъ тобою розлучатысь.

Марія. Серденько мое, мылый мій! (*бижыть до него. На дверяхъ ликарь позихае; хвылына замишкы*). Нате вамъ цю кныжку, мени николы! (*побигла*).

Зависа.

Дія IV.

Середына землянкы, стины сыри, смугы по стинахъ,—выдко, що по ныхъ слезыть. Свиту мало, двери ныженьки. Стеля высыть надъ головою. Тисно. Въ углахъ навалено всякого хламу.

Ява I.

Павло, Мыхайло и Явдоха. Сыдять за столомъ мовчкы и вечеряють.

Павло. Морозе, морозе, а йды до насъ вечерять!.. (*мовчать*). Сёгодня жъ святый вечиръ, то, здается, клычуть мороза вечеряты?

Явдоха. Мороза клычуть вечерять на голодну кутю, а це багатый вечиръ.

Мыхайло. Тутъ и багата кутя жъ голодна... (*встають. Сидають по куткахъ. Мовчать*).

Явдоха (*прыймае зъ столу*). Завтра Риздво святе (*мовчать*).

Павло. Велыкый празныкъ... (*мовчать*).

Явдоха. Це у насъ тамъ носять вечерю...

Мыхайло. Зоряно—воряно! Та тыхо, тилько пидъ ногамы морозъ скрыпыть.

Явдоха. А тутъ тилько витеръ реве середъ степу...

Павло. Бувае, що й тамъ завирюха свыще.

Мыхайло. Тутъ разъ-у-разъ свыще; а затыхне витеръ, то звиръ голодный вые въ пустыни...

Павло. А у насъ тамъ хиба звиръ не вые?

Мыхайло. Я ни разу й не чувъ, а тутъ, ажъ сумъ душу обгортае, якъ завыють.

Павло. Сказано, ще людей мало.

Мыхайло. На сто верстъ кругомъ пустыня.

Павло. Такъ було колысь и у насъ. Я ще зазнаю, що, бувало, якъ йидешъ зъ лисомъ до Вознесеньска, такъ одъ Вознесеньска до Новомыргорода десять селъ стояло.

Мыхайло. Колы бъ же тутъ на такимъ пути хочъ тры села стояло...

Павло. Будуть й тутъ.

Мыхайло. Черезъ сто литъ? Ждить. Сто литъ не будете жыть?

Павло. А хто ёго знае... (*мовчать*).

Явдоха. Святе Риздво, а мы и до церквы завтра не пидемо... Якъ то тамъ Мыронъ, мій голубчыкъ, нехай ему легенько гыкнется.

Павло. Пошлы, Боже, ёму щастя, та здоровья.

Явдоха. Хто жъ насъ завтра провидае?—Ни роду тутъ немае, ни родыноньки... Чужа чужына!

Мыхайло. Хочъ не нагадуйте! (*мовчать*). Тутъ, може, кыргызъ якый провидае, та и остатню пару коней украде.

Павло. Чого доброго. А провидаемъ, сыну, худобу (*бере рушныцю, а Мыхайло кіекъ; выходять*).

—

Ява II.

Явдоха сама.

Ой, нещасна моя головонька, загубыла насъ чужа сторононька! Дитокъ малыхъ Господь прыбравъ, поховалы середъ степу чужого, зосталыся въ трёхъ у цій шырокій домовыни, и не тисно намъ, и земли сырои на груды, здается, намъ не на-

сыпано, а тяжче намъ отутъ, нижъ мертвому въ нимій холодній домовыни!.. А старый сылкуется, а старый тишытся надіями и уперто сыдыть тутъ... Мени й жаль ёго, душа болыть, бо чуе мое серце, що й винъ шкодуе за тымъ, що покынувъ, але соромытся, що будуть глузуваты дома, и упырается, щобъ тутъ росыдить, хочъ и не говоры... Парубокъ звився... Що мени робыть, що мени робыть?

Ява III.

Входять Мыхайло, а потимъ Павло.

Мыхайло. Ничого не выдко. Пидъ повитчыну бье, рве, скотына скоцюрбылась, далеко десь звиръ вые... Ой, пропадемъ отутъ!

Явдоха. Мовчы, сыну, терпы, моя дытыно, не рвы батькового серця, бо й винъ, якъ мертвець ходе! (*входе Павло*).

Павло. Затыхае, мабуть выпогодытся... Здается, витеръ повернувъ... (*мовчать*).

Мыхайло. Тату!

Павло. Чого сыну?

Мыхайло. Тикаймо звидциля, бо пропадемъ отутъ, ни за цапову душу!

Павло. Шкода-жъ, сыну, потеря: землю купылы задешево, завдатокъ далы, весною банкъ гроши выдасть, и земля наша на вичнисть.

Мыронъ. Для кого-жъ, тату, та вичнисть? Братъ и сестры померлы тутъ; Мыронови ничого не треба, зостався я одынъ у васъ; вы вже стари, то це выходыть для мене?

Павло. Для тебе, сыну.

Мыхайло. Не хочу я, тату! Лехче мени и краще мени наймытомъ жыть у своій сторони, а нижъ тутъ у цій пустыни мать землю на вичнисть.

Павло. Дурный ты, сыну, лыха не знаешъ.

Мыхайло. Охъ, тату! Не треба довго жыть, щобъ лыха багато знать: доволи перейихать на винець свита, жывымъ себе

поховать въ Орембурськимъ степу, щобъ лыха набратысь бильше, нижъ у насъ дома за ввесь викъ. Тату, я довго мовчавъ, теперъ не можу, бо мене щось ухопыло за серце, здавыло его мицно и не выпускае, а все бильше й бильше давыть. Колы бъ хочъ насъ тутъ було багато, колы бъ хочъ уродыло, колы бъ хочъ було куды той хлибъ одвезты продать—то ще сякъ-такъ! А то: Панько, Клымъ и Терешко десь повіялысь;—воны все шукають новыхъ мистъ,—зосталысь мы сами. Братъ и сестры померлы; хаты путнёи мы не змоглы поставыть и не зможемо; хлибъ уродывъ гирше, нижъ у насъ, тай той, щобъ продать по грошу—треба тарабаныться намъ у двохъ на трое сутокъ и зоставлять тутъ матиръ одну; кымлыкы, чи кыргызы коней дви пары у осены на очахъ нашыхъ потурлылы въ степъ, и воны пропалы; озымына тутъ вымерзне, ярына снову не вроде, и мы попухнемо зъ голоду! Тату, ридный мій, пожалійте мене молодого: до ридного краю, якъ тамъ не тисно, та краще: и серцю одрада и души спокій!

Павло. Хаты у насъ и тамъ теперъ немае, надилъ Мыронови продалы... Знову, щобъ достатыся до дому—треба все продать за безцинь... А тутъ завдатокъ пропаде... За вищо жъ мы тамъ рукы зачепымо, чимъ хазяинуваты будемо?

Мыхайло. Маты будуть у Мырона. Я наймусь на годъ, мени дадуть 80 рублывъ, и вамъ за хазяина коло плугивъ у любій экономіи дадуть 80, а то и 100 карбованцивъ.

Явдоха. И я наймуся до Пузыря за куховарку на чорну кухню. Лехче мени тамъ, здоровья мавшы, працювать, нижъ тутъ межъ гнылымы стинамы у цій землянци погыбать!

Мыхайло. И матери дадуть 50 рублывъ. Отъ у насъ черезъ годъ зостанется не меньше якъ пивтораста карбованцивъ, тоди женюся, 2 пары коней справымо, отъ и хазяины! Яку жъ тутъ пораду можна знайты?

Павло. Тутъ?.. своя земля на вичнисть!.. Погорювать той годъ, чи два, такъ за те яки хазяины будемо!.. Люде и не таке лыхо перебувають, а мы вже злякалыся зимы, та першого неврожаю... отъ же ни Панько, ни Клымъ ни Терешко не тикають

до дому, а мы вернемось и тамъ, середъ своихъ людей, засміють, проходу не дадуть! Одынъ Куперьянъ, цехмейстеръ надъ соломою, скилько буде глузувать, продражнять переселенцямы и будуть тымъ очи выпикать.

Мыхайло. То я самъ утечу до дому.

Павло. И не грихъ тоби отакъ казать? Невже ты одважышся насъ зъ матирью покынуть тутъ самихъ?..

Мыхайло. Не грихъ, одважусь! Бо я васъ не кыдаю, я васъ клычу до дому, а вы хочете себе и мене поховать у цимъ степу чужимъ, глухимъ, непрыютнимъ! (*мовчать*).

Явдоха. Охъ!

Павло. Охъ! (*зъ-надвору голосъ чуть*:) Гей, а хто тутъ йе? Озовиться!

Павло. Щось гукае!

Явдоха. Може розбійныкы?..

Мыхайло (*бере кіёкъ*). Берить, тату, рушныцю, а вы, мамо, макогинъ. (*Удвери*) А хто тамъ? (*иде.*) Станьте дали видъ дверей, не наблыжайтеся, бо хто васъ знае, що вы за люде.

Голосъ. Та мы свои.

Явдоха. Господы! Може Мыронъ?..

Павло. Оце выгадала! Винъ же не знае и де мы, бо за турботамы й не напысалы.

Мыхайло. А хто жъ вы свои? У насъ вси свои дома!

Голосъ. Та одчыняйте, бо померзлы.

Павло. Балакають по нашому.

Мыхайло. Станьте, тату, подали и наготовте рушныцю,— я видчыню (*Павло наготовывъ рушныцю. Мыхайло одчыня*).

—

Ява IV.

Панько и Клымъ, а зъ ными два кыргыза.

Клымъ. Якся маете? Зъ святымъ вечиромъ.

Павло, Явдоха и Мыхайло. Панько! Клымъ!

Мыхайло. А це жъ хто?

Панько. Кемлыкы! Мы такы простувалы до васъ, та збылыся сёгодня и потерялы прекметы, та до ныхъ въ кибитку попалы. Слово-по-слову—знають, и згодылыся провесты насъ до хутора за карбованця.

Клымъ. Мы вже думалы, що пропадемъ, а воны прывычни до свого степу: чухрають и чухрають навпростець.

Павло. Звидкиля жъ Богъ несе?

Панько. Багато розсказувать, дайте одигріемося.

Явдоха. Сидайте, грійтесь; хочъ якъ погано, а все жъ затышокъ, не те, що на двори.

Клымъ. Що й казать.

Мыхайло. Вы грійтеся, а я вашыхъ коней заведу хочъ пидъ повитку.

Панько. Будь ласка (*Мыхайло выйшовъ*).

Явдоха. Певно, йисты хочете, та не дуже то йе чого подать: борщу трохы, та кутя свята...

Клымъ. Козакы, якъ диты: багато выйидятъ, мало найндятся! Давайте, спасыби вамъ.

Явдоха. Сидайте жъ до столу... отъ Богъ гостей пославъ у таке свято, ажъ на души лекше стало.

Панько. А мы, думаете, не ради? Господы! Наче саму блызьку ридню бачымо. (*Явдоха подае. Кыргызы щось мижъ собою балакають тыхо.*) Може бъ и вы попойилы, хочъ хлиба?

Кыргызъ. Хѣбъ? Давай!

Явдоха (*дае имъ по куску хлиба, воны ховають за пазуху; входе Мыхайло*).

Мыхайло. Сякъ-такъ прымостывъ. А добри кони.

Панько. Кыргыськы. Выносливи страшенно.

Мыхайло. А у насъ вятськи, те жъ ничого коныкы—бигучи и сыльни.

Кыргызъ. Ну, давай рюпь.

Панько. Хиба пойидете?

Кыргызъ. Поѣдемъ.

Панько. Та кони жъ потомлени.

Кыргызъ. Потомъ?.. Ничево! Дома спать.

Панько (*достае гроши.*) Не все розуміють: я кажу потомылысь, а воны потомъ. Нате!

Кыргызъ. Будь здоровъ! (*выйшлы.*)

Мыхайло. И я выйду за ними (*бере рушныцю и выходе*).

Кыргызъ. Сиди, малчикъ, въ кибиткѣ, мы дорогу знаемъ.

Мыхайло. Не завадыть.

Кыргызъ. Куда не заводить? Нихто не будить заводить, у насъ лошади есть свои много. Чево мерзнешъ... иди кибитку...

Павло. Де-жъ вы булы,—оце цикаво, и куды идете?

Панько. Заразъ розскажемо.

Явдоха. Що жъ тамъ Кылына, Параска, Одарка, диткы, чы жыви-здорови?.. А мы своихъ поховалы, заваливы подавылы всихъ трёхъ.

Панько. Поховавъ и я двохъ.

Клымъ. И я одного (*входе Мыхайло*).

—

Ява V.

Мыхайло. Якъ побачу кымлыка... чы добрый винъ, чы худый, а мени все здается, що винъ коней покраде.

Панько. О, воны таки! Терешка бидного убылы.

Павло и Явдоха. Убылы? Царство небеснеl..

Панько. Литомъ... Тильки-що звечнило, насъ двохъ не було,—мы йиздылы верстовъ за 30,—а ихъ четверо на добрыхъ коняхъ наскочылы на пасовысько, де наша скотына наслась, и зайнялы коней и дви коровы. Углядивъ Терешко, та за рушныцю, та на свого коня, що стоявъ на прыпони,—добрый бувъ кыргызъ! и за нымы, та бубухъ разъ, бубухъ и въ друге зъ рушныци, а того и не помичае, що двое зъ ныхъ отдилылысь и забигають зъ-заду, а винъ летыть!.. Колы шарахъ! злетивъ зъ коня. Арканомъ закынулы, кинь зъ пидъ нёго выпорснувъ, побигъ, а винъ на землю. Тоди воны поперебывалы ёму ногы, та й зайнялы и ёго коня, та й на сей день... Вернувшысь, мы пишлы слидомъ и найшлы его—ледве дыхавъ. Черезъ два дни

й померъ. И—и! Бабы пиднялы галасъ: не хочемо тутъ жыть, тутъ и насъ повбывають. Нема имъ рады,—що хочъ кажы, а воны свое: назадъ и назадъ до дому!.. Такъ мы зибралы хлибъ зъ грихомъ пополамъ помолотылы,—зоставалось у насъ ще трое коней, повезлы разомъ и скарбъ свій, и жинокъ до чаункы; тамъ де-що продалы, добулы дарови былеты, жинокъ одправылы до дому, а сами на коней, та на розвидкы: де краще жыть? Булы и въ Екатерын... не вымовлю... бурзи, и за Ураломъ. Возылы рыбу до вокзала и такъ всяки роботы и хвуры бралы, грошей заробылы дещыцю, але переконалыся: що тамъ найкраще, де насъ нема, и, повертаючысь до дому, думаемъ,— грихъ намъ буде: зманылы Павла, сами вернемось, а ёго покынемо: зайидемо до нёго, провидаемъ, якъ тамъ винъ и що? Такъ оце й добралыся до тебе. Ну, якъ же вамъ жыveтся? Не выдно, щобъ добре...

Явдоха. Ой, мои ридни, берить ёго, берить и насъ, бо пропадемъ.

Мыхайло. Колы тато не пойидуть, то я лышу ихъ тутъ, нехай мене Богъ простыть, и вернусь до дому,—я тутъ не можу соби рады даты. Колы бъ хочъ мижъ людьмы, а то ни души: кругомъ тилько кемлыкы. Вода гирка, хлибъ не вродывъ, коней украдено, трое дитей поховалы... Ни за що не останусь!

Панько. Що жъ, Павле, пойидемо до дому?

Явдоха. Чого жъ ты мовчышъ, старый?

Павло. Охъ, гирко моій души. Соромъ и досада, и злисть давлять мене, грызуть мене!.. Все пропало, розорывся, зныщывъ хазяйство, яке було, зоставсся безъ хаты, безъ земли, и вертаться на глумъ, на смихъ усій громади! Ни, краще я тутъ помру, нижъ вернуся старцемъ до дому.

Панько. Не будь бо такый гордый, Павле! Посміются, та й перестануть. Хиба жъ ты не бачышъ, якъ замучылась Явдоха, якъ змарнивъ Мыхайло, та й самъ ты зигнувся и понурывся. Кращыхъ кладуть у домовыну, нижъ вы вси трое. Мы, бачышъ, лехкодухи, у насъ бурлацьки натуры, такъ намъ байдуже, а тебе жаль. Вернимось краще до дому.

Мыхайло (*падае до нигъ батька*). Тату, мій голубчыку риднесенькый, я перервуся, а дома знову мы выбьемось на шматокъ хлиба, и не будемо такъ горювать, якъ тутъ.

Павло (*довго барабаныть пальцямы по столу*). Вернимось! (*рыдае-схылывшысь на стилъ*).

Явдоха. Годи, старый! Я заразъ и поздоровшаю, и помолодчаю.

Павло. А!!. Трохы лекше и мени.

Панько. Стійте, що воно загуркотило?..

Мыхайло. Ходимъ до худобы (*выходыть взявшы рушныцю*). Ходимъ ще хто, берить кiёкъ!

Панько. И яке це жыття, що безъ кійка та безъ рушныци й не выходь (*взявъ кiёкъ пишовъ*).

—

Ява VI.

Ти-жъ безъ Мыхайла и Панька.

Клымъ. У васъ йе сани?

Павло. Йе.

Клымъ. Велыки?

Павло. Добри сани.

Клымъ. Такъ мы все на ныхъ накладемъ, та якъ запряжемъ четверо коней встяжъ, то за килько день будемо биля чугункы на станціи. Шляхы мы добре знаемо, и дарови былеты достанемо. Тутъ нашого брата, абы здыхатысь, хутко выряжають.

Павло. Намъ треба буде пережлать до весны, збижжя всякого багато.

Панько. Продамо.

Павло. Треба обмиркувать. Насъ пятеро, коней четверо, чымъ ихъ въ дорози годувать; збруя; снасти—не кыдать же всёго—тутъ и на трое саней не заберешъ. Хлибъ же, ще сино йе—треба все продать. Скоро не выйидешъ.

Панько. Поможемо, то й черезъ мисяць выйидемо.

Павло. Побачымо!

Я в а VII.

Ти-жъ, Мыхайло и Панько.

Панько (*вбигае*) Нещастя!

Вси. Що сталось?

Явдоха. Де Мыхайло?

Панько. Мыхайло то йе, а коней нашыхъ нема.

Клымъ. Це кымлыкы.

Мыхайло. Вернулысь, кляти, и коней покралы, добре що хочъ наши въ пути, а то бъ зовсимъ зосталысь пиши.

Панько. Пойидемо шукать, я ихъ и пидъ землею знайду; я тутъ ходы знаю; я ихъ въ округъ потягну! Ахъ вы прокляти конокрады! Тутъ ще гирше, нижъ у насъ (*одягается*).

Клымъ (*до Панька*). Стривай! передъ свитомъ краще всёго наскочыть на ихъ тырло.

Павло. Правда.

Мыхайло. Навалымо у чотырёхъ на ныхъ. Жаль, що тилько одна рушныця.

Павло. А кіёкъ, а макогинъ, а люшня?

Клымъ. Готовъ до смерты бытысь! Послидню шкапу скралы. Отъ тоби й переселеніе.

Мыхайло. Вольни земли.

Павло. Теперъ, колыбъ тилько Богъ помигъ благополучно повернутыся до дому, то мы вже заснуемъ артиль.

Явдоха. Насылу у тебе одкрылысь очи.

Мыхайло. А щобъ то було дома прыстать до спилкы!

Павло. Э, сыну, сыну! Щобъ научытысь плавать, треба воды набрать въ уха; щобъ научытысь жыть, треба настраждатысь въ жытти... А теперъ мы вже знаемо, що то за Клынъ Зеленый! Теперъ я розумію, що це той клынъ, що мы сами соби у груды забываемо.

Вси. Правда!

Явдоха. Охъ, правда! Поможы жъ намъ, Боже, повернутыся до дому хочъ весною. Поможы жъ, Боже, намъ побачыты ридну родыну! Оце жъ земля ридна (*выйма зъ-запазухы зашыту въ тряпку землю. Цилуе и прыгортае до грудей*). Ридна земле,

ты чуешъ? Мы йидемо туды, де вербы, та тополи шумлять, де гаи зелени, повни птаства, де все радисно и весело балака до чоловичого серця, мы вертаемось до тебе, наша кормылыце зъ дида-прадида; це ты насъ мукамы такымы покарала за те, що мы тоби зрадылы, тебе покынулы! (*вытерають вси слёзы*).

Вси. Поможы намъ, Боже, благополучно добраться до ридного краю.

Зависа.

Дія V.

Ява I.

Середына хаты.

Артильщыкы, одни сыдять на лавахъ, други стоять группамы; зъ одного боку вси. Якъ зависа пиднимается, по паузи входе Павло, Явхода и Мыхайло.

Павло. Здрастуйте вамъ!

Лука. Дядько Павло!

Вси. Вернулыся?

Павло. Охъ! Вернулыся, та не радисть тутъ насъ зустрила, а тяжке нещастя.

Явдоха. Мыронъ, кажуть, хворый?

Лука. Ледве дыхае.

Явдоха. Нещасна я маты! На чужыни далекій поховала трёхъ дитокъ и сюды поспила, щобъ плакаты—рыдаты, тило твое, сыну мій коханый, матерныны слёзамы обмываты (*иде въ другу кимнату.*)

Павло. Стара, вдержуй себе, не тривожъ хворого (*пишла*). Що зъ нымъ? Видъ чого тяжко такъ захворивъ?

Мойсій. Нещастя!

Лука. Простудывся. На водохреща морозъ бувъ лютый, а винъ писъ корогву, розхристався.

Мойсій. Не берігся.

Лука. Знову, давалы мы скотыни пашу, було холодно, а винъ ключкою смыкавъ сино—упривъ—ну й продуло.

Мойсій. А, може, варта дойихала, та невгамовна щоденна праця...

Лука. Охъ! Працювавъ черезъ сылу. А якъ пиде на нещастя, то не вбережешся.

Мойсій. Колы-бъ Господь его помылувавъ.

—

Ява II.

(Зъ дверей выходе Матвій, вытыраючы очи).

Вси. Пбмеръ? (*обступають Матвія*).

Матвій. Жывый, а тилько, Боже, якъ тяжко дыхае.

Павло (*вытырае очй и тыхо иде въ другу кимнату, за нымъ Мыхайло.*). Тяжко согришывъ я десь передъ тобою, Боже, що ты мене такъ покаравъ. Все потерявъ, и теперъ ховаю едыную мою надію, сына дорогого.

Лука. Хочъ-бы побачытысь, попрощатысь.

Матвій. Ликарь каже, не можна напускать людей у хату, ёму и такъ повитря мало, нема чымъ дыхать.

Куперьянъ. Невже-жъ мы и передъ смертію не побачымо Мырона Павловыча... не почуемо ёго голосу?..

Матвій. Винъ просытся самъ, щобъ людей побачыть, попрощатысь.

Зъ гурту. Що-жъ ликарь?

Куперьянъ. Ликарь не Богъ! Смертельна хвороба—чехотка.

Матвій. Сыльно простудывся, доставъ запаленіе легкыхъ... ну й чехотка! А чехотку вылечыть неможна.

Куперьянъ. А скилько я разивъ казавъ: не пускаймо ёго до всякои роботы, особлыво на варту биля скотыны; мало чого винъ не говоре, а якъ бы ёго береглы, не давалы такъ працювать, якъ винъ працювавъ, то може-бъ и не простудывся, а колы и простудывся, то выдержавъ-бы хворобу.

Матвій. Якъ же ты ёго вдержышъ, якъ же ты ёго не допустышъ до праци! Та ёго тильки и можна було тымъ хиба зупыныть, що прывьязать у хати. На що вже жинку, якъ любыть, а й ту не слухавъ. Скильки разъ вона ёго просыла: не працюй такъ; ты знемигся! А винъ и дома вчыть, и въ школи вчыть, и наривни зо всима роботу всяку робе: одпочыватыму, каже, якъ умру.

Вси. Надто працювавъ, безъ спочывку.

Матвій. Жинку вышколывъ на учытельку, экзаменъ здала... Ну й знемигся.

Лука. Отъ Господь и клыче на спочывокъ.

Матвій. Та, будемъ казать, отъ же и ликарь Иванъ Ивановычъ, прыставшы до спилкы, працювавъ наривни и личывъ, больныцю завивъ, а ничого...

Куперьянъ. Не такый запальный; а що вже Мыронъ Павловычъ, то й Господь ёго знае, де у нёго те здоровья бралося: разъ-у-разъ кыпивъ и кыпивъ.

Матвій. Оця жъ то кыпучисть разомъ зъ простудою и звалылы ёго.

Куперьянъ. Теперъ на ликаря, на Ивана Ивановыча, наша надія. Винъ ученый такый, якъ и Мыронъ, и любыть насъ, мовъ ридныхъ.

Матвій. Тильки будемо вже цёго берегты; намъ ёго рукы не потрибни, намъ голова нужна.

Вси. Рукъ йе доволи, абы керувавъ.

Матвій. То й не будемо допускать до всякои роботы, нехай керуе, людей личыть; а колы вже хить, то тамъ що-небудь легеньке можна ёму дозволыть робыть.

Вси. Именно, нехай, мовлявъ, керуе.

Матвій. Та ще онъ дядька Купріяна треба шанувать.

Куперьянъ. Що тамъ я! Краще-бъ таке ледащо померло, нижъ мае смерть одбыраты видъ громады Мырона Павловыча! Де такого знайдешъ? Не за хлибъ винъ спилку засвувавъ и працювавъ такъ тяжко, а для громадськои корысти. Такый чоловикъ въ громадськимъ дили дорожче золота, бо не

корысть вела ёго на працю, а гаряче серце, що бажало щастя и добра всимъ людямъ.

Вси. Нема такого въ свити.

Куперьянъ. Нема! Я, ледарь, пьяныця, волоцюга, пидъ ёго вплывомъ на-ново родывся, бо винъ не тильки говорывъ, але й робывъ. Винъ запалывъ у мени такый духъ, що я одразу переминывся и зрозумивъ, що спилка для всихъ насъ, бидныхъ хлиборобивъ, едыный рятунокъ видъ усихъ нашыхъ прыгодъ! Охъ, колы-бъ можна було такого чоловика выкупыть видъ смерты своимъ жыттямъ—я-бъ и на хвылыну не задумався, нехай бере мое никчемне! (*вытерае очи*).

Матві'й. Не кажить такъ, дядьку! Колы Мыронъ Павловычъ, по воли Божій, васъ переробывъ, то и вы потрибни намъ! Нихто зъ насъ не зробыть того, що зробыте вы. Отъ я и про себе скажу: люблю Мырона Павловыча такъ, що и не знаю... Здается, все-бъ виддавъ... Але то такъ тильки здается, по совисти жъ скажу: що я-бъ за нёго не хотивъ умерты, нема у мене того духу, а дядькови Купріянови вирю, що винъ оддавъ-бы свое жыття за жыття Мырона Павловыча.

Вси. Вирымо и мы, вси вирымо.

Матвій. Бачыте, дядьку? Чуете, дядьку? Отакъ про васъ думавъ и Мыронъ Павловычъ! Такъ отъ що дядьку: колы такого чуда зробыть неможна, щобъ выкупыть у смерти жыття Мырона—виддайте ёго нашій спильци, щобъ душа Мыронова по насъ и на тимъ свити не тужыла.

Куперьянъ. Це вже вы мене такъ ухвалылы, що я соромлюсь и очи на васъ пидвесты. А ось що вамъ скажу: працюватыму, поки душа въ тили, пропаду за спилку.

—

Ява III.

Ти-жъ и ликарь.

Одни. Ликарь, ликарь.

Други. Иванъ Ивановычъ!

Вси. Що, що?

К у п е р ь я н ъ. Жывый?

Л и к а р ь. Гасне зъ кожною хвылыною и часу не прожыве.

В с и. Боже нашъ! Боже!

М а т в і й. Пустить же насъ зъ нымъ попрощатысь.

К у п е р ь я н ъ. Почуть видъ нёго одно слово.

Л и к а р ь. Винъ и самъ того хоче... Але це прыспишыть ёго смерти: та нема чого робыть, одно зосталося—умерты. Нехай же умре передъ усима, ёму легче буде закрыть очи, дывлячысь на своихъ товарышивъ. Отъ ёго несуть. (*Мырона выносять у крисли обложеного подушкамы*)

—

Я в а IV.

Ти-жъ, Мыронъ, Марія и други.

В с и. Брате нашъ, батьку нашъ! Не покыдай насъ безпомощныхъ.

Л и к а р ь. Тыхо, тыхо, не тривожте ёго.

М ы р о н ъ. Ничого, ничого, друже! Кинець блызько, я заразъ помру.

М а р і я. Ты не вмрешъ, Богъ не захоче мене посыротыть.

М ы р о н ъ. Мыла моя! Для идей смерты нема, и я не вмру—душа моя буде зъ вамы!

М а р і я. Свите мій, учытелю мій! (*цилуе руку*).

М ы р о н ъ. Памятайте, чому учывъ васъ.

М а р і я. И едыного слова твого николы не забуду.

К у п е р ь я н ъ. Прысягаю жыть, якъ вы учылы.

В с и. Вси прысягаемо.

М ы р о н ъ. Любить другъ друга! Иване, не кыдай ихъ.

Л и к а р ъ. Нехай того Богъ покыне.

М ы р о н ъ (*показуе на Марію*). Не обижайте іи и ихъ (*показуе на батькивъ*).

К у п е р ь я н ъ. Нужды не знатымуть.

В с и. Покы мы жыви.

Куперьянъ. У спилку прыймемо!

Мыронъ. Спасыби! Тату, мамо! Не плачте, мои ридни, я радый, що передъ смертію всихъ васъ бачу... Прощайте!

Разомъ. {
Павло. Сыну мій!
Явдоха. Дытыно моя дорога!
Мыхайло. Братику!
}

Ликарь. Спочынь, ты утомывся.

Мыронъ. Николы... заразъ спочыну на викы! Иды сюды, дай мени твою руку. Товарыши, пидійдить до мане блыжче, обступить мене тиснище—нехай я середъ васъ помру.

Ликарь. Помовчы.

Мыронъ. Послидня хвылына! Иване, брате: люде умирають—идеи вични! Товарыши! Не розризняйтеся, живить у злагоди, въ согласіи, учиться, держиться спилкы, любить другъ друга!.. Охъ!

Ликарь. Тыхо, тыхо... (*пısля паузы*) Померъ. (*тыхый плачъ жинкы и матери.* Прощай мій друже, мій брате! Велыкый духъ твій буде зъ намы, покы мы жыви. Передъ прахомъ твоимъ клянуся все жыття мое виддать на служеніе твоій идеи!

Зависа.

Гдѣ жили Переяславскіе Торки?

Исторія Торковъ прекрасно разработана проф. Голубовскимъ въ книгѣ: *Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ* (Кіевъ 1884 г.). Припомнимъ важнѣйшія его положенія.

1) Печенѣги, Торки, Половцы, Турки-Сельджуки и Турки-Османы—представляютъ одну семью *тюрковъ*. Все это—вѣтви одного племени, кочевавшаго нѣкогда въ областяхъ центральной Азіи.

2) Торки нашихъ лѣтописей въ мусульманскихъ, византійскихъ и западно-европейскихъ источникахъ называются Узами (Гузами).

3) Русскимъ Торки—Узы (Гузы) становятся извѣстными въ X вѣкѣ, потому-что въ 985 г. они являются уже союзниками Владимира Святого въ его походѣ на Волжскихъ Болгаръ. Они жили въ это время по берегамъ Волги и Дона—тамъ, гдѣ эти рѣки сближаются между собою.

4) Половцы, появившись изъ-за Яика или Урала, вытѣснили Торковъ съ береговъ Волги и Дона далѣе на западъ, ближе къ границамъ русскихъ поселеній.

5) Въ 1055 году Всеволодъ Ярославовичъ долженъ былъ ходить на Торковъ для защиты отъ ихъ набѣговъ Переяславскаго княжества. Въ 1060 году князья Изяславъ, Святославъ,

Всеволодъ и Всеславъ предприняли огромный походъ противъ Торковъ. Они такъ напугали Торковъ, что послѣдніе разбѣжались въ разныя стороны (одни—къ Дунаю и далѣе въ предѣлы Византійской Имперіи, другіе—обратно на востокъ на встрѣчу Половцамъ) и во множествѣ погибли отъ зимней стужи, отъ голода и отъ моровыхъ болѣзней.

6) Немногіе оставшіеся въ сосѣдствѣ съ Русскими Торки подчинились верховной власти русскихъ князей и являются впредь, или въ составѣ княжескихъ дружинъ, или въ видѣ пограничнаго населенія, имѣвшаго назначеніемъ давать первый отпоръ набѣгамъ Половцевъ.

Извлеченные изъ сочиненія проф. Голубовскаго выводы достаточно поясняютъ, какъ намъ кажется, общія судьбы Торковъ.

Обратимся теперь къ Переяславскимъ Торкамъ.

Помѣщаемое во всѣхъ спискахъ древней лѣтописи подъ 1080 годомъ извѣстіе о бунтѣ Переяславскихъ Торковъ („*заратишася Торци Переяславьстии на Русь*"—Лавр. стр. 198, Ипат. стр. 143, Воскр. стр. 3, Никон. стр. 110), который удачно усмирилъ Владимиръ Мономахъ, даетъ намъ право утверждать, что часть Торковъ послѣ 1060 года поселилась въ окрестностяхъ г. Переяслава. Гдѣ-же именно жили эти *Переяславскіе* Торки?

Если мы развернемъ трехверстную карту Переяславскаго уѣзда, остановимъ взоръ на берегу р. Днѣпра верстахъ въ 8—15-ти ниже Переяслава и оттуда начнемъ слѣдить за направленіемъ нанесенныхъ на карту двухъ валовъ, идущихъ сначала параллельно на сѣверо-востокъ, а затѣмъ поворачивающихъ на сѣверъ, сближающихся и, наконецъ, соединяющихся на берегу рѣки Трубежа противъ хутора „Дубовая Шея", а потомъ осмотримъ пространство отъ валовъ до г. Переяслава, то въ промежуткѣ между внутреннимъ валомъ и г. Переяславомъ и между дорогами изъ г. Переяслава

на г. Золотоношу и на м. Яготинъ мы замѣтимъ два большихъ селенія: *Малую Каратуль* и *Великую Каратуль*, расположенныхъ вдоль рѣчки Каратульки, вытекающей изъ *пологихъ* болотъ, по которымъ получили первыя части своихъ названій села: Пологи-Чоботьки, Пологи-Вергуны и Пологи-Яненки, и впадающей въ р. Трубежъ ниже с. Великой Каратули.

Извѣстно, что въ древней лѣтописи всѣ мелкія тюркскія племена, осѣвшія постепенно по границамъ Руси, (Печенѣги, Торки, Берендѣи, Ковуи, Турпѣи и проч.) носятъ общее родовое названіе: *Черные Клобуки* [1]. „Черные Клобуки"—ничто иное, какъ переводъ тюркскихъ названій Кара-Калпаки или Кара-Тули т. е. черныя шапки [2]. Вѣроятно, подобныя названія стали общераспространенными вслѣдствіе того, что эти кочевники носили высокія барашковыя шапки изъ черныхъ смушковъ, называемыя кое-гдѣ въ Малороссіи кучмами. Въ имени селъ Малая и Великая *Каратуль* точно сохранилось съ XI вѣка древнее названіе для Торковъ и другихъ тюркскихъ племенъ: *Каратули* (Черные Клобуки или Черныя Шапки), и не можетъ быть сомнѣнія, что Переяславскіе *Торки* иначе *Каратули* или Черные Клобуки жили именно тамъ, гдѣ теперь расположены селенія Малая и Великая *Каратули* и гдѣ протекаетъ рѣчка *Каратулька*.

Но въ одномъ мѣстѣ древней лѣтописи мы имѣемъ указанія и на другія мѣста торкскихъ поселеній въ окрестностяхъ г. Переяслава. Къ сожалѣнію то извѣстіе, въ которомъ они находятся, дошло до насъ въ 2-хъ редакціяхъ и отличается значительною неясностью. Вотъ его тексты:

Лавр. спис. изд. 1872 г. стр. 280 [3].	Ипат. спис. изд. 1871 г. стр. 208.

[1]) *Клобукъ* тоже слово восточное (=турецк. *калабакъ*), но оно очень рано вошло въ русскій языкъ и было понятнѣе, нежели другія восточныя названія для головныхъ уборовъ: калпакъ, туль. См. П. Савваитовъ. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, въ азбучномъ порядкѣ расположенное. 1896. Стр. 169 подъ словомъ: шапки.

[2]) Цитованное сочин. проф. Голубовскаго, стр. 149.

[3]) Въ Воскр. спискѣ текстъ Лавр. списка нѣсколько сокращенъ. См. стр. 26.

1125 г. Потомъ же услышавше Половци, яко умерлъ есть Володимеръ князь, присунушася вборве и наворопиша изгономъ къ Барочю и ко Бронь княжю, хотяче полонити Торкы проклятыя, и с тѣми повоевати Русску землю [1]; но Богъ въ изумѣнье положи совѣтъ ихъ, и не успѣша ничтоже.	1126 г. Слышавше же со врази Половци смерть Володимерю, и присунушася къ Баручю, рекше: возмемъ Торкы ихъ.
Ярополку бо вѣсть бысть, и вѣгна Торкы в городъ тое ночи.	Бѣ же вѣсть Ярополку, и повелѣ гнати люди и Торкы в Баручь и въ прочая грады, навороповше же врази и не въспѣвше ни въ что же положи; увѣдавъ же Ярополка в Переяславли, вратишася на Посулье воевать, Ярополкъ же князь укрѣпився и иде по нихъ,
И егда воротишася опять Половци, князь же Ярополкъ укрѣпивъся Божьею помощью, не жда иное помощи, ни брата, ни другаго, токмо с Переяславци своими испостиже я у Полкъстѣня.	с Божьею помощью, не жда отъ брата помощи, ни отъ другаго, толко с Переяславци постиже я.

Далѣе въ обоихъ спискахъ разсказывается, какъ Половцы были разбиты на голову.

Изъ извѣстія Лаврентьевскаго списка получается такая последовательность событій:

Половцы, очевидно въ небольшомъ числѣ, прискакали на коняхъ къ Баручю и къ Бронь княжю, чтобы взять въ плѣнъ проживавшихъ тамъ Торковъ, переманить ихъ на свою сторону и вмѣстѣ съ ними опустошить русскую землю. Но Ярополкъ, сидя въ г. Переяславѣ, раньше узналъ о приближающемся на-

[1]) Въ Никоновскомъ спискѣ сказано: „Пригнаша скоро изгономъ съ Торкы проклятыми, съ тѣми хотяще воевать Русскую землю“ (изд. 1862, стр. 153), но это, очевидно, передѣлка позднѣйшаго переписчика.

бѣгѣ Половцевъ и въ ту самую ночь, когда они должны были напасть, онъ насильно перегналъ Торковъ изъ Баручя и Бронь Княжя въ Переяславъ (мы принимаемъ *городъ* въ извѣстіи Лаврентьевскаго списка въ значеніи *Переяслава*, какъ города κατ' ἐξοχήν для Переяславской области). Половцы, не увеличивъ своихъ силъ Торками, не рѣшились продолжать набѣгъ и вернулись обратно. Ярополкъ погнался за ними и разбилъ ихъ у Полкстѣня (нынѣ с. Полстинъ въ Пирятинскомъ у. на берегу р. Удая).

По извѣстію Ипатскаго списка дѣло представляется нѣсколько иначе:

Половцы приблизились къ Баручю, чтобы захватить Торковъ и заманить ихъ съ собою на набѣгъ. Узнавши заранѣе о предстоящемъ набѣгѣ, Ярополкъ усилилъ торкскіе гарнизоны въ Баручѣ и иныхъ укрѣпленныхъ городкахъ другими Торками и мѣстными русскими людьми. Половцы, узнавши, что Ярополкъ въ Переяславѣ и что онъ приготовился ихъ встрѣтить, усиливъ гарнизоны въ тѣхъ именно торкскихъ городкахъ, гдѣ они разсчитывали найти не отпоръ, а поддержку, повернули обратно въ Посулье. Ярополкъ нагналъ ихъ и разбилъ (не сказано, гдѣ).

Можно думать, что извѣстіе о набѣгѣ Половцевъ въ годъ смерти Владимира Мономаха и о побѣдѣ надъ ними Ярополка записано не на мѣстѣ въ г. Переяславѣ, а въ г. Кіевѣ, по слухамъ и при томъ въ передачѣ двухъ лицъ. Этимъ объясняется и разница въ описаніи распоряженій Ярополка, благодаря которымъ Русь счастливо избавилась отъ угрожавшаго ей опустошительнаго набѣга.

Для вопроса собственно о торкскихъ поселеніяхъ изъ обѣихъ редакцій можно сдѣлать тотъ выводъ, что Торки жили въ Баручѣ, въ Бронь княжѣ и еще въ нѣкоторыхъ другихъ городкахъ, и что всѣ эти городки были невдалекѣ отъ г. Переяслава, такъ какъ Ярополкъ могъ или *въ одну ночь* перегнать изъ нихъ Торковъ въ Переяславъ, или, по крайней мѣрѣ, *быстро* подкрѣпить тамошнихъ Торковъ другими Торками и мѣстными людьми. Имѣя въ виду, что *Баручь*, или *Бэрочь*—является темой

нынѣшняго названія селенія *Барышевки*, которое произошло отъ прибавки къ темѣ *Баруч—*, *Бароч—*суффикса *евка*, при чемъ *уч*, *оч* могло перейти въ *ыш* подъ вліяніемъ народной этимологіи (Volksetymologie), которая названіе *Барышевки* производитъ отъ словъ *барышъ шевскій*, будто-бы по выгодности издавна здѣсь существующаго *шевскаго* (сапожнаго) промысла [1]), имѣя въ виду, что отъ Барышевки до Переяслава 35 верстъ—разстояніе, которое легко могли проѣхать въ одну ночь конные Торки въ особенности при поспѣшности, съ которою *гналъ* ихъ Ярополкъ („*вгна Торкы в городъ тое ночи*"),—имѣя это въ виду, мы можемъ съ нѣкоторою увѣренностью предполагать, что *Баручь* находился на мѣстѣ нынѣшней *Барышевки*. Что касается *Бронь княжя* и прочихъ городковъ („.... *въ прочая грады*"), то нужно думать, что они были расположены вдоль праваго берега р. Трубежа между Барышевкой и Переяславомъ. Такое предположеніе подтверждается еще и слѣдующими соображеніями.

Изучая по картѣ и на мѣстѣ окрестности г. Переяслава, мы можемъ понять планъ обороны отъ кочевниковъ, который составили себѣ строители Переяславскихъ валовъ. Г. Переяславъ стоитъ на мысѣ, образуемомъ сліяніемъ Трубежа съ Ильтицею (Льтицею). Противъ него Трубежъ мелокъ и имѣлъ *бродъ*, о которомъ упоминаетъ и древняя лѣтопись въ легендарномъ разсказѣ объ основаніи г. Переяслава Святымъ Владиміромъ (993 г.—„*Володимеръ.... сретe я* (Печенѣговъ) *на Трубежи на бродѣ, кде нынѣ Переяславль*"; Лавр. стр. 119, Ипат. стр. 84, Воскр. стр. 314). Въ виду этого, для защиты города и брода, отъ берега р. Днѣпра до берега р. Трубежа у „Дубовой Шеи" насыпано было полукругомъ два параллельныхъ вала, сходящихся только у Трубежа. Между городомъ и валами поселены были Торки на мѣстѣ нынѣшнихъ селъ „Каратулей". Выше

[1]) См. Богдановичъ, Сборникъ свѣдѣній о Полтавской губерніи, 1877, стр. 150. Интересныя соображенія о вліяніи народной этимологіи на мѣстныя названія можно найти въ книжкѣ чешскаго ученаго Примуса Соботки: Výklady prostonárodní k oboru jazykozpytu, bájesloví, psychologie národní atd. V Praze 1882. Стр. 44—56 .

„Дубовой Шеи" Трубежъ становится глубокимъ и страшно болотистымъ, такъ-что перебираться черезъ него и теперь затруднительно, а 8 столѣтій назадъ, когда берега его были покрыты непроходимыми пущами, было и того труднѣе. Поэтому строители валовъ правильно разсуждали, что выше „Дубовой Шеи" (можетъ быть, это урочище называлось тогда совсѣмъ иначе) теченіе р. Трубежа лучше всякаго вала будетъ ограждать русскія поселенія и что только по правому берегу его должны быть устроены укрѣпленные городки съ гарнизонами, которые могли-бы задерживать враговъ въ случаѣ прорыва ихъ въ зимнее время черезъ замерзшій, а потому и доступный Трубежъ. Вдоль праваго берега Трубежа мы, дѣйствительно, находимъ нѣсколько городищъ, которыя можно признать современными валамъ. Вотъ мы и полагаемъ, что въ этихъ городищахъ вдоль праваго берега р. Трубежа намъ и слѣдуетъ видѣть остатки Бронь княжя и другихъ городковъ, въ которыхъ жили Переяславскіе Торки. Есть, напримѣръ, огромное городище на берегу Трубежа невдалекѣ отъ дороги изъ с. Пристромъ въ с. Волошиновку приблизительно на половинѣ разстоянія отъ Переяслава до Барышевки. Не это-ли остатки *Княжой Обороны* (Бронь княжя), называвшейся такъ тогда, когда уже имя князя, руководившаго насыпкой ея валовъ, было забыто?

Изъ всего вышеизложеннаго вытекаетъ достаточно обоснованный, по нашему мнѣнію, отвѣтъ на поставленный вопросъ:

Переяславскіе Торки жили вдоль той оборонительной линіи, которая прикрывала древній Переяславъ и его область отъ кочевниковъ, а именно вдоль валовъ, на мѣстахъ нынѣшнихъ Малой и Великой Каратулей, и вдоль Трубежа, на правомъ берегу его, между г. Переяславомъ и с. Барышевкой.

Баручь былъ послѣднимъ на сѣверъ торкскимъ городкомъ. Можетъ быть, названіе его произносилось Торками нѣсколько иначе, чѣмъ написано въ лѣтописи, можетъ быть, онъ назывался *Барычь*. Въ такомъ случаѣ имя это легко объясняется изъ тюркскихъ нарѣчій и значитъ оно: *торгъ, базаръ*. Слово *барычь* близко родственно со словомъ *барышъ*, которое также

восточнаго происхожденія. Такимъ образомъ народная этимологія, производящая названіе *Барышевки* отъ *барышъ шевскій*, до нѣкоторой степени права. Въ смыслѣ *торга, базара* слово *барычь* употреблялось въ *XVI* вѣкѣ въ польскомъ языкѣ, напримѣръ, въ сочиненіи знаменитаго Николая Рея Wizerunk własny żywota człowieka poczciwego 1560 года, гдѣ находимъ слѣдующее двустишіе (изд. С. Пташицкаго 1881—1888 гг., стр. 106, стихи 381—82):

By miał z dzyećmi pozdychać tedy go wyłupią,
A iáko ná Baryczy nigdy nic nie kupią [1]).

Торки могли назвать одинъ изъ своихъ городковъ *Барычь* (Баручь, Барочь)=торгъ, базаръ на томъ основаніи, что въ немъ происходили торги или базары, на которыхъ пріѣзжіе купцы снабжали Торковъ товарами, необходимыми въ ихъ быту. Города, гдѣ собирались торги, назывались иногда по этому проявленію ихъ жизни; напримѣръ, Новый Торгъ или Торжекъ. Можетъ быть, что еще съ этихъ древнихъ временъ (XI в.) опредѣлилось удобное торговое положеніе Барышевки, которымъ она долго пользовались и которое утратила въ самое новѣйшее время.

Проф. Голубовскій говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей книги, упомянутой въ началѣ нашей замѣтки, (стр. 133): „Гдѣ только мы видимъ прежнія, старыя названія мѣстностей, мы имѣемъ полное право думать, что преемственность населенія данной мѣстности не прекращалась“. Въ именахъ селъ Малой и Великой *Каратулей* съ XI в. удержалась память о жившихъ въ нихъ *Каратуляхъ* (Торкахъ или Черныхъ Клобукахъ), въ имени *Барышевки* живетъ до сихъ поръ одно изъ словъ ихъ языка (если наши домыслы правдоподобны). Очевидно, что преемственность населенія въ мѣстахъ бывшей осѣдлости Переяславскихъ Торковъ не прекращалась совершенно даже въ эпоху самыхъ грозныхъ татарскихъ нашествій.

А. Стороженко.

---

[1]) Ср. I. Karłowicz. Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia używanych w języku polskim. 1894. Стр. 37 и 62.

Новопетровское укрепление. С Хивинской дороги.

„Новопетровское укрѣпленіе. Съ хивинской дороги."

Новопетровское укрѣпленіе.

(*Къ рисунку*).

Прилагаемый къ этой книжкѣ рисунокъ представляетъ *Новопетровское укрѣпленіе*, гдѣ Т. Г. Шевченко провелъ около семи лѣтъ своей жизни (1850—57 гг.). Рисунокъ этотъ сдѣланъ самимъ Шевченкомъ во время его жизни въ этомъ укрѣпленіи. — Пустынный видъ мѣстности требуетъ объясненія. Новопетровское укрѣпленіе находилось на восточномъ берегу Каспійскаго моря, на полуостровѣ Мангышлакѣ. Мангышлакъ состоитъ изъ двухъ полуострововъ: Бузачи и собственно Мангышлака, раздѣленныхъ горами Акъ-Тау. Этотъ полуостровъ Мангышлакъ выдается въ море гористымъ мысомъ (Тюкъ-Караганъ), на оконечности котораго и находилось Новопетровское укрѣпленіе. Исторія послѣдняго такова. До 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія сѣверо-восточный берегъ Каспійскаго моря представлялъ собою совершенную пустыню, въ которой только кочевали киргизы и отчасти туркмены. Мѣстность эта входила въ составъ оренбургскаго губернаторства, и въ 1832 г. оренбургскій губернаторъ гр. Сухтеленъ поручилъ офицеру Корелину обозрѣть сѣв.-восточн. берегъ Каспійскагс моря и выбрать тамъ мѣсто для постройки крѣпости. На выбранномъ Корелинымъ мѣстѣ, при заливѣ *Мертвый-Култукъ*, въ 1833 г. было устроено *Новоалександровское укрѣпленіе*. Мѣстность послѣдняго скоро оказалась почему-то неудобною, и въ 1839 году капитану,

генер. штаба Широкову и капит.-лейтен. Бодиско поручено было поискать тамъ-же, на сѣв.-вост. берегу Каспійскаго моря, лучшее мѣсто для перенесенія туда укрѣпленія. На этотъ разъ выбрана была *Николаевская гавань* у мыса *Тюкъ-Караганъ* и въ 1845 году на этомъ мѣстѣ, „на высотахъ *Курганъ-Ташъ*", и было устроено укрѣпленіе, получившее названіе *Новопетровскаго*, а Новоалександровское укрѣпленіе тогда же было упразднено [1]).

Возведенное на мысѣ Тюкъ-Караганъ укрѣпленіе одной стороной прилегало къ морю, а другой—къ степи, по которой отъ Мангышлака шла дорога на Хиву [2]). Видъ укрѣпленія съ этой стороны и нарисовалъ Т. Г. на прилагаемомъ рисункѣ. Пустыней вѣетъ отъ этого рисунка... Да пустыня, пустыня безжизненная—тутъ и была... Это была песчаная степь съ характерною своею растительностью: полынь, саксаулъ, солянка, верблюжья колючка—вотъ тѣ травы, которыя тутъ только и растутъ. Дѣйствительно это была *пустыннѣйшая пустыня*, какъ выразился о Новопетровскомъ укрѣпленіи ротный командиръ Т—са Гр—ча Косаревъ въ своемъ разсказѣ о возникновеніи этого укрѣпленія [3]).

Я имѣлъ возможность близко знать Ш—ка въ послѣдній годъ его жизни въ Петербургѣ. Въ первый разъ я увидѣлъ Т. Гр—ча, когда онъ пріѣхалъ весною 1858 г., изъ ссылки, въ Петербургъ. Пріѣхавъ сюда, онъ поселился въ квартирѣ у брата Мих. М—ча Л—аго, на Мойкѣ, въ домѣ графа Уварова. Въ этомъ-же домѣ жилъ и я, въ особой квартирѣ, рядомъ съ „музеемъ" гр. Уварова, такъ какъ и музей этотъ, и

---

[1]) *Топограф. и статист. описаніе восточнаго берега Каспійскаго моря, И. Ф. Бларамберга.* Записки Русск. Геогр. Общ., кн. IV, (Спб. 1850), стр. 104—105.

[2]) Ср. Кіевск. Стар. 1889 г., февраль, 299. Повидимому, Новопетровское укрѣпленіе описано здѣсь невѣрно, такъ какъ оно находилось на берегу моря, (а не въ трехъ верстахъ отъ него), что подтверждаетъ и командиръ роты, строившей это укрѣпленіе: „море съ одной стороны, а пустыннѣйшая пустыня—съ другой". Т. ж., мартъ, 570.

[3]) См. выше примѣч.

петербургская библіотека [1]) гр. А. С. Уварова находилась тогда въ моемъ *смотрительствѣ*. Живя съ младшимъ братомъ-студентомъ въ этой *музейной* квартирѣ, мы имѣли обѣдъ, или какъ говорятъ въ Кіевѣ—„столовались“, у М—ла М—ча. У него же обѣдалъ и Т. Гр—чъ. Каждый день за обѣдомъ сходились мы слѣдовательно съ Шевченкомъ и каждый день приходилось слушать намъ его одушевленную бесѣду, большею частью, впрочемъ, вертѣвшуюся на событіяхъ *дня*, на встрѣчахъ Ш—ка съ его старыми пріятелями и жалобахъ на постоянное пріобрѣтеніе новыхъ, спѣшившихъ знаменовать свое знакомство съ поэтомъ дорогими обѣдами у разныхъ Дононовъ. Въ это время ежедневно почти встрѣчался я съ Т. Г. до лѣта 1858 г., когда, по окончаніи университета, переселился, вмѣстѣ съ музеемъ и библіотекою гр. Уварова, въ Москву. Сколько помню, въ эти первые мѣсяцы петербургской своей жизни Т. Гр—чъ велъ жизнь довольно разсѣянную, чему главною причиною было, повидимому, *неимѣніе своего угла*. Совсѣмъ другую жизнь повелъ Т. Гр—чъ, когда переселился въ Академію Художествъ, гдѣ ему отведена была въ длинномъ корридорѣ большая комната (съ антресолемъ), при чемъ на дверяхъ этой комнаты поэтъ написалъ мѣломъ—крупныхъ размѣровъ монограмму—Ш. (понимай: Т. и Ш.). Въ Академіи Художествъ засталъ я Т. Г—ча въ 1860 г., когда вернулся въ Петербургъ. Тогда же и братъ Мих. М—чъ перемѣнилъ уваровскую свою квартиру и поселился въ пятой (кажется) линіи В. О—ва, въ домѣ Воронина, какъ разъ противъ Академіи Художествъ. Вотъ въ это время мы опять стали ежедневно сходиться съ Т. Г—чемъ за обѣдомъ у Мих. М—ча, у котораго „столовался“ и Т. Г—чъ, и я съ младшимъ братомъ-студентомъ. Помню хорошо это время, какъ бывало мы, съ младшимъ братомъ, голодные, ждали возвращенія старшаго брата со службы, чтобы приняться за ѣду... Вотъ въ эти моменты приходилъ къ обѣду и Т. Г—чъ.

---

[1]) Была у гр. А. С. Уварова и другая, отцовская библіотека, эта послѣдняя тогда находилась въ извѣстномъ его Порѣчьи.

Входилъ онъ въ комнаты, обыкновенно, распѣвая какую-нибудь пѣсню; чаще всего пѣлъ онъ въ это время:

По-надъ моремъ Дунаемъ
Витеръ яворъ хитае,
Витеръ яворъ хитае,
Маты сына пытае:
Ой сыну мій Иване,
Дитя мое кохане.
Якъ я тебе родыла
Свитомъ важко пудыла и т. д.

Возвращался со службы братъ и вслѣдъ, затѣмъ, вынималась изъ буфета водка; наливались двѣ рюмки, одна для хозяина, а другая для Т. Г—ча. Мы съ братомъ „столовались" *безъ водки*, что давало поводъ Т. Гр—чу, выпивая водку, замѣчать: „хто пье, той крывытся, а кому не дають, той дывытся" и при этомъ бросать лукавый взоръ на *дывящыхся*... Иногда Т. Г—чъ при этомъ предстательствовалъ за послѣднихъ и обращаясь къ хозяину, говорилъ: „слухай, Мыхайло,—нехай уже и хлопци выпьють по чарочци"... За обѣдомъ обыкновенно начиналась бесѣда, въ которой первенствовалъ поэтъ, благодушно доказывая, напр., что А. Гумбольдъ не болѣе, какъ придворный угодникъ и напрасно-де его такъ прославляютъ... Мы, „хлопци", начинали спорить, а этого, повидимому и хотѣлъ бывало Т. Г—чъ. Бесѣда оживлялась; „хлопци" возвышали голосъ, а Т. Г—чъ, благодушно улыбаясь, подзадоривалъ...

Очень нерѣдко Т. Г. приходилъ къ обѣду съ листкомъ бумаги въ рукѣ; это были какіе-нибудь новые его стихи, написанные на оборотѣ пробнаго его-же офорта. Вотъ этотъ листокъ отдавалъ онъ обыкновенно одному изъ „хлопцивъ" для переписки, оставляя имъ за трудъ свой автографъ. Большею частью Т. Г. отдавалъ при этомъ стихи для переписки младшему изъ „хлопцивъ", потому-ли что онъ яснѣе писалъ, или потому, что онъ былъ благодушнѣе—не знаю...

Много лѣтъ прошло со времени этихъ ежедневныхъ встрѣчъ съ поэтомъ, но у меня и до сихъ поръ сохранилась ясная па-

мять о тогдашнемъ благодушіи Т. Г., о его живости, о его любвеобиліи... Какъ то легко и свѣтло было впечатлѣніе отъ общенія съ этимъ человѣкомъ... Живой человѣкъ, а не мертвый — былъ Т. Г. Ш—ко!

Новопетровское укрѣпленіе въ 1858 г. было переименовано въ *Александровскій фортъ* [1]), ставшій впослѣдствіи административнымъ центромъ Мангышлакскаго уѣзда, въ которомъ и теперь осѣдлыхъ поселеній находится всего *два*: Александровскій фортъ да село Николаевское. Населеніе Ал—аго форта въ 1894 г., т. е. черезъ 50 лѣтъ послѣ его основанія, состояло только изъ 800 душъ.

Нарисовавъ Новопетровское укрѣпленіе „съ хивинской дороги", Т. Г-чъ нарисовалъ его и со стороны моря. Оба рисунка находятся въ богатой *Шевченковіанѣ* В. В. Тарновскаго; объ этихъ рисункахъ, повидимому, говоритъ Кулишъ въ 1857 г., въ письмѣ къ ихъ теперешнему владѣльцу, совѣтуя купить рисунки: „Тарасъ у Ныжнёму Н—ди... Прыславъ сюды 17 акварелей, котори представляють *уси тіи стороны, по которымъ винъ блукавъ невольныкомъ...* Душа Тарасова въ тыхъ выдахъ такъ и сыяе"... [2]) По словамъ В. В. Тарновскаго, рисунки эти тогда же были куплены его отцомъ и Г. П. Галаганомъ, пополамъ.

А. Л.

---

[1]) Г. Зарянко, записавшій воспоминанія Н. И. Усковой о Т. Г. Ш—кѣ, говоритъ, что Новопетровское укрѣпленіе, переименованное въ 1858 г. въ Александровскій фортъ, было въ 1865 г. упразднено и срыто... „К. Ст." 1889 г., февраль, 313. Очевидно, что это ошибка, основанная на какомъ-то невѣрномъ сообщеніи. Очень хорошій рисунокъ *Александровскаго форта* приложенъ къ книгѣ *Галкина — Этнографич. и Историч. матеріалы по Средней Азіи и Оренбургскому краю*. (Спб., 1868 г., стр. 50).

[2]) Кіевск. Стар. 1899 г., янв., 81.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письма К. И. Герна къ М. М. Лазаревскому о Шевченкѣ и Шевченка къ поэту Жуковскому и къ неизвѣстному [1]. *Письмо Герна.* «Общее горе сближаетъ людей! Я не считаю васъ чужимъ, мой добрый знакомый-незнакомецъ; какъ могу и насколько могу, исполню желаніе ваше о доставленіи свѣдѣній о времени бытности нашего дорогого покойника Тараса въ Оренбургскомъ краѣ. Такъ какъ свѣдѣнія эти предназначаются его друзьямъ, то, вѣроятно, за подробности на меня сердиты не будете. Многія изъ нихъ, безъ сомнѣнія, вамъ уже извѣстны изъ изустныхъ разсказовъ покойника.

---

[1] Перепечатывая настоящее письмо изъ Русск. Архива (1898 г., № 12, стр. 550—555), считаемъ нелишнимъ добавить, что хотя годъ въ этомъ письмѣ не означенъ, но несомнѣнно, что оно писано въ 1861 г., когда подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти поэта, друзья его начали заботиться о собраніи матеріаловъ для біографіи Т. Г. Шевченка. Какъ видно, тогда же обратился М. М. Лазаревскій къ полковнику К. И. Герну, служившему въ Оренбургѣ, съ просьбою сообщить, что̀ онъ знаетъ объ оренбургской жизни Ш—ка. Всѣ эти свѣдѣнія собирались для напечатанія ихъ въ издававшейся тогда *Основѣ*. Какимъ образомъ любопытный отвѣтъ Герна, заключающій въ себѣ, кромѣ того, такое интересное письмо Ш—ка къ поэту Жуковскому,—попалъ не въ Основу, а въ руки неизвѣстнаго намъ г. Терехова—объяснить не умѣемъ, зная всю ревность М. М. Лазаревскаго къ памяти дорогого ему поэта... Во всякомъ случаѣ нельзя не поблагодарить почтеннаго редактора Русскаго Архива за обнародованіе этихъ двухъ интересныхъ писемъ. Тутъ же скажемъ, что повторяющіеся и въ этомъ письмѣ свѣдѣнія о грубомъ отношеніи майора Мѣшкова къ Шевченку должны быть признаны крайне сомнительными. Напечатанныя въ этой же книжкѣ Кіевской Старины воспоминанія Ѳ. М. Л—аго заставляютъ думать, что сообщаемыя здѣсь подробности о „муштрѣ“ „бѣднаго Тараса“ созданы стоустою молвою... *Ред.*

Тарасъ прибылъ въ Оренбургъ лѣтомъ 1847 года, съ приказаніемъ назначить его на службу въ одну изъ отдаленныхъ крѣпостей; выбрали крѣпость Орскую, куда онъ тотчасъ же отправился. Первый сообщилъ мнѣ объ этомъ полусумашедшій нашъ начальникъ штаба Прибытковъ, у котораго, по болѣзни его, я занимался. «Вообразите себѣ, К. И., какого господина къ намъ сегодня прислали: ему запрещено и пѣть, и говорить, и еще что-то такое! Ну какъ же ему при этихъ условіяхъ можно жить?».

Хотя я впослѣдствіи узналъ, что запрещеніе касалось вовсе не пѣнія, но, сознавая, что *жить* дѣйствительно ему будетъ трудно, отправился къ добрѣйшему бригадному генералу, Логину Ивановичу Ѳедяеву, и вмѣстѣ съ нимъ настрочили посланіе къ командиру батальона, въ который назначенъ былъ Тарасъ, маіору Мѣшкову, прося его, чтобы онъ обратилъ особенное вниманіе на несчастнаго сосланнаго и помогалъ ему въ чемъ можетъ.

Мѣшковъ понялъ просьбу нашу по своему: принялся самолично, по нѣскольку часовъ въ день, мучить бѣднаго Тараса солдатскою выправкой, учебнымъ шагомъ въ три пріема и другими тонкостями строевой науки, выбиваясь изъ силъ, чтобы образовать изъ него хорошаго фронтовика. Пытка эта продолжалась до весны 1848 года, въ которую доброму Алексѣю Ивановичу Бутакову удалось прикомандировать Тараса къ командѣ, назначенной для плаванія по Уральскому морю.

Пробывши въ экспедиціи этой безъ малого три года, Тарасъ привезъ съ собою множество эскизовъ, снятыхъ имъ во время пути, степью и во время плаванія по морю, частью карандашемъ, частью же слегка тронуты акварельными красками, гдѣ понадобилось выразить особенности степнаго колорита. Онъ воротился уже не въ Орскую, а прямо въ Оренбургъ; жилъ сначала вмѣстѣ съ Бутаковымъ, и по отъѣздѣ Бутакова въ Петербургъ перешелъ жить ко мнѣ.

Что за чудная душа у этого Тараса! И померъ же! Видно, не стоимъ мы, поганцы, того, чтобы онъ жилъ между нами!

Живя у меня, онъ много рисовалъ, въ особенности портреты, и сдѣлалъ нѣсколько превосходныхъ пейзажей акварелью изъ привезенныхъ съ Аральскаго моря эскизовъ; началъ масляными красками писать портретъ мой и жены моей. Въ числѣ посѣтителей его довольно часто навѣщалъ Левицкій, съ которымъ они въ два голоса пѣли малороссійскія пѣсни. Кажется, братъ вашъ Ѳедоръ тоже принималъ

иногда участіе въ этихъ импровизированныхъ концертахъ; но я не слыхалъ ничего восхитительнѣе этого пѣнія.

Не долго утѣшались мы: опять подула на бѣднаго Тараса невзгода! Какой-то подлый человѣкъ написалъ губернатору доносъ о томъ, что Тарасъ рисуетъ. Предупрежденный друзьями, онъ успѣлъ скрыть слѣды рисованія, при чемъ мой несчастный портретъ былъ сожженъ; но доносъ этотъ имѣлъ два бѣдственныхъ послѣдствія: найдено было письмо Левицкаго, писанное въ весьма неосторожныхъ выраженіяхъ по которому бѣдный впослѣдствіи сильно пострадалъ, и самого Тараса опять перевели на Сыръ-Дарью, а потомъ въ Ново-Петровское укрѣпленіе на Мангишлакѣ. Много онъ тутъ перенесъ горя и скуки!... Сначала напуганное начальство строго смотрѣло за тѣмъ, чтобы онъ не писалъ и не рисовалъ; но потомъ строгости эти смягчились и, какъ мы узнали, онъ успѣлъ нѣсколько превосходныхъ акварельныхъ и рисованныхъ сепіей картинъ переслать въ Малороссію, откуда, по горячему сочувствію преданныхъ друзей, притекали къ нему и средства къ жизни. Онъ, впрочемъ, жилъ постоянно такъ скромно, что ему немного было надобно.

Оттуда я получилъ отъ него превосходный акварельный рисунокъ песчанаго бурьяна [1]) въ Мангишлакской пустынѣ, который храню, какъ единственную оставшуюся у меня дорогую память о покойномъ; всѣ бывшіе у меня на сохраненіи эскизы, бумаги и книжечку съ Малороссійскими его стихотвореніями я ему возвратилъ. Осталось только черновое письмо его къ Жуковскому, писанное въ весьма грустномъ расположеніи духа, предъ отправленіемъ въ Ново-Петровское укрѣпленіе. Въ концѣ письма я вамъ сниму копію съ этого документа, въ которомъ такъ рельефно выражено положеніе несчастнаго страдальца и сѣтованіе на К. П. Б. (вѣроятно Карла Павловича Брюлова).

У Тараса, въ веселую минуту, въ особенности послѣ стакана добраго вина, часто срывались съ языка идеи скептическія и неморальныя; но въ глубинѣ души, какъ истый поэтъ и артистъ, онъ былъ проникнутъ самымъ великимъ религіознымъ чувствомъ. Ему прислали изъ Малороссіи, не помню Репнина или Лизогубъ, переводъ Сперанскаго: «О подражаніи Христу». Превосходное твореніе это мы съ нимъ прочли и въ грустныя минуты часто къ нему прибѣгали; но кто-то его, къ большому горю нашему, у насъ похитилъ или зачиталъ.

---

1) Не бурана-ли? См. ниже, стр. 73. *Ред. К. Ст.*

Въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи Тарасъ попытался лѣпить. Первый опытъ были два барельефа: одинъ изображалъ внутренность киргизской кибитки, съ двумя сидячими фигурами, мужчиной и женщиной; другой—молящагося Спасителя; нѣсколько отливокъ этихъ барельефовъ онъ прислалъ Оренбургскимъ своимъ друзьямъ; а мнѣ—самыя формы ихъ. Къ сожалѣнію, я ихъ не взялъ съ собою въ Орду, а оставилъ у себя въ хуторѣ; а то бы можно было на память друзьямъ его отлить этихъ барельефовъ сколько угодно. Впрочемъ, время на это еще не ушло: когда-нибудь же Богъ дастъ мнѣ вернуться домой и вырваться изъ этой мертвой пустынной Орды, въ которую, вѣроятно, за какіе-нибудь тяжкіе грѣхи мои судьба меня засадила.

Предъ отправленіемъ въ Ново-Петровскъ, Тарасъ, сидя уже подъ арестомъ на гауптвахтѣ, узналъ о существованіи въ Оренбургѣ бѣднаго мѣщанина Хлѣбникова съ необыкновеннымъ дарованіемъ къ живописи; добрался до него, удостовѣрился въ дѣйствительно замѣчательныхъ способностяхъ этого молодого человѣка, и отъѣзжая передалъ его на мои руки. Къ сожалѣнію, мы могли помочь Хлѣбникову только матеріальными средствами: онъ впослѣдствіи былъ освобожденъ мѣщанскимъ обществомъ, сдѣланъ учителемъ рисованія въ уѣздномъ училищѣ и, съ горемъ пополамъ, существовалъ, поддерживая крайне бѣдное свое семейство. Во время послѣдней бытности моей въ Оренбургѣ, осенью прошлаго года, я видѣлъ Хлѣбникова и узналъ отъ него, что онъ успѣлъ, наконецъ, собрать нѣсколько деньжонокъ, чтобъ отправиться въ Петербургъ и тамъ, съ помощью Тараса, поступить въ Академію Художествъ. Засталъ ли бѣдный человѣкъ этотъ Тараса еще въ живыхъ и что̀ съ нимъ дѣлается, и какъ онъ успѣлъ себя пристроить, я не знаю, потому что не получилъ отъ него обѣщаннаго письма изъ Петербурга. Если онъ у васъ не былъ, то отыщите его пожалуйста. Могу васъ увѣрить, что покойникъ принималъ въ немъ самое искреннее участіе и, помогая этому несчастному бѣдняку, мы исполнимъ завѣтную мысль Тараса, и онъ намъ за это съ того свѣта спасибо скажетъ. Вы и мнѣ дайте возможность участвовать въ этомъ добромъ дѣлѣ.

Теперь спишу вамъ письмо Тараса къ Жуковскому (покойному знаменитому поэту нашему); оно было писано въ то время, когда Жуковскій находился въ Женевѣ, чуть ли не вскорѣ послѣ женитьбы его на m—lle Reitern. (Тарасъ въ это время по доносу, о которомъ сказалъ выше, сидѣлъ на гауптвахтѣ).

„Я три года крѣпился, не осмѣливался васъ безпокоить; но мѣра моего крѣпленія лопается, и я въ самой крайности прибѣгаю къ вамъ, великодушный благодѣтель мой. Я писалъ еще въ первый годъ моего изгнанія К. П. Б., и никакого результата; бѣдный онъ великій человѣкъ! При всей своей великости, самой малости не хочетъ сдѣлать; говорю не хочетъ, потому что онъ можетъ; позволяю себѣ думать и первое добро (написаніе вашего портрета) было сдѣлано случайно. (Простите мнѣ подобное нареканіе на великаго человѣка. Печально, что съ великимъ геніемъ не соединена великая разумная добродѣтель).

Былъ я по долгу службы въ Киргизской степи и на Аральскомъ морѣ, при описной экспедиціи, два лѣта; видѣлъ много оригинальнаго, еще нигдѣ невиданнаго, и больно мнѣ, что ничего не могъ нарисовать, потому что мнѣ рисовать запрещено. Это самое большое изъ всѣхъ моихъ несчастій! Сжальтесь надо мною! Исходатайствуйте (вы многое можете!) позволеніе мнѣ только рисовать—больше ничего и надѣяться не могу и не прошу больше ничего.—Сжальтесь надо мной! Оживите мою убогую, слабую, убитую душу! Ежели вы (въ чемъ я не сомнѣваюсь) напишете графу Орлову, или кому найдете лучше, то, Богъ милостивъ, и я взгляну на Божій свѣтъ, хотя передъ смертью, потому что казарменная жизнь и скорбутъ разрушили мое здоровье.—Да, я теперь могъ бы описать бытъ русскаго солдата не хуже всякаго нравоописателя. Печальный бытъ!.. Что дѣлать?... Таковы люди вообще, а наши особливо. И скорбутъ, и казарменная жизнь совершенно разрушили мое здоровье. Для меня необходима была-бы перемѣна климата; но я на это не долженъ надѣяться: рядовыхъ таких, какъ я, не переводятъ. Мнѣ бы хотѣлось въ кавказскій корпусъ, и врачи тоже совѣтуютъ; а меня посылаютъ опять въ Сыръ-Дарью, потому только, что тамъ расположенъ баталіонъ, въ которомъ я записанъ. Для моего здоровья этотъ походъ самый убійственный: новыя укрѣпленія еще не совсѣмъ устроенныя, плохая вода и жизнь самая однообразная. Еслибъ можно было рисовать, я могъ бы ее разнообразить, хоть самому грустно. Бога ради и ради прекраснаго искусства сдѣлайте доброе дѣло, не дайте мнѣ съ тоски умереть! Я постараюсь, ежели мнѣ будетъ позволено, нарисовать для васъ все, что̀ есть интереснаго въ этомъ неинтересномъ, но пока таинственномъ краѣ. Тарасъ».

Тутъ же другое черновое письмо—почти того же содержанія—писанное, какъ мнѣ кажется, другому лицу, потому что общій коло-

ритъ его церемоннѣе и лицо это титулуется: ваше пр—во! Къ тому же въ немъ ссылается на авторитетъ А. И. Бутакова; стало быть лицо это, въ то время, было въ Петербургѣ. Надѣюсь не надоѣмъ вамъ, списавши вамъ и съ этого письма копію, не смотря на то, что оно почти повтореніе прежняго.

«Я не умѣлъ воспользоваться вашимъ благодѣяніемъ. Сдѣлавъ слабые успѣхи въ Академіи Художествъ, былъ я выпущенъ съ аттестатомъ на званіе художника—не больше—и отправленъ на службу въ Кіевъ, гдѣ предложили мнѣ мѣсто рисовальнаго учителя при университетѣ. Недолго пробылъ я въ Кіевѣ. Въ припадкѣ сумасшествія написалъ я пасквиль и, въ 1847 году, былъ сосланъ въ солдаты, въ Оренбургскій край, съ запрещеніемъ писать стихи и рисовать, что-бы то ни было. Мнѣ грѣхъ бы было, облагодѣтельствованному такъ великодушно вами, вновь васъ безпокоить, но несчастія мои переходятъ всякую мѣру. Я уже третій годъ, вооружаясь терпѣніемъ, живу самою бѣдною жизнью, бывалъ въ Киргизской степи и былъ два лѣта на Аральскомъ морѣ при описной экспедиціи; видѣлъ много новаго, оригинальнаго, еще невиданнаго въ Европѣ и ничего не могъ нарисовать, потому что мнѣ рисовать запрещено. Это самое большое изъ моихъ несчастій! Умоляю васъ, сжальтесь надо мною, исходатайствуйте мнѣ позволеніе. Вы это можете—только рисовать! Оживите меня убитаго. Напишите графу Орлову обо мнѣ или кому вы найдете лучше; авось Богъ милостивъ, и взгляну на Божій свѣтъ! Походъ въ Киргизскую степь и двухлѣтнее плаваніе по Аральскому морю даютъ мнѣ смѣлость вторично безпокоить ваше превосходительство моею просьбою. Я вполнѣ сознаю мое преступленіе и отъ души раскаиваюсь. Командиръ мой А. И. Б., ежедневный свидѣтель моего поведенія въ продолженіе двухъ лѣтъ, подтвердитъ истину словъ моихъ, ежели будетъ угодно вашему пр—ву спросить у него. Я прошу милостиваго ходатайства вашего предъ всемилостивѣйшимъ Государемъ нашимъ, прошу одной великой милости: позволенія рисовать портреты и пейзажи. Я въ жизни не рисовалъ ничего преступнаго, свидѣтельствуюсь Богомъ. Умоляю васъ! Вы, какъ слѣпому, раскроете глаза и оживите меня, упавшаго духомъ. Лита (лѣта) и мое здоровье, разрушенное скорбутомъ въ Оренбургскомъ краѣ, не позволяютъ мнѣ надѣяться на военную службу. Прошу васъ принять, хотя малѣйшее участіе въ судьбѣ моей, и Богъ васъ наградитъ за доброе дѣло. Возлагающій единственную надежду на Бога и на ваше прев—во: Т.»

Оканчиваю письмо это, *мой добрый Михаилъ Матвѣевичъ*, одною меня всегда поражавшею странностію. Вы повѣрите, что Тарасъ былъ со мною совершенно откровененъ; разсказывая о происшествіи, погубившемъ его, онъ подтверждалъ тоже, что написано въ сообщенныхъ мною письмахъ, т.-е., что онъ однажды, подкутивши порядкомъ въ пріятельской компаніи, написалъ пасквильные стихи, которые сознавалъ до того глупыми и мерзкими (какъ покойникъ самъ, въ бѣшенствѣ при воспоминаніи объ этомъ происшествіи, *выражался*), что никакъ не хотѣлъ сообщить мнѣ ихъ; да можетъ и дѣйствительно онъ ихъ уже *не помнилъ*. Это *единственный* его проступокъ. Самъ покойный Императоръ не признавалъ его черезчуръ важнымъ, потому что разжалованіе Тараса послѣдовало *«до отличной выслуги»*. Между тѣмъ покойный графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, на котораго мы такъ много надѣялись за Тараса, при назначеніи его къ намъ генералъ-губернаторомъ, рѣшительно отказался отъ всякаго къ нему участія. Между тѣмъ, графъ былъ человѣкъ истинно-великодушный и съ ангельски-добрымъ сердцемъ. Когда я ему показалъ подаренный мнѣ Тарасомъ рисунокъ «буранъ», то онъ мнѣ, между прочимъ, сказалъ: «Мнѣ Чернышевъ (художникъ) еще въ Петербургѣ говорилъ о Шевченкѣ, и я готовъ былъ сдѣлать для него все, что можно— попросилъ для этого у Дуббельта подлинное о немъ дѣло, прочелъ его самъ отъ доски до доски и убѣдился только въ томъ, что мнѣ за него вступиться и просить объ немъ Государя нельзя! И васъ прошу впередъ меня никогда ни о чемъ до него касающемся не просить; я уже это и Глѣбову, и Середѣ, и Павлову сказалъ».

Отчего такая немилость и въ какой степени искажено дѣло о Тарасѣ, я узнать не могъ. К. Гернъ. 12 апрѣля».

Колядки на Подоліи. Въ послѣднемъ номерѣ Под. Еп. Вѣд за 1898 г. (№ 51—52) помѣщена статья уважаемаго ихъ редактора— *Рождественскія колядки*, указывающая на всестороннее знакомство автора съ религіозно-бытовою жизнію подольскаго народа. Приводимъ здѣсь эту статью съ нѣкоторыми сокращеніями.

«Было время, когда въ нашемъ краѣ, особенно во время уніи колядки имѣли за собою даже церковную санкцію. Такъ, въ день

праздника Рождества Христова, по окончаніи вечерни, всѣ присутствующіе въ храмѣ здѣсь же, въ присутствіи священника, подъ руководствомъ своего приходского дьячка—«регентого», пѣли одну или двѣ колядки, а затѣмъ уже выходили изъ храма, дабы исполнить священную миссію—возвѣстить о Рождествѣ Спасителя и прославить Его воплощеніе во всѣхъ дворахъ и домахъ родного села, начиная съ дома священника. Обычай колядовать въ церкви давно уже превратился, но для частныхъ домовъ онъ сохраняется и поднесь. Колядують и старики, и молодые, особенно паробки и дѣти, а въ послѣднее время попреимуществу дѣти-школьники. Для колядниковъ народъ нашъ заблаговременно заготовляетъ хлѣбъ, калачъ, «трояка» ($1^1/_2$ к.), «чворака» (2 к.), иногда «шистку» (3 к.), и даже «десятку» (5 к.). Въ тѣхъ приходахъ, гдѣ есть костелъ и гдѣ контингентъ католиковъ довольно значителенъ, колядники дѣлятся на «нашихъ-русскихъ» и «польскихъ». И тѣ, и другіе никогда не ограничиваются исключительно домами единовѣрцевъ, но «польскіе» считаютъ долгомъ зайти къ священнику и его паствѣ, а «русскіе» идутъ къ ксендзу и его словеснымъ овцамъ; такимъ образомъ, и тѣ, и другіе обходятъ все село, собирая трояки и хлѣбъ, какъ для церкви, такъ и для костела. Въ настоящее время, при развитіи и процвѣтаніи церковно-приходской школы, порядокъ колядъ нѣсколько измѣнился. Теперь кое-гдѣ колядники, придя въ хату, прежде всего пропоютъ тропарь, а иногда и кондакъ празднику Рождества Христова, а затѣмъ уже распѣваютъ общеизвѣстныя, но въ каждомъ селѣ на разные лады варіируемыя, колядки.

Во многихъ колядкахъ, особенно распѣваемыхъ крестьянскими дѣтьми по вечерамъ святокъ подъ окнами сосѣдей, сохранилось много остатковъ отъ временъ язычества. Но колядки эти, какъ большею частью непонятныя теперь пѣвцамъ, забываются и исчезаютъ. Гораздо важнѣе колядки, содержащія въ себѣ догматическія и нравственно-религіозныя истины: онѣ также имѣютъ за собою глубокую древность, такъ какъ явились въ южной Россіи до уніи, какъ нѣкоторые справедливо полагаютъ. Многія изъ этихъ колядокъ внесены въ такъ называемые «Богогласники» или «Сборники благоговѣйныхъ пѣсенъ». Изъ старыхъ изданій этого рода извѣстны почаевскіе Богогласники 1790, 1806 и 1825 годовъ. Хотя эти Богогласники изданы базиліанами (т. е. уніатскими монахами чина св. Василія Великаго, коимъ принадлежала Почаевская лавра въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ

нынѣшняго до 1839 г.), но несомнѣнно, что издатели внесли сюда много старыхъ колядъ, употреблявшихся въ православномъ народѣ. Въ Богогласникѣ 1806 г., озаглавленномъ такъ: «Пѣсни благоговѣйныя, въ кратцѣ собранныя», — находимъ 3 колядки; въ Богогласникѣ 1825 г. (заглавіе его такое: «Богогласникъ, пѣсни благоговѣйныя... содержащъ, собранъ, по силѣ исправленъ... типомъ и чертами мусикійскими напечатася и изобразися») находимъ 28 колядокъ, изъ нихъ 14 пѣсенъ на русскомъ языкѣ и 5 на польскомъ и, кромѣ того, 9 «иныхъ пѣсенъ на Рождество Іисуса Христово, вмѣсто небогоугодныхъ обычныхъ колядъ простшимъ пѣвцемъ служащихъ». Нѣкоторыя изъ этихъ колядъ, въ числѣ 13, помѣщены въ новѣйшемъ Богогласникѣ 1885 г., изданномъ въ г. Кіевѣ Холмскимъ Православнымъ Братствомъ [1]).

Помѣщенныя въ различныхъ Богогласникахъ пѣсни и коляды на Рождество Христово положены на ноты, въ старинныхъ — на квадратныя, какъ въ обиходахъ, а въ новѣйшемъ Холмскомъ — на ноты итальянскія. Мелодіи ихъ просты и болѣе или менѣе подходятъ къ церковнымъ напѣвамъ. Въ Холмскомъ Богогласникѣ эти колядки прекрасно гармонизованы на три голоса, но, къ сожалѣнію, нѣкоторыя въ очень широкомъ регистрѣ. Всѣ онѣ заимствованы изъ стараго Богогласника Почаевскаго 1825 года; многія изъ нихъ поются и у насъ, таковы: «Небо и земля нынѣ торжествуютъ», «Вселенная веселися, Богъ отъ Дѣвы днесь родися», «Дивная новина: нынѣ Дѣва (Панна) Сына породила въ Виѳлеемѣ Марія едина», «Даръ нынѣ пребогатый отъ небесъ пріиде», «Новая радость стала» и другія. Въ наше время, когда во всякой почти деревушкѣ есть хотя маленькій хоръ, когда всякій учитель церковно-приходской школы въ большей или меньшей степени знаетъ пѣніе, распространеніе Холмскаго Богогласника и возможно, и желательно [2]). Если же гдѣ можно достать старые Богогласники, то и ими можно пользоваться какъ матеріаломъ. Хотя тѣ Рождественскія пѣсни и колядки, которыя находятся въ старыхъ Богогласникахъ, не гармонизованы, но молитвы ихъ такъ просты, что всякій мало-мальски знакомый съ пѣніемъ сумѣетъ разучить ихъ по крайней мѣрѣ на два голоса. Къ таковымъ можно отнести помѣщенныя въ Богогласникѣ 1806 года: «Днесь вси

---

[1]) Хотя этотъ *Богогласникъ* изданъ въ Кіевѣ (печатанъ въ Лаврѣ), но достать его здѣсь болѣе чѣмъ трудно; видимо, что все изданіе вывезено въ Холмщину. Холмскаго богогласника было нѣсколько изданій. Намъ извѣстно 4-ое его изданіе, 1889 г., въ 16-ю д. л. 126 стр. *Ред. К. Ст.*

[2]) Вполнѣ присоединяемся къ этому желанію. *Ред. К. Ст.*

возиграйте, въ длани восплещайте, въ день сей превеликій, радостенъ толикій; се бо Творецъ всего свѣта, пришелъ въ послѣднія лѣта, изволи плоть воспріяти и съ нами обитати на земли»; а также, «Радость ся намъ зъявляетъ, Дѣва Сына раждаетъ, небеса поютъ, ангели ся удивляютъ, пастыріе поклонъ даютъ Нарожденному».

Колядки служатъ прекраснымъ средствомъ къ удержанію народа отъ различныхъ неблаговидныхъ праздничныхъ развлеченій. Такъ смотрѣли на это дѣло, между прочимъ, и издатели Богогласниковъ, гдѣ помѣщены и колядки. Въ предисловіи къ одному изъ Богогласниковъ (1825 г.) говорится, что побужденіями къ изданію его послужили слѣдующія соображенія: «Понеже многія въ честь Всемогущаго Бога, Пречистой Богоматери и св. Его угодниковъ отъ различныхъ стихотворцевъ и пѣснописцевъ искони сочиненныя пѣсни, иныя вправду худо и неискусно составлены быша, того ради весьма отриновенныя явишася»; другія же «аще искуснѣ и мудрѣ составишася, но не бѣ мощно увѣдати приличнаго имъ гласа»; третьи «егда писменемъ отъ единаго другому пѣвцу предаватися начаша, чрезъ ненаказанныхъ пѣвцевъ тако повредишася, яко не токмо стихи ихъ слоговъ, но ниже удобна разумѣнія своего возъимѣша»; поэтому эти пѣсни предлагаются благоговѣйнымъ пѣвцамъ, «аки снѣдь иными смаками (вкусомъ) утворенная и на ново пріуготованная», дабы, расиространяясь чрезъ означенныхъ благоговѣйныхъ пѣвцовъ въ народѣ, онѣ принесли послѣднему несомнѣнную и превеликую пользу: «яко пѣснопѣнія ради мнози могутъ убѣжати тщетныя праздности, изволяюще паче сему присутствовати, нежели скверныимъ игралищамъ, баснемъ, смѣхотвореніямъ, плясаніямъ, піятикамъ и иныхъ непреподобнымъ дѣломъ». Далѣе, эти благоговѣйныя пѣсни и коляды «отженутъ тлетворное сѣтованіе, тугу, горесть опечаленнаго сердца», вызовутъ, наоборотъ, «умиленіе душа, сокрушеніе сердечное и возникновеніе ко исправленію житія воспріимутъ». Таковы были задачи и цѣли изданія Богогласниковъ. «Народъ Холмскаго края», говорится въ новѣйшемъ Богогласникѣ, изданномъ Холмскимъ Православнымъ Братствомъ въ 1885 году, «не забылъ о Богогласникѣ, и изъ всего содержанія его особенно сохранилъ въ памяти даже до настоящаго времени пѣсни на Рождество Христово подъ именемъ колядъ: народъ здѣшняго края любитъ и потому поетъ эти набожныя пѣсни, написанныя простымъ языкомъ и заключающія въ себѣ высокія мысли, благочестивыя чувствованія и историческія указанія».

Подольскій народъ поетъ много и такихъ колядокъ, которыхъ нѣтъ въ Богогласникахъ. Составлены онѣ, по всей вѣроятности, древними дьячками. Приведемъ двѣ изъ такихъ колядокъ, насколько позволитъ намъ наша память.

1) Днесь поюще, купно и играймо,
Царя нарожденна вси восхваляймо,
Поюще и чтуще, слава во вышнихъ глаголюще.
Егда Іосифъ обрученъ бысть Дѣвѣ,
Услыхалъ онъ отъ Ангела жива:
«Пойми Отроча и Матерь Его,
Бѣги, бѣги во Египетъ отъ проклятаго»!
Царь на осляти въ Египетъ ступаетъ,
Иродъ войско свое розсылаетъ,
Былъ бы убіенъ Царь нарожденъ,
Отъ Маріи Дѣвы днесь воплощенъ.
2) Крикните, ангели, на небеси согласно,
Людіе же на земли пойте пѣсни прекрасно!
Царіе! царіе! вдарьте во струны,
Возыграйте, князіе, во трубы!
Христосъ раждается, славите!
Языци разумѣйте: Яко съ нами Богъ
Яко съ нами Богъ!
Пастыріе бѣжатъ скочно одинъ ко другому;
Взявши цѣла барана, несутъ Рожденному.
Царіе, царіе и т. д.
Пастыріе взыграли Царю во кимвалы,
Князіе же отъ востокъ кланяются со дары.
Царіе, царіе и т. д.
Возьми гусли, Давиде, возыграй, пророче,
Яко если возгравалъ, скачущъ при кивотѣ.
Царіе, царіе, т. д.

Мы записали ихъ такъ, какъ слышали отъ товарищей-семинаристовъ. Въ былое время, начиная съ праздника Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы, воспитанники семинаріи въ часы, свободные отъ занятій. а то и предъ уроками, до прихода въ классъ наставника, пѣли колядки общимъ хоромъ и знакомили другъ друга съ такими колядками, какія употребительны въ различныхъ мѣстностяхъ Подоліи.

Колядки послѣ пѣнія ихъ, заканчиваются обыкновенно слѣдующимъ «повиншуваньемъ», слышаннымъ нами въ дѣтствѣ: «Виншуемо васъ (отъ слова «вѣнецъ»?), пане господарю, тыми святкамы, Рождествомъ Хрыстовымъ, а Богъ виншуе счастьемъ, здоровьемъ, щобъ тіи святки счастлыво опровадыты, та съ жинкою, съ диточкамы и зо всею родыною (родственниками) дождаты до Нового року, отъ Нового року до Богоявленія (дальше по желанію поздравителя перечисляются важнѣйшіе праздники), до ста литъ, доки Богъ назначывъ викъ!.. Дай Боже!». Поздравленіе произноситъ обыкновенно одинъ головщикъ, или запѣвало, скороговоркою, а послѣднія два слова: «дай Боже!» —подхватываютъ всѣ хоромъ, съ сильнымъ удареніемъ и протяженіемъ послѣдняго слога».

Письмо Н. А. Маркевича (историка) къ Г. П. Галагану 1857 г. [1]. «Двадцать девятаго, на разсвѣтѣ, вышли мы изъ вагона въ Краковѣ и только еще завтра выѣдемъ въ Вѣну, милый другъ и братъ Григорій Павловичъ. Болѣзнь не болѣзнь, а обыкновеніе, дамскіе капризы, ущербъ луны насъ удержалъ. Видѣли мы Дитля; я ему отдалъ рекомендательное письмо Цыцурина; онъ меня принялъ съ распростертыми объятіями. Оправдываетъ Неаполь, предпочитаетъ Ниццу и Флоренцію для меня; но я сказалъ, что въ Ниццѣ дорого, во Флоренціи скучно; онъ повторилъ, что и въ Неаполѣ будетъ весьма полезно для меня; но чтобъ я не купался ни въ заливѣ, ни на Искіѣ въ знаменитомъ Чвжара, передѣланномъ итальянцами изъ источника Цичерскаго.

Въ Лембергѣ я познакомился съ Головацкимъ и его женою, которая говоритъ по малороссійски; но это Яковъ Ѳедоровичъ [2]), а ли-

---

[1]) Печатаемое здѣсь письмо взято изъ бумагъ Г. П. Галагана, хранящихся въ *Коллегіи Павла Г—на*, съ любезнаго разрѣшенія ея директора А. І. Степовича, нашего многоуважаемаго сотрудника. Въ составѣ этихъ бумагъ значительную часть составляетъ частная переписка Г. П. Галагана съ его сосѣдями (т. е. собственно—письма послѣднихъ). Надѣемся въ ближайшемъ будущемъ помѣстить на страницахъ нашего журнала рядъ *выбранныхъ* отсюда писемъ. *Ред.*

[2]) Як. Фед. Головацкій, собравшій „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси" (4 тома), род 1814, ум. 1888 г.

тераторъ Иванъ Ѳедоровичъ, его братъ, живетъ въ Вѣнѣ, и я тамъ поищу его съ визитнымъ билетомъ Якова Ѳедоровича. Билетъ печатанъ русскимъ шрифтомъ.

Въ Лембергѣ купилъ *Полярную Звѣзду* Искандера, печатанную въ Лондонѣ. Уморительно, иногда ѣдко, умно, смѣшно, иногда изъ рукъ вонъ глупо.

Разговоръ съ хорошенькой Климентиной, которая сметаетъ со стола и не даетъ мнѣ писать, прервалъ это письмо на минуту, я ей сказалъ: «якъ былемъ млодъ, кохалемъ польки бо пѣнкны сонъ».

Обращаюсь къ Лембергу.

Былъ ли ты въ немъ? Какая дивная гора надъ нимъ. Она напоминала мнѣ «Страшную Месть» Гоголя. Какъ дивны бываютъ формы горъ, сколько въ нихъ фантастическаго! Гора *Буіра* на Волыни, *Лемберіская* надъ Лембергомъ и *Бабы* подъ Краковомъ—такія странныя впечатлѣнія производятъ, что народъ не можетъ не сложить на нихъ легенды.

Какъ удачно я ѣду. Въ Лембергѣ попалъ на гулянье съ оркестромъ; здѣсь на ярмонку и на праздникъ въ Величкѣ. Вчера я былъ въ шахтѣ величкинской; я не спускался ниже ста саженъ подъ землю; потомъ возвратился въ залу, которая ниже поверхности земной саженъ на 50; тамъ при освѣщеніи люстрами и канделябрами, передъ императорскимъ вензелемъ прозрачнымъ и иллюминованнымъ, подъ звукъ прекраснаго оркестра, танцовало паръ сто французскій кадриль. Представь танцы въ царствѣ мертвыхъ! Балъ ниже, нежели зарытые земные мертвецы! Какая страшная идея.

Но какъ я не въ силахъ всходить 669 ступней вверхъ, то меня краковьяковъ пара взнесли на рукахъ, въ сопровожденіи Julie, Зосима и двухъ лембергскихъ дамъ, съ которыми я подъ землею познакомился. Сегодня профессоръ словесности при здѣшнемъ университетѣ, ведетъ меня показывать университетскую библіотеку, въ качествѣ verschiedenen kaiserlichen russischen wissenschafften и пр. Фамилія профессора Aubertin, какъ жаль что не Chambertin...

Третьяго дня я осматривалъ замокъ и соборъ. Дивная, благородная масса стѣнъ, вышекъ (?), башенъ, остроконечныхъ кровель, шпилей слѣпленныхъ вмѣстѣ. Тысячи амбразуръ глядятъ на неизмѣримую даль. Внизу текутъ Вейхсель и Рудава; далѣе видна лента быстрой Вислы, еще далѣе холмы Кракуса, Ванды и Косціюшки; даль оканчивается синею зубчатою полосою горъ—это Карпаты.

Статуи Торвальдсена и Кановы; гробы Собѣсскаго, Стефана Баторі и Болеслава, Ягелла, Казиміра Великаго, Ядвиги—все мнѣ было показано, и я даже спускался въ склепъ, гдѣ они лежатъ.

Храмъ Notre Dame de Cracovie приводилъ меня въ восторгъ своими разноцвѣтными окнами. Городъ исполненный поэтическихъ, грустныхъ воспоминаній о героахъ, которыхъ уже нѣтъ, о сильномъ государствѣ, которое анатомическимъ ножемъ своимъ разсѣкла Катенька на трое.

Только что возвратился я изъ библіотеки учрежденной Ягеллономъ. Что за зданіе внутри! Должно отдать честь нынѣшнему правительству, оно дорожитъ древностями. Теперь возобновляютъ эти дивныя черепичныя и цинковыя кровли, эти готическія висящія бесѣдки и каѳедры въ дворѣ, эти балконы, сплошные вокругъ всего дома съ готическими перилами и мраморны въ залахъ; потомъ показывали мнѣ автографы всѣхъ польскихъ знаменитостей; громадную рукопись польскаго Фауста—Твардовскаго, скипетры кардиналовъ и ректоровъ и кумиръ Святовида.

Кончили тѣмъ, что пропѣли:

Dignus, dignus est intrare,
In nostro docto corpore—

и избрали меня членомъ Краковскаго Общества Наукъ.

Дорога на меня вообще дѣйствуетъ весьма благодѣтельно. Но съ пріѣзда въ Краковъ погода перемѣнилась; сырость въ воздухѣ, туманы и мелкій дождь меня заставляютъ страдать. Впрочемъ тепло. Сегодня я ходилъ по городу въ одномъ пальто.

Julie [1]) здорова и цѣлуетъ Васъ.

Мих. Владиміровичу, Павлу Ив. (Гессе) Дарьѣ Алексѣевнѣ (его женѣ), Семену, Ребиндеру, наконецъ всѣмъ поклонись отъ меня; кузинѣ ручку поцѣлуй. Тебя и Павлуся цѣлую. Твой братъ и другъ N. Маркевичъ. 2/14 октября, 1857. Краковъ.

Къ исторіи Мазепинаго замысла. Какъ велъ себя народъ послѣ того, какъ Мазепа былъ объявленъ въ царскихъ граматахъ измѣнникомъ и пока шведы вмѣстѣ съ нимъ оставались въ Малороссіи,—объ этомъ свѣдѣній сохранилось очень мало. Мы уже имѣли случай говорить, что открытое участіе въ «измѣнѣ» Мазепы приняло

---

[1]) Жена А. Н. М—ча.

лишь Запорожье и отчасти—сосѣднее съ нимъ населеніе по-орельскихъ городковъ (К. Стар. 1898 г., іюнь, 403). Въ другихъ мѣстахъ Малороссіи народъ въ совершавшихся событіяхъ видѣлъ лишь старшинскую затѣю, которою тутъ же пожелалъ воспользоваться, какъ воспользовался онъ прежде смутами, возникшими вслѣдъ за избраніемъ сначала Брюховецкаго, а потомъ Мазепы въ 1687 г. Какъ тогда, такъ и теперь народъ попробовалъ—«рабовать» (расхищать) старшинское имущество. Печатаемая здѣсь просьба лубенскаго полкового есаула Андрея Петровскаго, поданная гетману въ апрѣлѣ 1710 г., (какъ видно изъ канцелярской помѣты на ней), указываетъ—какъ народъ спѣшилъ воспользоваться моментомъ, чтобы поживиться на счетъ старшинскаго имущества и какъ старшина съумѣла тутъ же извлечь пользу изъ дерзости «подданныхъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ наказать послѣднихъ. Во всякомъ случаѣ, печатаемый здѣсь документъ служитъ ***новымъ фактомъ*** для освѣщенія того участія, которое народъ принималъ въ замыслѣ Мазепы.

А. Л.

Ясневелможный мосцѣ пане гетмане, велце мой милостивий пане, пане и великий добродѣю.

Любо одержалемъ по милости рейментарской поважный велможности вашей унѣверсалъ, чтобы на которихъ доведется порабоване моей худоби, мнѣ ворочали, однакъ панѣ Новицкая [1]) подданихъ своихъ снѣтинцювъ [2]), много худоби моей порабовавшихъ, не видаетъ и унѣверсалу велможности вашей не слухаючи, а сама за едни лѣски свои, которіи утѣкаючи и криючись отъ неприятеля люде рубали, по килканадцять сотъ з людей зодрала. Такъ же и Балаклѣецъ на поважный указъ велможности вашой, моей не поворочалъ худоби; а Малишъ лукомский и Александръ, черевкувский поповичъ, не тилко мои добра рабовали, але еще и жону мою поймавши, водили и въ неволю цѣле хотѣли запродати, если бы отъ ныхъ, за упрошенемъ священника городисского зъ иншими людми, не откупилася. Упадши прето до стопи ногъ рейментарскихъ вашой панской велможности, прошу на такихъ моихъ упорчивихъ и унѣверсалу велможности вашой не слухаючихъ людей или рачей рабовниковъ, зослати отъ боку

---

[1]) Разумѣется, конечно, вдова охочеком. полковника Ильи Новицкаго Меланья Васильевна. См. Кіевск. Ст. 1885 г., іюль 457.

[2]) Жители М. Снѣтина Лубенск. у.

своего панского якого особу, которій бы моглъ мнѣ зъ оныхъ учинити справедливость. О якую рейментарскую велможности вашой милость и паки покорственнѣ прося, до стопи ногъ рейментарскихъ упадаю. Вашой панской велможности нижайшій слуга Андрей Петровскій, асаулъ полковий лубенскій.

Гдѣ теперь находится могила Кочубея и Искры? Такой вопросъ былъ поставленъ нашимъ сотрудникомъ г. А. Л. въ замѣткѣ, напечатанной въ 7-й книжкѣ К.-Ст. за прошлый годъ. На этотъ вопросъ даетъ теперь (Кіевск. Слово, № 3950) отвѣтъ г. Эртель.

...«Посѣтивъ года два тому назадъ лавру, говоритъ авторъ замѣтки, г. А. Л., и проходя мимо новаго зданія братской трапезы, мы замѣтили, что могилы «двухъ страдальцевъ» на прежнемъ мѣстѣ нѣтъ. Повидимому, стѣна вновь воздвигнутаго зданія должна была тронуть ихъ могилу. Посѣтивъ вновь лавру этою весною, мы увидѣли около могилы Фролова (бывшей рядомъ съ могилою Кочубея и Искры), за тою же рѣшеткою еще и новую чугунную плиту, съ вылитою надписью: «Кто еси мимо грядый» и т. д.—Перенесенъ ли на новое мѣсто и прахъ «страдальцевъ», неизвѣстно. «Впрочемъ, заканчиваетъ А. Л., можетъ быть этого праха уже и слѣдовъ не осталось»!

Почему-то до сихъ поръ никто не трудился узнать и сообщить, что случилось съ могилой и прахомъ Искры и Кочубея.

Считая такой пробѣлъ существенно важнымъ, я обращаю вниманіе всѣхъ интересующихся этимъ вопросомъ на нижеслѣдующее разъясненіе, заключающее въ себѣ одни голые факты.

Реставрація трапезы была вызвана крайней необходимостью, въ виду неудобства, тѣсноты и, пожалуй, антигигіеничности стараго зданія. Поэтому рѣшено было построить новое зданіе съ церковью по новому плану, которое было-бы шире и длиннѣе прежняго. При выполненіи новаго плана оказалось, что канава для фундамента наткнулась какъ разъ на поперечную стѣну склепа, находившагося подъ плитой съ вышеприведеннымъ десятистишіемъ. Когда въ стѣнкѣ склепа было слѣлано отверстіе, позволившее осмотрѣть его внутренность, то въ склепѣ оказались два костяка, лежавшіе рядомъ и въ полномъ порядкѣ.

Такъ какъ этотъ фактъ давалъ полное основаніе думать, что найденный склепъ принадлежитъ именно Кочубею и Искрѣ, то строители порѣшили *включить склепъ въ стѣну новой* трапезной, примкнувъ новую кладку вплотную къ его боковымъ стѣнкамъ, а черезъ верхнюю—пройдя аркой.

Такимъ образомъ, могила Кочубея и Искры осталась на своемъ прежнемъ мѣстѣ, съ той только разницей, что теперь она находится уже не на дворѣ лавры, гдѣ она могла бы подвергнуться разнымъ случайностямъ, неизбѣжнымъ при всякаго рода строительныхъ работахъ, а включена въ зданіе церкви, т. е. будетъ сохранена тамъ до тѣхъ поръ, пока цѣлъ будетъ самый фундаментъ зданія.

Теперь еще о плитѣ, покрывавшей мѣсто надъ склепомъ. Такъ какъ стѣна новаго зданія трапезы сдвинула плиту съ ея мѣста и такъ какъ самая плита отъ времени совершенно истерлась, такъ, что трудно уже было читать надпись на ней, то администрація лавры въ видахъ сохраненія этой плиты распорядилась отлить новую съ сохраненіемъ въ точности надписи и затѣмъ, утвердивши старую каменную плиту въ кирпичномъ фундаментѣ, прикрыть ее указанной чугунной плитой, установивъ ихъ противъ того мѣста, гдѣ въ стѣнѣ замурованъ прахъ страдальцевъ [1]). Внутри зданія, въ подвалѣ, склепъ задѣланъ «за подъ лице» со стѣной.

Итакъ, вотъ гдѣ и вотъ въ какомъ видѣ находится могила Кочубея и Искры.

Не лишнимъ считаю, говоритъ далѣе г. Эртель, прибавить, что на дворѣ лавры да и вообще во всей усадьбѣ лавры, за все время ея существованія, похоронено безчисленное множество людей всякаго званія и состоянія. Но всесглаживающее время уничтожило не только какіе-бы то ни было внѣшніе знаки памяти объ этихъ людяхъ, но и самую эту память и поистинѣ имена ихъ «Ты, всеблагій, Господи, вѣси». При постройкѣ трапезной, костями такихъ «неизвѣстныхъ» было наполнено два большихъ ящика. Надъ ними была отслужена панихида, онѣ были окроплены святой водой и затѣмъ зарыты глубоко въ землю подъ церковью.

Кости Кочубея и Искры, какъ видитъ читатель, избѣгли этой участи, если не навсегда, то во всякомъ случаѣ на очень и очень долгія времена, ибо ничто не вѣчно подъ солнцемъ.»

---

[1]) Кажется, могила Кочубея и Искры находилась ближе къ *теперешней* трапезной церкви, чѣмъ то мѣсто, гдѣ лежитъ теперь плита. *Ред.*

Письмо М. А. Максимовича, 1854 г. Профес. А. И. Маркевичъ, сообщая въ кіевскую газету Ж. и И. (1899 г., № 8) свѣдѣнія о нѣкоторыхъ патріотическихъ стихотвореніяхъ М. А. Максимовича, въ дополненіе къ напечатаннымъ въ ноябрской книгѣ «К. Стар.» за прошлый годъ, тутъ-же приводитъ и письмо Максимовича, писанное въ 1854 г. къ преосвященному Иннокентію Борисову, въ Одессу. Въ письмѣ этомъ Максимовичъ сообщаетъ о себѣ такія интересныя автобіографическія подробности, что мы находимъ нужнымъ перепечатать его на страницы нашего журнала съ цѣлію спасти это письмо изъ *газетной пучины.*

«Задушевный, сердечный привѣтъ мой и усерднѣйшій поклонъ Вашему Преосвященству!

Какую *великую субботу* отслужить и какой великій *Великдень* провести привелъ Васъ Господь въ Одессѣ, ставшей такъ знаменательно и славно на виду у всего міра, въ наше великое время!..

Богъ въ помочь Вамъ, и всей Одессѣ, и храбрымъ ея защитникамъ! Богъ въ помочь всей святой Руси во благо всемірное!..

Въ это время, когда душа и мысли русскаго человѣка обращены на Востокъ, и событія всемірныя занимаютъ Васъ подъ часъ, можетъ быть и до утомленія, хочетъ сказаться Вамъ о себѣ человѣчина, близкій къ вамъ по душѣ—азъ грѣшный, вельми томящійся самимъ отрѣшеніемъ отъ участія въ жизни всеобщей...

Я все на Горѣ Михайловой; за много утратъ, сталъ наконецъ женатъ... Въ прошлогоднюю весну я женился на дочери той украинки, о смерти которой я упоминалъ въ послѣднемъ письмѣ къ Вамъ, писанномъ года за два... Въ прошлую осень лишился моей сестры-питомцы, и съ нею ушло отъ меня все уже изъ прежней жизни моей въ здѣшней сторонѣ... Новая спутница жизни моей доброе дитя, и я люблю ее; но мнѣ и при ней скучно здѣсь въ настоящее время, что я сижу на Горѣ бездѣйственнымъ домонтаремъ,—а теперь еще болѣе скучно, ибо еще крѣпче прикованъ къ Горѣ тою же желѣзною цѣпью нужды;—а дума такъ и рвется къ Черному морю, вслѣдъ за Днѣпромъ!.. Мнѣ до смерти хотѣлось бы поучаствовать какъ нибудь въ дѣлѣ *Востока*, хотѣлось бы примкнуться хоть послѣднею спицею въ колесницѣ *сего времени...*

Не знаю и самъ, какъ удовлетворить этому желанію, прошенію души моей... Хоть бы повидать мнѣ войну, которой вовсе не случалось мнѣ видѣть,—*а аще и рати и несльшано*!.. Хоть бы покупаться

въ Черномъ морѣ, въ виду тѣхъ кораблей!.. Не найдется ли средства какъ нибудь пристроить меня въ Одессѣ или въ Крыму, или на Дунаѣ... Чтобы быть мнѣ ближе къ Востоку, и поработать тамъ хоть перомъ, если не копьемъ!

... Буду съ нетерпѣніемъ ждать Вашего отзыва на этотъ голосъ, на этотъ вздохъ души моей... А до того остаюсь, съ благословеніемъ вашимъ и моимъ всегдашнимъ, неизмѣннымъ чувствомъ къ Вамъ почтенія и преданности, остаюсь Вашъ покорный слуга.

М. Максимовичъ.

6 іюня, 1854 г. Михайлова Гора.

О происхожденіи поэта Полонскаго. Въ январской книгѣ Историч. Вѣстника за настоящій годъ, въ статьѣ С. И. Уманца «Памяти Полонскаго» въ одномъ изъ приводимыхъ писемъ Полонскаго къ автору, находится слѣдующее мѣсто: „Что касается до моего происхожденія, то еще Богъ вѣсть,—отъ Разумовскаго или... отъ какого-нибудь драбанта?.. Судя по „Исторіи Екатерины II“ Бильбасова, у Разумовскаго безпрестанно родились дѣти и, можетъ быть всѣхъ ихъ, отдавая въ чужія руки, называли Умовскими. Пока не найдется какихъ-нибудь документовъ о происхожденіи Умовскихъ, объ ихъ блестящей карьерѣ и богатствѣ, трудно сказать что-нибудь положительное и о моемъ происхожденіи. Семейное же преданіе, слышанное мною отъ моего родного дяди, еще не доказательство“... О какомъ семейномъ преданіи идетъ здѣсь рѣчь—г. Уманецъ не объясняетъ.

А. А. Скальковскій. *(Некрологъ).* 29 декабря 1898 г. умеръ въ Одессѣ, на 91-мъ году жизни, маститый историкъ Запорожья и Новороссіи Аполлонъ Александровичъ Скальковскій.—Главныя черты его жизни и подробный перечень его произведеній былъ помѣщенъ въ прошлогодней январской книжкѣ нашего журнала, по поводу исполнившагося девяностолѣтія жизни умершаго. Поэтому здѣсь сообщаемъ лишь главнѣйшія біографическія данныя почившаго историка. Аполлонъ Александровичъ, сынъ помѣщика Волынской губерніи, ро-

дился 1-го января 1808 г. въ г. Житомирѣ, гдѣ и окончилъ гимназію, затѣмъ съ 1822 года проходилъ курсъ наукъ сперва въ Виленскомъ, а потомъ въ Московскомъ университетѣ, который и окончилъ въ 1828 г. со степенью кандидата юридическихъ наукъ.—По окончаніи университета А. А. опредѣлился на службу въ Одессѣ въ канцелярію новороссійскаго генералъ губернатора князя М. С. Воронцова. Въ 1862 г. онъ былъ откомандированъ въ распоряженіе Одесскаго градоначальника въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, въ какомъ званіи и оставался до самой смерти. Работы А. А. С—аго какъ по исторіи и статистикѣ Южной Россіи, такъ и по публицистикѣ и изящной литературѣ доставили С—ому общую извѣстность, особенно на югѣ Россіи.

Покойный состоялъ почетнымъ членомъ академіи наукъ и членомъ многихъ ученыхъ обществъ.

Отпѣваніе А. А. С—аго происходило 31 декабря въ каѳедральномъ соборѣ. Здѣсь свящ. о. Петровскій произнесъ надгробную рѣчь на текстъ: *«я отдалъ сердце мое, чтобы познать мудрость и позналъ ее»*. Послѣ отпѣванія останки умершаго направились къ *старому* одесскому кладбищу, гдѣ и были преданы землѣ.

Отмѣтимъ, что ни одной рѣчи не было произнесено надъ могилой Нестора исторіи Новороссійскаго края.

На дняхъ въ одесск. газетахъ появилось извѣстіе, что библіотека А. А. Ск—го перевозится въ Петербургъ, гдѣ живетъ одинъ изъ сыновей покойнаго. При этомъ извѣстіи слѣдуетъ помнить, что въ составъ этой библіотеки входили *и бумаги запорожскаго архива* [1]). Слышно было, что умершій историкъ не прочь былъ продать этотъ архивъ... Если наслѣдники умершаго согласились-бы на его отчужденіе и теперь, то кому приличнѣе купить его, какъ не Одессѣ и помѣстить затѣмъ эти бумаги въ свой *музей*, для общаго пользованія. Не сомнѣваемся, что бывшій одесскій городской голова г. Маразли пришелъ бы на помощь

---

[1]) Объ этомъ архивѣ А. А. Ск—ій говоритъ въ предисловіи къ 1-му изданію *Исторіи Новой Сѣчи* (1841 г.). „Въ обрывкахъ архива одного давно упраздненнаго присутственнаго мѣста (въ Екатеринославѣ) я отыскалъ акты запорожскаго коша... Отысканная мною часть запорожского архива заключаетъ въ себѣ дѣла производившіяся въ послѣдніе дни Запорожского Войска, т. е. съ 1730 по 1775 г. и копіи весьма важныхъ документовъ, простирающихся до 1660 годовъ". Изъ этихъ словъ видно, какъ важно сохраненіе спасенныхъ уже разъ отъ гибели остатковъ сѣчеваго архива.

городу въ этомъ дѣлѣ, какъ помогъ онъ умершему А. А. С—ому напечатать послѣднее изданіе его *Исторіи Новой Сѣчи* (въ 1885 г). Говорили, что послѣ умершаго А. А. остался его *дневникъ*, начатый имъ съ молодыхъ лѣтъ и что предполагалось даже приступить къ его изданію.

Во всякомъ случаѣ нельзя не пожелать, чтобы наслѣдники А. А. С—аго опубликовали свои намѣренія относительно дальнѣйшей судьбы *запорожскаго архива*, если только онъ еще сохранился въ библіотекѣ умершаго.

И. Ф. Хильчевскій. *(Некрологъ).* 9-го января умеръ Иванъ Филипповичъ Хильчевскій. Въ прошломъ году на страницахъ нашего журнала былъ помѣщенъ рядъ писемъ П. А. Кулиша къ покойному, а потому считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ умершемъ, пользуясь для этого обширнымъ некрологомъ его, написаннымъ уважаемымъ нашимъ сотрудникомъ М. К. Чалымъ. (Кіевлянинъ, № 11). И. Ф. Хильчевскій родился въ 1809 въ г. Нѣжинѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Въ 1819 г. покойникъ поступилъ въ черниговскую семинарію, а въ 1833 г. отправленъ былъ, какъ окончившій курсъ однимъ изъ первыхъ, въ кіевскую духовную академію. Въ 1834 г. И. Ф. принужденъ былъ оставить академію и началъ учительствовать. Въ 1837 г. онъ получилъ должность учителя въ махновскомъ училищѣ, а въ 1838 г.—въ луцкомъ. Въ 1842 г. туда же былъ назначенъ учителемъ и П. А. Кулишъ.—Земляки очень сблизились, но вскорѣ имъ пришлось разстаться. Послѣ скитаній по различнымъ училищамъ и гимназіямъ, И. Ф. поселился наконецъ въ Кіевѣ въ качествѣ преподавателя 2-ой мужской гимназіи; здѣсь же въ 1862 году онъ сталъ еще и преподавателемъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ.

Въ 1866 году Х—ій вышелъ въ отставку, но до 1874 г. преподавалъ еще частнымъ образомъ въ Фундуклеевской женской гимназіи.

До самой своей смерти покойный И. Ф. сохранилъ бодрость и почти юношескую свѣжесть умственныхъ силъ...

Летучія замѣтки.

Преемникъ м. Сембратовича. Въ концѣ прошлаго декабря галицкимъ греко-уніатскимъ митрополитомъ, на мѣсто умершаго м. Сембратовича, назначенъ станиславскій уніатскій епископъ Юліанъ Куиловскій. Біографія новаго митрополита довольно любопытна. Родился онъ въ 1826 г. въ семьѣ уніатскаго приходскаго священника. Въ 1848—29 гг. онъ принималъ участіе въ венгерскомъ возстаніи, въ составѣ польскаго легіона. По усмиреніи возстанія онъ эмигрировалъ сначала въ Турцію, потомъ во Францію. Въ Парижѣ онъ вступилъ въ тѣсныя сношенія съ «отелемъ Ламбертъ», однимъ изъ центровъ польскихъ эмигрантовъ, и подъ вліяніемъ ген. Быстржоновскаго рѣшилъ посвятить себя церкви съ цѣлью расширенія церковной уніи среди русскаго народа. Онъ вступилъ въ миссіонерскій коллегіумъ въ Парижѣ, основанный Ипполитомъ Терлецкимъ и посѣщалъ лекціи въ семинаніи св. Сульпиція. Принявъ посвященіе, Куиловскій нѣкоторое время жилъ въ Римѣ. Интересны его сношенія съ Терлецкимъ, который въ 1872 г. принялъ православіе и жилъ нѣкоторое время въ Кіевѣ. К—ій, встрѣтившись съ Т—мъ въ 1878 г. во Флоренціи, употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы склонить его къ возвращенію къ уніи. Послѣ объявленія амнистіи участникамъ венгерскаго возстанія К—ій возвратился въ Галицію, былъ здѣсь приходскимъ священникомъ, ректоромъ семинаріи и деканомъ въ Перемышлѣ. Въ 1887 г. назначенъ прелатомъ въ Станиславовѣ, въ 1889 г. суфраганомъ въ Перемышлѣ и въ 1891 г. епископомъ станиславовскимъ. Судя по біографическимъ даннымъ (Gaz. Lv., 1899 г., №№ 18 и 19), можно думать, что дѣло сближенія греко-уніатской церкви съ римской найдетъ въ лицѣ новаго митрополита дѣятельнаго продолжателя м. Сембратовича.

О сохраненіи памятниковъ народнаго творчества. Въ числѣ докладовъ черниговскому губернскому земскому собранію губернской земской управы въ сессію сего года представленъ, между прочимъ, докладъ «О сохраненіи памятниковъ народнаго творчества». При этомъ губернская управа предлагаетъ:

1. Поручить Управѣ войти въ сношеніе съ мѣстными знатоками и любителями народнаго быта о доставленіи ими различнаго рода

памятниковъ народнаго творчества: напримѣръ, пѣсенъ съ напѣвами и безъ нихъ, сказокъ, преданій, суевѣрій, пословицъ, загадокъ, костюмовъ, узоровъ или рисунковъ съ нихъ, рисунковъ или фотографій архитектурныхъ и другихъ памятниковъ старины.

2. На необходимые расходы по собиранію, разработкѣ и напечатанію всего этого матеріала въ «Земскомъ Сборникѣ» и, если понадобится, отдѣльнымъ изданіемъ, внести въ смѣту по изданію «Земскаго Сборника» отдѣльной статьей: «На сохраненіе памятниковъ народнаго творчества» 500 руб.

3. Поручить Управѣ, въ видахъ сохраненія малорусскихъ мотивовъ для будущаго художественнаго развитія, ходатайствовать предъ правительствомъ о разрѣшеніи публичнаго исполненія любителями и профессіональными артистами, малороссійскихъ театральныхъ пьесъ и пѣсенъ на общихъ основаніяхъ съ русскими пьесами и пѣснями.

По поводу открытія новаго просвѣтительнаго общества. Какъ мы уже сообщали (въ № 1, стр. 25), въ Петербургѣ недавно основано «Благотворительное Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» для малорусскаго народа. Первое собраніе его было открыто рѣчью одного изъ учредителей, генералъ-майора Н. Ѳ. Федоровскаго, о нуждахъ малорусскаго народа. Можетъ быть, въ этой рѣчи и было что-нибудь, заслуживающее ироніи, но фельетонистъ «Нов. Времени», извративъ отчетъ о засѣданіи, подвергъ глумленію самую идею Общества, переименовавъ его смѣха ради въ «общество распространенія малорусскаго языка среди малорусскаго народа». Напрасно г. Федоровскій, въ письмѣ къ редактору «Нов. Времени» (помѣщенномъ въ № 3) старался возстановить смыслъ своей рѣчи и опровергнуть измышленіе фельетониста: отвѣтомъ на это письмо были новыя насмѣшки и издѣвательства и самая развязная болтовня на тему о малорусскомъ языкѣ и его правѣ на существованіе. Возмущенныя такимъ легкомысленнымъ отношеніемъ фельетониста къ серьезному вопросу «Полт. Губ. Вѣдомости» (въ № 7) посвящаютъ этому прискорбному эпизоду слѣдующія строки:»

«Маленькая група малороссовъ собралась въ Петербургѣ, съ надлежащаго разрѣшенія и при надлежащемъ контролѣ, обсудить кое какіе вопросы, касающіеся малорусскаго языка и его возможныхъ

судебъ на общей для всѣхъ русскихъ гражданъ почвѣ существующихъ законоположеній. Боже, какая дерзость! какъ смѣть заикаться о какой-то литературной малороссійской рѣчи, какъ смѣть еще помнить ее?! Для краснаго словца, чтобъ было смѣшно, изобрѣтается какое то малороссійское знамя. Для этого знамени наиболѣе подходятъ, видите ли, изношенные запорожскіе штаны..»

«Чтобы показать нелѣпость малороссовъ, любящихъ выразительный и сильный народный языкъ, выдумывается длинная бесѣда якобы съ однимъ изъ присутствующихъ въ собраніи. Пріемъ, къ сожалѣнью, слишкомъ извѣстный и старый: собесѣднику вкладываются въ уста всякія нелѣпости, которыя пишущій побѣдоносно и безъ труда разбиваетъ! Но подчасъ пишущій завирается, и довѣріе къ его аргументамъ падаетъ. Малороссійское нарѣчіе, по его словамъ, образовалось окончательно въ XVII вѣкѣ и послѣ того застыло... У малороссовъ будто-бы одинъ только писатель—Шевченко, да и тотъ стоитъ еще на почвѣ народной поэзіи и представляетъ изъ себя послѣдній ея отголосокъ. Мы полагали, что необыкновенное дарованіе Основьяненка-Квитки, проявленное въ народныхъ повѣстяхъ, которыя онъ создалъ, когда ихъ не существовало ни въ одной европейской литературѣ, тоже что-нибудь да значитъ. Считали мы кое-чѣмъ и Котляревскаго, и Кулиша.—Лирическія народныя думки выше поэзіи Шевченка. Можетъ быть, но что это за «лирическія думки»? Малороссійскія думы—сильнѣйшіе образцы эпоса, какіе существуютъ у славянскихъ народовъ; о «лирическихъ думахъ» мы что то не слыхали... Да и прежде всего, чтобъ судить о достоинствахъ или недостаткахъ литературныхъ произведеній, *надо дать имъ возможность появляться, дабы ознакомиться съ ними*. Такъ думаетъ и правительство наше, разрѣшая печатаніе малороссійскихъ книгъ на общецензурныхъ основаніяхъ. *Если онѣ стоютъ чего, онѣ будутъ жить, если онѣ ничтожны, то удѣлъ ихъ забвеніе*... Иначе думаетъ «независимый» литераторъ, которому, по самой сущности его дѣятельности, казалось бы, ближе и дороже всего должны бы быть интересы мысли и слова».

Переводъ стихотв. Т. Г. Шевченка на чешскій языкъ. Въ чешскомъ журналѣ «Slovansky Přehled» (№ 4) помѣщенъ опытъ перевода стих. Т. Шевченка на чешскій языкъ R. Iesenska, при чемъ приложенъ и портретъ, въ видѣ медальона, нашего Кобзаря. Всего переведено

4 піесы: «Тече вода въ сыне море»; «Ой чого ты почорнило зеленее поле»? «На що мени чорни брови»? «Ой три шляхи широкіи до купы зійшлыся». Переводъ этотъ нельзя назвать близкимъ къ подлиннику, но исполненъ вполнѣ удачно, какъ по размѣрамъ стиха, такъ и по передачѣ основного тона. Для образца приведемъ начало одного изъ четырехъ стихотвореній:

Proč zelené zčernalojsi
Pole země naši?—
Od krve já zčernalojsem
Pro svobodu vaši.
Kol městečka Berestečka
Čtyri mile zdeli
Pokryli mě Zaporožci
Slavni svymi těly.

Напомнимъ читателямъ нашимъ текстъ этихъ-же строчекъ у Шевченка:

Ой чого ты почорнило
Зеленее поле?
Почорнило я видъ крови
За вольную волю.
Кругъ мистечка Берестечка
На чотыри мыли
Мене славни запорожци
Своимъ трупомъ вкрылы.

Памяти И. П. Котляревскаго. I. Въ № 139—140 *«Буковины»* напечатана рѣчь профессора д-ра Стефана Смаль-Стоцкаго, сказанная 1-го ноября 1898 года на львовскомъ торжествѣ: «Котляревскій и его «Энеида». «Въ нашей литературѣ нѣтъ такого произведенія, гдѣ бы, какъ въ Энеидѣ, были такъ пластично обрисованы всѣ обстоятельства и сама жизнь нашего народа того времени. Она дѣйствительно національная поэма и первое реальное произведеніе нашей литературы,—реальное не только по своему предмету, но и формою и языкомъ. Въ Энеидѣ и во всѣхъ произведеніяхъ Котляревскаго три главныхъ основныхъ мысли: 1) Онъ пропагандируетъ гуманность, пятнаетъ всякіе безнравственные поступки и становится на защиту униженныхъ и оскорбленныхъ; 2) онъ становится на

защиту національныхъ правъ малорусскаго народа, его обособленности и самостоятельности въ языкѣ, обычаяхъ, и т. п. 3) Онъ противникъ ложнаго вкуса въ литературѣ и требуетъ, чтобы въ литературныхъ произведеніяхъ обнаруживалась народность».

При статьѣ помѣщенъ портретъ Котляревскаго.

II. Въ №№ 141—143 «*Буковины*» помѣщена рѣчь вышеупомянутаго оратора, сказанная имъ на юбилейномъ утрѣ въ Черновцахъ, 3-го дек. 1898 г.—«Чим есть для нас Котляревский?» Ораторъ указалъ на двѣ главныя заслуги Котляревскаго: «онъ ввелъ наше родное, живое, народное слово въ книгу и тѣмъ сдѣлалъ книжную литературу принадлежностью всего малорусскаго народа и затѣмъ въ своихъ произведеніяхъ онъ обратился къ дѣйствительности, первый вполнѣ удовлетворилъ поэтическимъ потребностямъ малорусскаго народа. Произведенія его проникнуты искренней горячей любовью къ родному народу, отвращеніемъ ко всякому звѣрскому насилію; въ нихъ онъ первый освѣжаетъ въ памяти Украинцевъ, «славну минувшину України» съ ея могучими гетманами, полковниками, козаками, и напоминаетъ и другимъ то, что козаки оказали имъ великія услуги. Онъ пробудилъ духъ во всей Буковинѣ, въ Руси-Украинѣ, онъ спасъ украинскій народъ отъ неминуемаго забвенія, показалъ и проложилъ Руси-Украинѣ путь къ новой культурной жизни«.

III. «*На Великі роковини і в память Івана Котляревського*». Подъ этимъ заглавіемъ издалъ В. Маслякъ небольшой сборникъ, гдѣ помѣщенъ портретъ Котляревскаго, біографія, а также ноты и текстъ кантаты, написанной Масляком въ память Котляревскаго. Затѣмъ слѣдуютъ поэтическія произведенія, относящіяся къ минувшимъ юбилейнымъ торжествамъ въ память Котляревскаго, выписки изъ произведеній его и наконецъ приведены отзывы критики подъ заглавіемъ: «Иван Котляревский в світлі российськоі и рускоі критики». Книжка издана очень изящно. Цѣна 50 крайцаровъ. (Буковина, 143).

О памятникѣ И. П. Котляревскому. Проектъ постамента для памятника Котляревскому въ Полтавѣ уже оконченъ художникомъ г. Ширшовымъ и въ послѣднихъ числахъ декабря отправленъ въ

Петербургъ скульптору г. Позену **для изготовленія вѣнка къ памятнику.** Копіи проекта постамента отправлены будутъ въ одесскія мастерскія мраморныхъ издѣлій для опредѣленія стоимости изготовленія его. (Полтавск. Губ. Вѣдомости, № 277).

Общество любителей изученія Полтавской губерніи. 6-го января въ залѣ городской управы, въ Полтавѣ, состоялось учредительное собраніе Общества любителей изученія Полтавской губерніи. Избранный въ предсѣдателя Собранія, инаціаторъ этого дѣла, В. И. Василенко обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой вкратцѣ выяснилъ исторію возникновенія общества, равно какъ и цѣль послѣдняго. Общество, по словамъ оратора, станетъ центромъ единенія и полнаго общенія для всѣхъ тѣхъ мѣстныхъ дѣятелей, которые пожелаютъ послужить родинѣ своими трудами и знаніями туземной жизни населенія. Оно намѣрено заняться наблюденіемъ и систематическимъ изученіемъ безконечно разнообразныхъ проявленій живой дѣятельности населенія родного края, съ возможнымъ при томъ сравнительно-историческимъ и статистическимъ изученіемъ по доступнымъ старымъ и новымъ источникамъ. Участіе въ общей работѣ будетъ принимать вся мѣстная интеллигенція, учащіе, учащіеся, служащіе въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, землевладѣльцы, и т. д. Выработанный г. Василенкомъ проектъ устава подвергся нѣкоторымъ поправкамъ и измѣненіямъ, и затѣмъ избранной коммиссіи изъ Д. К. Квитка, В. П. Трегубова, А. В. Шидловскаго, И. Ф. Сосновскаго, Н. А. Дмитріева, П. П. Фролова и В. И. Василенка поручено было окончательно редактировать, подписать и представить куда слѣдуетъ проектъ устава для утвержденія. (Полт. Губ. Вѣд. № 9).

Общество изданія народныхъ картинъ. 30-го декабря въ Петербургѣ происходило предварительное совѣщаніе членовъ-учредителей вновь возникающаго въ Петербургѣ общества для изданія *дешевыхъ народныхъ картинъ*. На совѣщаніи былъ разсмотрѣнъ проектъ устава общества и состоялось рѣшеніе возбудить ходатайство о дозволеніи обществу издавать для народа, помимо картинъ, еще особый періодическій сборникъ съ иллюстраціями, цѣною не дороже 1 руб. въ годъ. Для большаго развитія дѣятельности общества предположено

открыть его филіальныя отдѣленія въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ и Варшавѣ («Ж. и Иск.», № 7).

Слѣдуетъ надѣяться, что учреждаемое общество, въ особенности же его филіальныя южно-русскія отдѣленія обильно воспользуются столь благодарнымъ для художественнаго воспроизведенія матеріаломъ, какой представляетъ минувшая жизнь Малороссіи, ея современный бытъ и природа.

Карта Буковины. Книгоиздательская фирма Пардина, въ Черновцахъ, издала небольшую раскрашенную, съ малорусскимъ текстомъ, карту Буковины. Цѣна всего 10 кр. Предназначается главнымъ образомъ для учениковъ среднихъ школъ. Такая же карта вышла на языкахъ молдавскомъ и нѣмецкомъ. (Буковина, 143).

Памяти Григорія Саввича Сковороды. По сообщеніямъ газетъ, среди почитателей украинскаго писателя-философа Сковороды возникла вновь мысль учредить въ раіонѣ Харьковской губерніи школу его имени, по случаю исполнившагося недавно столѣтія со дня его смерти. (Южный Край, № 6190).

Курьезный протестъ. Нѣкто г. Тиблевичъ, членъ «Общества Карпатъ» помѣстилъ въ какой-то нѣмецкой газетѣ протестъ такого содержанія, что члены названнаго общества не желаютъ де принимать участія въ чествованіи памяти И. П. Котляревскаго, потому что, «имѣютъ *болѣе давнюю* Энеиду, напечатанную *на литературномъ языкѣ*,—т. е. Энеиду Осипова!» (Буковина, 140).

Поправки: 1) Считаемъ своимъ долгомъ, въ дополненіе къ корреспонденціи изъ Полтавы (№ 12-й 1898 г., стр. 81) «О юбилеѣ и памятникѣ И. П. Котляревскому» сдѣлать существенную поправку къ подстрочному примѣчанію, гдѣ было сказано, что «товариществомъ артистовъ подъ управленіемъ Саксаганскаго и Садовскаго была поставлена «Наталка Полтавка» и сборъ поступилъ полностію въ пользу товарищества, безъ взноса хотя части на памятникѣ И. П. Котляревскому». Дѣло въ томъ, что этимъ же товариществомъ раньше

данъ былъ въ Полтавѣ спектакль, чистая выручка съ котораго поступила полностію въ фондъ на устройство этого памятника, а именно—332 руб., что можно видѣть въ напечатанномъ отчетѣ о поступленіи пожертвованій по 1 октября 1896 года (стр. 2).

2) Въ предыдущемъ № мы привели сообщеніе галицкой прессы о прекращеніи изданія дѣтскаго иллюстрированнаго галицкаго журнала «Дзвинокъ». Это сообщеніе оказалось невѣрнымъ: львовское педагогическое общество, издающее этотъ журналъ, объявило подписку на 1899 годъ и уже выпустило 1-й № его.

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ г. Кіевѣ. ***Экскурсіи для подготовительныхъ работъ къ съѣзду лѣтомъ 1898 г.*** Членами Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству съѣзда, а также и другими лицами были, по порученію комитета, совершены прошлымъ лѣтомъ экскурсіи какъ для производства археологическихъ изслѣдованій, такъ и для осмотра различныхъ памятниковъ старины. Въ виду того, что предстоящій съѣздъ имѣетъ своей главной задачей изслѣдованіе Волыни, большая часть экскурсій и произведена на территоріи древней Волынской земли, но были также экскурсіи и въ другія части какъ правобережной, такъ и лѣвобережной Малороссіи. Сообщаемъ краткія свѣдѣнія объ этихъ экскурсіяхъ.

В. Б. Антоновичъ посѣтилъ Кременецкій, Дубенскій и Новоградволынскій уу. Волынской губ. Въ теченіе экскурсіи имъ было раскопано три могильника у сс. Брыкова, Рыкань и Краснаго, снято много плановъ древнихъ городищъ (коллекція плановъ городищъ Волынской губ. проф. Антоновича достигла въ настоящее время почтенной цифры—ихъ имѣется 56 штукъ), обслѣдовано 14 стоянокъ каменнаго вѣка въ уѣздахъ Дубенскомъ и Кременецкомъ, провѣрены свѣдѣнія о мегалитическихъ постройкахъ въ послѣднемъ уѣздѣ и осмотрѣно три частныя собранія древностей: г.г. Орлова, Житынскаго и Волянскаго.

Е. Н. Мельникъ производила раскопки кургановъ въ Ровенскомъ и Луцкомъ уѣздахъ, Волынской губ.; въ Ровенскомъ уѣздѣ—возлѣ мѣстечка Здолбунова и села Басова Кута, въ послѣднемъ мѣстѣ былъ снятъ также планъ находящагося тамъ городища, въ

Луцкомъ-же, гдѣ главнымъ образомъ и были сосредоточены раскопки г-жи Мельникъ,—въ самомъ г. Луцкѣ и у селъ: Горка, Полонка, Городище, Теремное, Лыще, Крупы, Поддубы, Бороховъ, Усвчи, Торчинъ и др. Всего было раскопано болѣе ста кургановъ; большой курганъ въ г. Луцкѣ не далъ никакихъ результатовъ, остальные-же курганы, относящіеся къ языческой славянской эпохѣ, оказались очень бѣдными по содержанію; въ нихъ было обнаружено нѣсколько погребальныхъ типовъ: погребеніе въ ямахъ, на поверхности почвы, въ насыпи кургана, сожженіе, погребеніе въ гробахъ и деревянныхъ склепахъ, сожженіе, соединенное съ устройствомъ склепа; что касается найденныхъ предметовъ, то въ этомъ отношеніи женскія могилы оказались богаче мужскихъ—тутъ были находимы украшенія—кольца, серьги, бусы, изрѣдка предметы домашняго обихода—ножи, куски посуды, но въ общемъ, какъ выше сказано, курганы въ этой мѣстности настолько бѣдны, что въ большинствѣ случаевъ при скелетахъ не встрѣчалось ничего и даже черепки отъ сосудовъ попадались не въ каждомъ курганѣ.

Н. Ф. Бѣляшевскій продолжалъ начатыя археологическія изслѣдованія береговъ р. Западнаго Буга и отчасти его притоковъ. Прошлымъ лѣтомъ были обслѣдованы оба берега Буга отъ г. Влодавы до впаденія въ него р. Красной (Кшны), т. е. немного ниже г. Бреста Литовскаго, а также часть теченія р. Красной; береговыя полосы подробно обслѣдованы на разстояніи приблизительно верстъ 10-ти въ ширину. Эта часть теченія Западнаго Буга оказалась сравнительно очень бѣдной въ археологическомъ отношеніи: на всемъ этомъ пространствѣ, т. е. приблизительно на протяженіи 65-ти верстъ, ни на правомъ, ни на лѣвомъ берегу не обнаружено ни одного городища, нѣтъ также и кургановъ, небольшая группа послѣднихъ (всего 4) найдена лишь на берегу Красной у с. Добрыня, (Бѣльскаго у. Сѣдлецкой г.) но и здѣсь раскопки двухъ изъ нихъ не дали никакихъ результатовъ—курганы оказались пустыми. На за то бѣдность памятниками болѣе позднаго доисторическаго, а также и историческаго времени искупилась изобиліемъ памятниковъ болѣе ранней, первобытной старины. Можно сказать, что берега Буга въ этомъ мѣстѣ прямо усѣяны ими; всѣ они относятся къ неолитической эпохѣ каменнаго вѣка и отчасти захватываютъ время введенія въ употребленіе металловъ; мѣста находокъ такихъ предметовъ—открытыя песчаныя площади съ волнистой или бугристой поверхностью, располо-

женныя на возвышенныхъ берегахъ или въ рѣчныхъ долинахъ; это, т. н. стоянки первобытнаго человѣка; обнаружено ихъ около 30-ти, нѣкоторыя изъ нихъ отличались обиліемъ найденныхъ на нихъ различнаго рода остатковъ первобытной культуры, укажемъ напр. на стоянки у сс. Прилукъ, Заказанки, Збунина—Брестскаго у., Гродненской г. и у сс. Болоткова и Костомлотъ—Бѣльскаго у., Сѣдлецкой губ. Всего предметовъ найдено около тысячи; это различнаго рода кремневыя острія, скребки, ножики, превосходно отдѣланныя кремневые наконечники стрѣлъ, отбойники, ядрища; гораздо рѣже встрѣчались полированныя каменныя орудія; въ громадномъ количествѣ найдены куски первобытной посуды, иногда покрытой разнообразнымъ орнаментомъ.

О. И. Левицкій совершилъ поѣздки совмѣстно съ Н. В. Молчановскимъ и о. Е. Сѣцинскимъ по Побужью. Экскурсія совершались частью лодкой, частью лошадьми. Было осмотрѣно Побужье отъ Межибожа до Брацлава; по пути отмѣчались древнія городища; особенно интереснымъ оказалось городище у с. Кудинки. Въ самомъ г. Брацлавѣ было осмотрѣно древнее замчище; выше Брацлава, по Бугу, было обнаружено мѣсто древняго замка Сокольца (у м. Печара), упоминаемаго въ литовскихъ лѣтописяхъ въ XIV в. Кромѣ того, О. И. Левицкій проѣхалъ отъ Каменца до Межибожа; здѣсь обратили на себя вниманіе пещеры на р. Смотричѣ у с. Негова, были затѣмъ осмотрѣны церковь и замокъ с. Сутковецъ (кажется XVI в.); въ м. Зиньковѣ обнаружены остатки замка еще болѣе ранней эпохи.

Экскурсія на Волынь двухъ ниже слѣдующихъ лицъ имѣли цѣлью осмотръ болѣе позднихъ памятниковъ старины.

М. П. Истоминъ имѣлъ въ виду изученіе памятниковъ иконографіи и стѣнописи въ православныхъ и католическихъ храмахъ съ XVI по XVIII в. Съ этой цѣлью имъ были осмотрѣны: въ г. Бердичевѣ (раньше входившемъ въ составъ Волынской губ.)—стѣнопись главного костела—прежде монастыря, въ м. Чудновѣ—Воскресенская и Петропавловская церкви, въ м. Полонномъ—6 церквей и костелъ, въ с. Городищѣ—женскій монастырь и церковь, въ г. Острогѣ—нѣсколько церквей и кладбищенская часовня, въ г. Дубно—соборная церковь, бывшая Крестовоздвиженская пустынь и Спасопреображенская церковь, въ м. Почаевѣ—соборный храмъ и пещерныя церкви. Кромѣ того, г. Истоминъ занимался въ Волынскомъ Епархіальномъ древлехранилищѣ въ г. Житомірѣ и въ только что

организующемся древлехранилищѣ типографіи Почаевской Лавры. Иконографическаго матеріала XVII и XVIII вв. во время этой экскурсіи было встрѣчено довольно много и г. Истоминъ представилъ Отдѣленію списокъ тѣхъ предметовъ, которые желательно было-бы имѣть на выставкѣ Съѣзда. Не знаемъ, какъ осуществится на практикѣ это предложеніе г. Истомина, конечно, лучше всего было-бы имѣть на выставкѣ оригиналы, затрудненіе представляетъ лишь пересылка такихъ громоздкихъ предметовъ, какъ церковныя иконы, поэтому, если онѣ не будутъ доставлены, то во всякомъ случаѣ слѣдовало-бы получить фотографическіе снимки съ болѣе интересныхъ иконъ.

И. М. Каманинъ экскурсировалъ по Волынской и Подольской губ. съ цѣлью собиранія свѣдѣній объ архивахъ правительственныхъ учрежденій, монастырей, церквей и частныхъ лицъ; имъ были посѣщены слѣдующія мѣстности: Житоміръ, Заславъ, Луцкъ, Острогъ, Дубно, Кременецъ, Владиміръ-Волынскъ, Ковель, Чудновъ, Полонное, Славута, Городище, Загорово, Почаевъ и Каменецъ-Подольскъ; въ виду многочисленности мѣстъ, которыя пришлось посѣтить, г. Каманинъ занимался, главнымъ образомъ, архивами правительственныхъ учрежденій; при осмотрахъ было обращаемо вниманіе на помѣщеніе архивовъ, способы храненія дѣлъ, систематическія ихъ описанія и отмѣчаемы тѣ группы дѣлъ, которыя имѣютъ научное значеніе и должны быть сохраняемы; отмѣчены также и отдѣльныя дѣла, интересныя въ томъ или другомъ отношеніи. Г. Каманинымъ осмотрѣны также въ посѣщенныхъ имъ мѣстахъ музеи, монастырскія и церковныя библіотеки, здѣсь отмѣчались такія рукописи и книги, какія желательно имѣть на выставкѣ Съѣзда.

Изслѣдованія и раскопки. *Раскопки городища у д. Приворотья-Маковскаго Каменецъ-Подольск. у.* Въ минувшемъ сентябрѣ Е. Сѣцинскій производилъ раскопки городища у д. Приворотья Маковскаго, въ 15-ти верстахъ отъ Каменца. Городище это находится въ такъ называемыхъ Медоборскихъ горахъ,—гряды тянущейся съ с.-з. на ю.-з. по Каменецкому уѣзду. Гряда эта во многихъ мѣстахъ прорѣзывается небольшими рѣчками, текущими въ глубокихъ скалистыхъ берегахъ. На этой грядѣ находится нѣсколько городищъ, помѣщающихся на высокихъ мѣстахъ, таковы городища у се-

Черча, Приворотья Маковскаго, Колубаевецъ, Княжполя, Супруньковецъ. Почти параллельно этой грядѣ тянется, такъ называемый Трояновъ валъ, идущій отъ рч. Збруча къ юго-востоку по направленію къ рѣкѣ Днѣстру. Приворотское городище находится въ 3 верстахъ отъ мѣстечка Макова у рѣчки Мукши, перерѣзывающей здѣсь Медоборскія горы. Проходя чрезъ эти горы, рѣчка образуетъ нѣсколько крутыхъ поворотовъ между высокихъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Въ двухъ мѣстахъ среди горъ рѣчка разливается въ пруды, похожіе на альпійскія озера. По берегамъ рѣчки и прудовъ раскинуто нѣсколько хатъ—это деревня Приворотье. Вся мѣстность весьма живописная. Здѣсь надъ этой мѣстностью возвышается конусообразная гора, примыкающая съ одной стороны къ другимъ горамъ, съ трехъ сторонъ представляющая крутые откосы, покрытые деревьями, среди которыхъ мѣстами выглядываютъ скалы. На вершинѣ этой горы находится городище, представляющее собою въ планѣ эллипсисъ, растянувшійся отъ с.-з. къ ю.-з. на 200 саж. Юго-восточ. сторона эллипсиса болѣе широкая, примыкающая къ другой горѣ, окружена валомъ и рвомъ съ юга, вост. и зап. Сѣверо-зап. сторона суживается и на концѣ представляетъ скалу, а потому здѣсь искусственныхъ укрѣпленій нѣтъ; здѣсь, на разстояніи 50 саж. отъ конца, городище перерѣзывается валомъ въ ширину. Съ ю.-з. былъ въѣздъ въ городище и здѣсь на разстояніи отъ круговаго вала на 40 саж. есть еще валъ, перерѣзывающій гору. На этомъ городищѣ были частыя находки разныхъ древнихъ предметовъ. Такъ, здѣсь были находимы каменныя скребки, наконечники стрѣлъ, топорики, глиняныя, стекляныя и бронзовыя бусы, обломки стеклянныхъ браслетовъ, металлическіе спиральные браслеты, глиняная посуда. Въ музеѣ Краковской Академіи находятся слѣдующіе найденные здѣсь предметы: кремневый отбивной ножъ и наконечникъ стрѣлы, каменная полированная пряслица. При раскопкахъ Е. Сѣцинскаго внутри городища найдены на глубинѣ $1^1/_2$—2 арш. скелетъ лежащаго навзничь мужчины съ раскинутыми руками и ногами, у ногъ желѣзный боевой топоръ, а у пояса небольшой желѣзный ножъ. Дальше въ этомъ мѣстѣ, среди массы пережженной глины, черепьевъ и костей, найдено еще два желѣзныхъ топора, три висячихъ замка, по устройству немного похожихъ на тѣ, какіе теперь употребляются при конскихъ путахъ, четырехгранный наконечникъ копья, шпора съ шипомъ вмѣсто кольца, мѣдная круглая бляха, точильный

большой камень, удила, нѣсколько глиняныхъ праслицъ, куски смальтовыхъ браслетовъ и небольшая стеклянная привѣска въ серебряной оправѣ, величиной и формой въ видѣ большого желудя, стеклышко нечистое—съ одной стороны плоское, съ другой—выпуклое. Очевидно, все это болѣе поздняго времени; предметовъ каменнаго вѣка не найдено, хотя несомнѣнно они встрѣчаются въ той мѣстности, какъ это видно изъ прежнихъ находокъ. Кромѣ того, уже во время раскоповъ Е. Сѣцинскаго, крестьянинъ изъ д. Приворотья показывалъ кусочекъ кремневаго полированнаго топорика, найденнаго имъ на «городькахъ», какъ называетъ народъ эту мѣстность. На предложеніе продать этотъ предметъ, крестьянинъ наотрѣзъ отказался, такъ какъ, по увѣренію его, „это «громова стрилка», имѣющая цѣлебное свойство: при болахъ въ желудкѣ и при другихъ болѣзняхъ стоитъ только отбить кусочекъ, истолочь въ порошокъ, принять внутрь—и болѣзнь прекращается. Найдевъ имъ топорикъ въ цѣломъ видѣ, но значительный кусокъ его отбитъ и подаренъ кумѣ, спеціально занимающейся леченіемъ больныхъ. Другой каменный топоръ, найденный въ окрестностяхъ городища, имѣется у управляющаго Маковскимъ имѣніемъ г. Кульчицкаго.

Изслѣдованіе стоянки и мастерской каменнаго вѣка въ с. Городкѣ, Розенскаго у. Волынск. г. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ покойный Я. Я. Волошинскій сдѣлалъ на Третьемъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ подсчетъ каменныхъ орудій, найденныхъ, какъ въ Кіевской губ., такъ и въ смежныхъ съ нею [1]); на Волынскую губернію пришлось 182 орудія, и въ томъ числѣ на Ровенскій у. всего 2 экземпляра. Въ настоящее время даже трудно сдѣлать подобный подсчетъ—благодаря развившемуся интересу къ изученію памятниковъ старины предметы каменнаго вѣка, найденные на Волыни, нужно считать тысячами; были найдены цѣлыя мастерскія каменныхъ орудій; не дальше напр., какъ въ 1897 г. такая мастерская, давшая массу предметовъ, была обнаружена г-жей Мельникъ у с. Пересопницы именно въ томъ Ровенскомъ у., гдѣ по свѣдѣніямъ, имѣвшимся у Волошинскаго, каменный вѣкъ почти отсутствовалъ. Теперь мы имѣемъ возможность сообщить о еще болѣе недавней находкѣ мастерской каменнаго вѣка; она открыта лѣтомъ прошлаго года въ с. Городкѣ

---

[1]) „Въ какихъ мѣстахъ Кіевской и смежныхъ съ нею губерній находимы были каменныя орудія?".—Труды 3-го Съѣзда, т. II.

Ровенскаго у. въ фруктовомъ господскомъ саду. Мѣстность, гдѣ расположена мастерская и стоянка, представляетъ изъ себя небольшую береговую террасу р. Устья, на правомъ ея берегу; здѣсь, на незначительной глубинѣ, въ большомъ количествѣ встрѣтились отбойники, ядрища, кремневыя скребки, ножи, копья, полированые клинья, кривые ножи очень тонкой отдѣлки, каменныя шлифованыя орудія, куски роговъ и костей лося и другихъ животныхъ со слѣдами обработки, много черепковъ отъ сосудовъ, пищевые остатки въ видѣ костей и устричныхъ раковинъ. Что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ мастерской, на это указываютъ орудія обработки—каменные отбойники, масса испорченныхъ и недоконченныхъ орудій; среди послѣднихъ обращаетъ на себя вниманіе діоритовый топоръ-молотъ съ только что начатымъ отверстіемъ; невдалекѣ отъ мѣста мастерской обнаружено и мѣстонахожденіе кремневыхъ голышей, служившихъ матеріаломъ для изготовленія орудій. Всего найдено за прошлый годъ болѣе ста предметовъ; они поступили въ Городецкій Музей, Волынской губерніи, барона Θ. Р. Штейнгеля.

Раскопки могильника у д. Студинки, Ровенскаго у., Волынск. г. были произведены въ концѣ прошлаго года барономъ Θ. Р. Штейнгелемъ для пополненія антропологическаго и археологическаго отдѣловъ принадлежащаго ему Городецкаго музея. Могильникъ расположенъ на возвышенности и заключалъ въ себѣ около 20-ти кургановъ; въ настоящее время кургановъ замѣтно меньше—ихъ распахали живущіе здѣсь колонисты; вообще нужно замѣтить, что на Волыни такого рода памятники старины уничтожаются главнымъ образомъ пришлымъ населеніемъ, коренное-же, наоборотъ, старается сохранять ихъ: были даже случаи, что крестьяне препятствовали раскопкамъ спеціально для этой цѣли командированныхъ лицъ, снабженныхъ оффиціальными полномочіями. Изъ сохранившихся кургановъ было раскопано пять; курганы, какъ и весь могильникъ, оказались принадлежащими языческой славянской эпохѣ; погребенія совершались въ довольно глубокихъ ямахъ, трупы погребались въ гробахъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ встрѣчались двойныя погребенія; могилы оказались бѣдными по содержанію: при костякахъ найдены лишь куски посуды, незатѣйливыя украшенія въ видѣ мѣдныхъ колецъ и серегъ, части какого-то желѣзнаго предмета и кусочекъ орнаментированной кости, повидимому отъ гребешка; характерную особенность этого могильника представляетъ то обстоятельство, что, помимо по-

гребеній, въ верхнихъ частяхъ кургановъ зачастую встрѣчались разбросанныя въ безпорядкѣ кости другихъ скелетовъ.

Нѣкоторыя изъ стоянокъ каменнаго вѣка на берегахъ р. Западнаго Буга, обслѣдованныя прошлымъ лѣтомъ г. Бѣляшевскимъ, были вторично осмотрѣны на праздникахъ Рождества Христова И. Р. Дмитріюкомъ. Осмотръ оказался очень удачнымъ, такъ что въ результатѣ образовалась новая дополнительная коллекція, заключающая болѣе полусотни отборныхъ экземпляровъ разныхъ кремневыхъ и каменныхъ орудій. Коллекція эта будетъ присоединена къ собранной г. Бѣляшевскимъ и поступитъ на выставку будущаго Археологическаго Съѣзда.

Случайныя находки. *Городище „Княжа гора“ (у с. Пекарей, Черкасск. у.)*, благодаря стоявшей въ первой половинѣ января чисто весенней погодѣ, продолжаетъ служить ареной для раскопокъ окрестныхъ крестьянъ. Раскопки велись не безъ результатовъ: недавно въ Кіевъ была привезена партія древностей, добытыхъ этими внѣсезонными раскопками. Партія оказалась по составу очень интересной: кромѣ обычныхъ для этой мѣстности различныхъ желѣзныхъ предметовъ, бронзовыхъ пряжекъ, привѣсокъ, зеркалъ, стеклянныхъ бусъ и кусковъ браслетовъ, частей мѣдныхъ складныхъ крестовъ и т. п., здѣсь встрѣтились два креста съ припаянными къ оборотной сторонѣ гвоздями, служившими для прикрѣпленія къ какимъ-то предметамъ—кресты, сравнительно рѣдко находимые на «Княжей горѣ»; затѣмъ, особенный интересъ представляютъ: часть бронзоваго штампованнаго, диска, довольно большихъ размѣровъ, на которомъ, повидимому, находилось изображеніе св. Георгія; кусочекъ отъ большой сравнительно иконы изъ терракоты, пепельнаго цвѣта, съ уцѣлѣвшимъ рельефнымъ изображеніемъ плачущаго ангела и части распятія; такая-же терракотовая небольшая иконка съ полукруглымъ верхомъ и рельефнымъ изображеніемъ св. Георгія на конѣ, поражающаго копьемъ змія, и наконецъ, т. н. змѣевикъ (одинъ изъ видовъ амулетовъ), имѣющій видъ небольшой бронзовой иконки, на одной сторонѣ которой помѣщено рельефное изображеніе Божіей Матери со Спасителемъ на рукахъ, исполненное очень тонко и отчетливо, а на другой—голова съ исходящими отъ нея змѣями и заклинательной надписью внизу. Все

эти предметы относятся къ половинѣ XIII-го вѣка; большая часть ихъ поступила въ собраніе Н. П. Чернева.

Эти послѣднія находки еще разъ указываютъ на археологическій интересъ «Княжей горы». Систематическими раскопками, производившимися на городищѣ въ 1891 и 92 гг., была изслѣдована только часть городища раскопки были прекращены по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ лица, производившаго раскопки; въ послѣдующіе затѣмъ годы гора, перешедшая въ собственность крестьянъ, подвергалась безпорядочнымъ раскопкамъ послѣднихъ и, какъ видимъ, находки не прекращаются. Особенно интересно было бы обслѣдовать научнымъ образомъ сѣверный склонъ горы, на которомъ очевидны слѣды древняго поселенія; давно пора какому ниб. изъ нашихъ учрежденій, вѣдающихъ археологію, поставить на очередь вопросъ о прекращеніи варварскихъ раскопокъ крестьянъ на этомъ замѣчательномъ городищѣ и о продолженіи научнаго изслѣдованія его.

Музеи и собранія древностей. *Городецкій музей Волынской губерніи барона Θ. Р. Штейнгеля,* благодаря сочувствію мѣстнаго общества, вступилъ на путь болѣе широкаго развитія. Въ концѣ прошлаго года закончился второй годъ существованія музея; въ теченіе этого года пополнялись всѣ отдѣлы, на которые распадается музей. Что касается археологическаго отдѣла, то здѣсь поступленія были особенно многочисленны,—прибавилось всего около 350-ти номеровъ. Главная масса поступившихъ предметовъ относится къ каменному вѣку: каменный молотокъ и друг. предметы изъ кургана близъ г. Заслава; разнообразные кремневые, каменные и глиняные предметы изъ стоянокъ и мастерскихъ у м. Искорости, сс. Швабовъ, Васьковичъ, Збранокъ, Красноселки и Папирни, Овручск. у., особенно интересенъ большой сосудъ изъ стоянки у с. Папирни; каменныя орудія, найденныя у с. Зубковичъ Овручск. у.; кремневыя и каменныя орудія изъ мастерской у с. Будеража, Дубенск. у.; каменныя орудія изъ кургановъ у с. Горбова, Новоградъ-Волынск. у.; діоритовой топоръ, найденный у с. Золотіева, Ровенск. у. и, наконецъ, большое собраніе предметовъ изъ мастерской въ с. Городкѣ, Ровенск. у. Къ языческой славянской эпохѣ относятся предметы изъ раскопокъ кургановъ у г. Заслава—серебряныя височныя кольца, желѣзные гвозди, куски посуды, и у д. Студинки—о послѣднихъ мы говорили уже выше, въ замѣткѣ о раскопкахъ этого могиль-

ника. Сравнительно немного поступило предметовъ великокняжескаго времени—они вообще на Волыни встрѣчаются довольно рѣдко; сюда относится цѣлая коллекція изъ мастерской шиферныхъ прaслицъ, находящейся въ урочищѣ Коптевской Лѣсъ у с. Копчевщизны, Овручск. у., коллекція эта даетъ образцы послѣдовательной обработки кусковъ шифера въ праслицы; кромѣ того, есть нѣсколько предметовъ, какъ напр. шиферный крестикъ—тѣльникъ, стеклянные браслеты и бусы—изъ урочища Богдыховъ близъ с. Збрановъ, Овручск. у. и половина мѣднаго складнаго креста—изъ с. Оржева, Ровенск. у. Къ литовскому періоду можно предположительно отнести стальную кольчугу, выпаханную возлѣ г. Луцка, и нѣсколько монетъ изъ кладовъ—о нихъ мы скажемъ ниже. Къ позднѣйшему уже времени относятся—желѣзный кованный крестъ (первой половины XVIII в.) съ колокольни одной изъ церквей м. Чуднова, Житомірск. у., и стальной нагрудникъ съ такими-же перчатками, найденные подъ поломъ одного стариннаго дома въ Ровенскомъ у. Нумизматическая коллекція городецкаго музея составляется исключительно изъ монетъ, найденныхъ въ видѣ кладовъ; за истекшій годъ монеты поступили изъ 8-ми кладовъ: литовскія монеты (съ конца XIII по начало XVI в.) изъ кладовъ въ сс. Полгановѣ Баковцахъ, Семеренкахъ—Луцкаго у. и въ с. Солотвинѣ, Ковельск. у.; польскія, прусскія и австрійскія (XVII и начала XVIII-го в.)—въ м. Аннополѣ, Острожск. у. и въ сс. Шпановѣ, Рубчѣ и м. Степани, Ровенск. у.

Въ собраніе украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго въ истекшемъ году и отчасти уже въ настоящемъ поступило довольно много новыхъ предметовъ, между которыми есть нѣсколько очень интересныхъ и рѣдкихъ. На первомъ мѣстѣ нужно поставить знамя Переяславскаго полка 1762 года, которое прежде находилось въ м. Мошнахъ, у князя Воронцова; рисунокъ его приложенъ къ К. Стар. 1890 г. № 10. Далѣе можетъ быть указанъ перначъ Павла Полуботка, черниговскаго полковника; перначъ серебряный вызолоченный съ шестью ажурными «перьями»; онъ пріобрѣтенъ отъ Милорадовичей, родственниковъ и наслѣдниковъ Полуботка. Затѣмъ слѣдуютъ сабли, рушницы, пороховницы, принадлежности стариннаго костюма, дукачи и различные предметы домашняго обихода; между послѣдними отмѣтимъ стеклянный бокалъ кіевскаго митрополита Тимофея Щербатскаго съ его гербомъ и иниціалами.

Полтавскій Земскій Музей, по сообщенію мѣстной газеты,—обогатился нѣсколькими новыми пожертвованіями. В. И. Гаевскій пожертвовалъ коллекцію монетъ въ 373 экземпляра, между которыми имѣются 3 монеты римскія, различныя иностранныя и русскія, такъ что собраніе монетъ музея состоитъ теперь болѣе чѣмъ изъ 2000 экземпл. Есть также пожертвованія стариннаго оружія, вышивокъ и т. п. «Всѣ эти пожертвованія, говоритъ газета, еще разъ даютъ возможность убѣдиться въ тепломъ сочувствіи къ музею, которое неоднократно уже высказывалось со стороны просвѣщенныхъ полтавцевъ и можно надѣяться, что это сочувствіе, при ближайшемъ знакомствѣ съ музеемъ, еще будетъ усиливаться и впредь». Искренно желая чтобы надежды, выраженныя газетой, осуществлялись, съ своей стороны не можемъ не высказать пожеланій, чтобы было побольше пожертвованій памятниковъ *мѣстной* старины и другихъ предметовъ, характеризующихъ *данный край*,—тогда только музей и будетъ въ дѣйствительности областнымъ полтавскимъ музеемъ, отражающимъ въ себѣ прошлое и настоящее края.

Въ Церковно-археологическій Музей при Кіевской Духовной Академіи передано на дняхъ изъ Кіево-Печерской Лавры 12 такъ наз. «голосниковъ»; они имѣютъ видъ довольно большихъ сосудовъ, боченкообразной формы, на днищахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть клейма въ видѣ круга, съ крестомъ или точкой въ срединѣ. Голосники эти открыты въ большомъ числѣ въ стѣнахъ великой лаврской церкви; такого рода голосники встрѣчаются довольно часто въ храмахъ великокняжескаго времени; по объясненію археологовъ, они служили для усиленія резонанса, хотя, быть можетъ, при болѣе тщательномъ наблюденіи положенія ихъ въ стѣнахъ церквей, мнѣніе это и измѣнится, т. к. напр. въ данномъ случаѣ голосники оказались совсѣмъ задѣланными въ стѣнѣ и снаружи отверстій ихъ не было видно.

Разныя извѣстія. *Выставка старинныхъ художественныхъ предметовъ и картинъ*, открытая теперь въ Кіевѣ и устроенная Кіевскимъ Обществомъ Древностей и Искусствъ, носитъ сборный характеръ: предметы разныхъ эпохъ, странъ и художественнаго достоинства; обиліемъ предметовъ выставка не отличается. Малорусская старина имѣетъ также нѣсколькихъ представителей, хотя очень немногочи-

сленныхъ; есть здѣсь нѣсколько образцовъ и образцовъ художественныхъ, старинныхъ вышивокъ—риза, съ вышитыми изображеніями святыхъ, подолъ отъ подризника, поручи, есть нѣсколько козацкихъ поясовъ, штампованныя бляхи съ священными изображеніями, серебряная кадильница, кубокъ, довольно хорошій подборъ дукачей, серьги, застежки, серебряное ожерелье, кое что изъ рѣзьбы по дереву (ангелъ и левъ),—вотъ и все. Среди картинъ мы нашли только одинъ старинный миніатюрный портретъ, изображающій женщину въ богатомъ малорусскомъ костюмѣ—быть можетъ портретъ какой ниб. гетманши. Есть также на выставкѣ небольшая картина масляными красками, по указателю выставки принадлежащая кисти Т. Г. Шевченка и озаглавленная «Гамалія»; сюжетъ картины—козаки на чайкахъ среди бурнаго моря; очень желательно, чтобы специалисты рѣшили вопросъ дѣйствительно-ли картинка писана Шевченкомъ. Въ заключеніе не можемъ не упомянуть, что указатель выставки изданъ очень небрежно.

Въ Подольскомъ Епархіальномъ Историко-статистическомъ Комитетѣ снова поднятъ вопросъ о церковно-приходскихъ лѣтописяхъ и объ изданіи краткаго описанія приходовъ Подольской епархіи; подобная мысль являлась въ Подольской епархіи еще въ 1855 и 1865 гг., но она не увѣнчалась успѣхомъ,—быть можетъ, теперь Комитетъ справится съ этой задачей. Имѣть краткое описаніе всѣхъ приходовъ крайне необходимо, но Комитету не слѣдовало бы отступать отъ плана, намѣченнаго въ VII-мъ вып. его трудовъ: печатать сводъ всѣхъ историческихъ свѣдѣній о приходахъ поуѣздно, какъ это сдѣлано въ данномъ выпускѣ по отношенію къ приходамъ Каменецкаго у.,—такимъ образомъ слѣдовало бы описывать и другіе уѣзды; однако, описаніе Каменецкаго уѣзда вышло еще въ 1895 году и до сихъ поръ не слышно, чтобы продолжалось это дѣло.

Дѣло о Бакотскомъ «монастырищѣ». Открытыя лѣтъ 8—9 назадъ пещеры древняго православнаго монастыря у с. Бакоты (Подольск. г. Ушицкаго у.) надъ Днѣстромъ составляютъ теперь предметъ судебнаго иска.

Остатки Бакотскаго монастыря, въ видѣ келій въ скалѣ, первоначально были указаны В. Б. Антоновичемъ при его поѣздкѣ по Днѣстру въ 1884 г. и описаны въ его рефератѣ на Одесскомъ Археологическомъ Съѣздѣ; затѣмъ, въ 1889 г., мѣстные крестьяне отыскали въ скалѣ пещеры съ нишами, надписью и др. Въ 1891 г.

здѣсь производилъ раскопки В. Б. Антоновичъ, причемъ откопано было еще нѣсколько пещеръ, мѣсто бывшаго пещернаго храма, обломки фресковой иконописи на камняхъ, нѣкоторые церковные предметы и др. (описаніе находокъ и снимки найденныхъ иконныхъ изображеній помѣщены въ «Кіев. Старины», 1891 г. № 10). Такъ какъ несомнѣнно здѣсь былъ древній православный монастырь, о которомъ упоминается въ лѣтописяхъ, при занятіи въ XIV в. Подоліи кн. Каріатовичами, то это мѣсто стали посѣщать разныя лица и изъ Каменца и изъ другихъ мѣстъ; сталъ сюда приходить и народъ на богомолье, чему способствовало и живописное мѣстоположеніе. Въ 1893 г. мѣстный священникъ на собранныя деньги устроилъ на мѣстѣ бывшаго здѣсь храма новый небольшой, для чего къ пещерамъ была сдѣлана деревянная пристройка. Церковь освящена была торжественно Подольскимъ Преосвященнымъ, который со времени открытія здѣсь пещеръ бывалъ въ Бакотѣ почти ежегодно, служилъ и въ приходской церкви и во вновь устроенной пещерной. Это такъ возвысило въ глазахъ народа Бакотское монастырище, что лѣтомъ сюда стала приходить масса богомольцевъ, какъ изъ подольской стороны, такъ и бессарабской. Особенно много бываетъ ихъ 1-го августа, въ храмовой праздникъ возстановленной пещерной церкви; въ этотъ день бываетъ теперь богомольцевъ нѣсколько тысячъ; установился такъ называемый «отпустъ», и бѣдная прежде бакотская церковь имѣетъ теперь уже средства для постройки новаго зданія. Никто до сихъ поръ не заявлялъ своихъ правъ на ту скалу, гдѣ открыты пещеры древняго монастыря, никому эта скала не была нужна, такъ какъ она представляла то отвѣсы, то крутые откосы, гдѣ можно было лишь съ большою опасностью пасти скотъ, главнымъ образомъ овецъ,— словомъ, скала была ничья, или находилась собственно въ общемъ пользованіи крестьянъ. Но въ декабрѣ прошлаго года, на исходѣ десяти лѣтъ со времени открытія пещерь, владѣлецъ части с. Бакоты, Конрадъ Шиманскій предъявилъ въ окружномъ судѣ искъ къ Подольской духовной консисторіи указывая, что вслѣдствіе находки на берегу р. Днѣстра «какихъ-то человѣческихъ изображеній», мѣстное духовенство захватило его землю и не допускаетъ его къ пользованію ею, почему г. Шиманскій требуетъ взыскать съ Консисторіи 600 р. за провладѣніе и возстановить его права собственности на Бакотское монастырище. Пока судъ рѣшитъ дѣло, священникъ с. Бакоты (онъ же и представитель отвѣтчика), возбудилъ чрезъ свое начальство вопросъ о необходимости отчужденія Бакотскаго монастырища, какъ важнаго историческаго и археологическаго памятника, въ пользу церкви.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ матеріаловъ по исторіи Кубанскаго Козачьяго Войска. *Томъ IV. 1795—1799 г. г. Собраны и изданы И. И. Дмитренкомъ. Спб. 1898. 8 д. л. XX+497 стр.*

О первыхъ трехъ томахъ этого интереснаго *Сборника* мы подробно говорили годъ тому назадъ. Теперь появился въ печати четвертый томъ, по интересу напечатанныхъ въ немъ документовъ не уступающій первымъ тремъ. Содержаніе этого тома касается той же дѣятельности трехъ главныхъ устроителей запорожскаго «товарищества» на берегахъ Кубани: Чепѣги, Головатаго и Котляревскаго. Главное вниманіе этихъ дѣятелей обращено было на устройство козачьяго хозяйства, причемъ старшина старалась расширить сельскую промышленность во всѣхъ ее видахъ возможныхъ, для данной мѣстности. Не забыты были, напр., и «виноградные сады». Въ іюлѣ 1795 г. Головатый пишетъ гр. Зубову: «Поселившіесь на островѣ Фанагоріи вѣрнаго войска Черноморскаго старшины и козаки, слава Богу, обзаводятся хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, но при томъ желаютъ, въ разсужденіи *плодовитой здѣсь земли,* обзавести виноградные сады. О семъ вашему высокографскому сіятельству донеся, прошу исходатайствовать у милосердной нашей матери Великія Екатерины, ради такова размноженія, Таврической области, въ Судакѣ виноградный *садокъ въ хозяйственное наше распоряженіе*» (стр. 47). Выгодно было запорожцамъ заняться тутъ хозяйствомъ потому, что земля дѣйствительно была *плодовита*; тотъ же Головатый и тогда же писалъ тому же Зубову: «*египетская* пшеница съ помощію Бо-

жіею выросла въ полтора аршина и поспѣваетъ...» Насколько земли были *плодовиты*, настолько же и кубанскія воды были рыбообильны: «Кубань рѣка отъ частыхъ въ полѣ дождей, вскрывъ свои берега, разливается... Чрезъ сіе разлитіе водъ за берегами показалось рыбы корона такъ довольно, что козаки, содержащіе стражу, во время ихъ разъѣздовъ, *пиками и кіями бьютъ* и употребляютъ въ пищу совмѣстно съ *тетерею* казацкою, да и не голодны»... Это опять пишетъ Головатый гр. Зубову [1]) (49). Изобиліе всякаго рода рыбы давало возможность черноморской старшинѣ дѣлать крупныя посылки рыбныхъ приготовленій въ Петербургъ и надѣлять ими и на мѣстѣ нужныхъ людей, какъ видно, напр., изъ слѣдующаго письма къ Головатому подполковника Киpaева [2]): «Прибылъ я въ Царское Село 14-го минувшаго іюня (1795 г.). Рапорты ваши къ гр. Платону Ал—чу (Зубову) и *два колоса пшеницы* отдалъ исправно чрезъ Андреяна Мойсеевича Грибовскаго [3])... Икра ваша сколь много принесла мнѣ удовольствія, а паче тѣмъ, которые ѣли оную, и повѣрить трудно. Я подносилъ оную графу Александру Андреевичу Безбородку, Василію Степановичу Попову, пріятелю вашему Головцыну (?), Андрею Ивановичу и многимъ, даже и женскимъ особамъ, въ *царскихъ чертогахъ пребывающимъ*... Всѣ распрашивали, каково вы поживаете, а Василій Степановичъ весьма доволенъ, что земли ваши вамъ весьма полезны и что вы бл гоустройствомъ неусыпно занимаетесь. ...Я, исполненный къ вамъ и къ Черноморскому войску непрерывнымъ усердіемъ моимъ... Тутъ не обинуясь говорю тоже самое, что и съ вами разсуждалъ относительно до государственныхъ пользъ, отъ Черноморскаго войска происходящихъ. Говорилъ и о томъ еще,

---

[1]) Объ изобиліи на Кубани всякаго рода животныхъ (кабаны, *олени*, козы), птицъ, рыбы, о разнообразіи растительнаго царства (персики, абрикосы, каштаны миндаль...) см. подробный перечень предметовъ фауны и флоры на Кубани—стр. 68—72. Отсюда видно, что по Кубани тогда водились и бобры, и какія то еще „видныхи" (выдры?), кожи которыхъ продавались по 7 р.—„въ разсужденіи блѣдной на нихъ шерсти", т. е. такъ дешево...

[2]) Кираевъ командовалъ егерскимъ баталіономъ, стоявшимъ въ „старой" Таманѣ, вѣроятно, на всякій случай... Стр. 103.

[3]) Два колоса пшеницы (вѣроятно египетской) посланы были Головатымъ, какъ видно для поднесенія императрицѣ чрезъ А. М. Грибовскаго, который „состоялъ при особѣ" Екатерины II, и былъ потомъ пожалованъ въ званіе статсъ-секретаря. См. *Записки А. М. Грибовскаго*, напечатанныя въ январской книжкѣ Русск. Арх. за настоящій годъ.

что вы желаете до того еще, чтобъ *по покореніи сопредѣльныхъ вамъ народовъ, приводить ихъ въ христіанскій законъ, чему иной по легкомыслію смѣется, а иной съ добрымъ вниманіемъ желаетъ успѣха»* (48). Какъ видно изъ этого письма, Головатый и козачье хозяйство устраивалъ, и политику велъ, указывая на «государственныя пользы», которыя должны де произойти отъ Черноморскаго войска... Объ устроеніи кубанскихъ колонистовъ въ это время (1795 г.) Головатый посылалъ подробные отчеты «батьку» кошовому Чепѣгѣ, тогда находившемуся въ польскомъ походѣ, какъ видно, хотя бы и изъ слѣдующаго письма (сентябрь, 1795 г.) — «Слава Богу въ городѣ Екатеринодарѣ и во всѣхъ войсковыхъ предѣлахъ благополучно. Хлѣбъ по малой части въ урожаѣ. Размежеваніе войсковой земли кончилось сего лѣта съ пользою нашею. Церковь скоро заложится. Кирпичный заводъ устроенъ, кирпичъ уже дѣлается на церковь, куренные и войсковые домы. Сосѣди наши, большею частью набережные, сдѣлались очень дружелюбными. Изъ нихъ князь Батыръ-Гирей Щербатый поѣхалъ въ С.-Петербургъ и теперь тамо. Куренныя селенія порядочно заселяются въ своихъ мѣстахъ. Флотилія и пограничная стража благоденствуютъ. Балыковъ, икры и чего потребно, *ровно обстоятельный со дня отсутствія вашего въ Польшу журналъ* [1]) пришлю вамъ въ скорости съ нарочнымъ. По возвращеніи *посланнаго мною съ балыками, щуками и икрою изъ С.-Петербурга* [2]), съ полученными на просьбы мои резолюціами и святостями, милостивою монархинею въ соборную церковь пожалованными, я вижу, что вы моихъ двухъ писемъ не получили»... (62). Изъ этого же письма видимъ, что «соборная церковь» въ Екатеринодарѣ построена была каменная, хотя каменныхъ зданій въ Сѣчи и не было. Такая же каменная церковь построена была и въ Таманѣ: «выстроена на Тамани свято-покровская церковь каменна *съ желѣзною крышею*, съ одною банею (куполомъ), бѣлою жестью покрытою, *обнесена вокругъ каменною оградою*, колокольня же (?) и въ ней монументъ надъ мраморнымъ камнемъ, свидѣтель-

---

[1]) Этотъ въ высшей степени интересный журналъ, заключающій въ себѣ любопытныя черты житейской мудрости Головатаго, напечатанъ тутъ же, стр. 100—106.

[2]) „Прошлаго 1795 г., въ мартѣ мѣсяцѣ, отправлено ко двору ея императорскаго величества и *многому генералитетству* балыковъ 220 паръ, икры 10 пудъ, щукъ 215, которые приняты съ удовольствіемъ...“ Стр. 104.

ствующимъ [1]) дѣянія князя Глѣба» (104). Въ 1797 г. церкви были построены уже во всѣхъ (болѣе 20-ти) «куреняхъ» (279). На устройство церквей въ новыхъ мѣстахъ было обращено особое вниманіе: запорожцы любили благолѣпіе церквей и благолѣпное въ нихъ служеніе. Чепѣга очень хлопоталъ, предъ своимъ епископомъ, чтобы екатеринодарскаго священника Якова Барвинскаго посвятить въ протоіерея, но у Барвинскаго не было никакихъ «аттестатовъ», почему епископъ (екатеринославскій) не имѣя права исполнить просьбу Чепѣги, совѣтовалъ какъ обойти это формальное затрудненіе (117).

Потерявъ на Запорожьи свой знаменитый Самарскій монастырь, запорожцы на первыхъ же порахъ своего кубанскаго жительства стали заботиться объ устройствѣ здѣсь новаго. Въ маѣ 1796 г. запорожцы уже устраивали у себя «монашескую пустынь», какъ видно изъ слѣд. письма ѳеодосійскаго епископа Іоны къ Чепѣгѣ (26 мая 1796 г.): «по требованію вашего превосходительства подъ вновь заводимую войска Черноморскаго монашескую пустынь, наименованную Екатеринолебяжскою Святониколаевскою, заложить мѣсто и на немъ на первый случай трапезную, во именованіе великомученицы Екатерины церковь, далъ я повелѣніе означенной пустыни отцу архимандриту Феофану» (118). О состояніи этой пустыни архимандритъ Феофанъ писалъ въ іюлѣ 1798 г. тогдашнему кошевому Котляревскому: «О постриженіи монаховъ я позволенія никакого не имѣю и нужно просить вамъ у его в.-преосвященства... Къ постригу имѣется до 15-ти человѣкъ, живутъ въ ожиданіи безвыходно третій годъ. Въ пустынѣ выстроено, по плану вамъ извѣстному, а именно: 1-е, на больничномъ мѣстѣ, на востокъ южной стороны построена келія о 6-ти поконхъ, длины 8 саж. и 1 арш. Для церкви больничной и къ прибавленію келіи мѣсто оставлено по пропорціи. 2-е, на востокъ съ сѣверной стороны трапезная церковь длиною 11 саж. и 1 арш. и ширины 4 сажени, въ одной связи; на сѣверъ трапезоповарня, пекарня и келарня. 3-е, особливо на сѣверъ же амбаръ длины 9 сажень, для содержанія разнаго хлѣба и всякой монастырской рухляди. 4-е, погребъ походной. 5-е, ледовня. 6-е, съ проѣзду отъ запада

---

[1]) Рѣчь идетъ о знаменитомъ тмутараканскомъ камнѣ. О перенесеніи его къ таманской церкви Головатымъ см. стр. 25; здѣсь онъ былъ помѣщенъ по распоряженію того же Головатаго, „на четырехъ каменныхъ столбахъ, съ порядочною крышею *откровенно, дабы вся надпись дѣяній князя Глѣба безъ трудности любопытствующимъ видна была...*“

на сѣверъ настоятельскій келій. Все вышеозначенное строеніе покрыто шелевкою сосновою. 7-е, оградою вся пустынь досками сосновыми кругомъ по плану ограждена, съ двумя вратами: 1, съ пріѣзду отъ запада на востокъ, противъ соборной церкви (имѣющейся быть) врата украшены святыми иконами и 2, съ востока на западъ для въѣзда и привозу разныхъ надобностей. Нынѣшнюю весну не строился, а просидѣлъ въ уныніи, наконецъ скучилъ и началъ. 8-е, сего іюля 8 дня, за Божіей помощью, заложилъ по чиноположенію церковному и началъ строить братскія рядовыя келіи, длиною въ 30 сажень отъ запада на востокъ, на сѣверной странѣ, и надѣюсь на зиму достроиться, только будетъ остановка въ кирпичѣ для трубъ. Нѣту того милостивца, у котораго можно бы было выпросить, а у остающихся правителями и за деньги не отпустятъ. Сіи келіи по одному вмѣстятъ 16 человѣкъ. *Ризница Кіево-Межигорская со всею библіотекою при описи отдана покойнымъ княземъ Потемкинымъ покойному преосвященному Амвросію и нынѣ хранится у новороссійскаго и днѣпровскаго митрополита Гавріила.* Я совершенно знаю (?) которую я, ежемѣсячно будучи въ Полтавѣ, нарочито смотрѣлъ съ сердечнымъ сожалѣніемъ. Постарайтеся, Бога ради, выпросить, ибо она тамъ вовсе ненадобна и лежитъ подъ спудомъ. Явите ея на свѣтъ. Митры я и по нынѣ не имѣю и надѣюсь, что она отдѣлана, прошу покорно черезъ оказію прислать...» (347). Это письмо устроителя Лебяжьей пустыни дало поводъ Котляревскому обратиться въ синодъ съ слѣдующимъ ходатайствомъ: «Извѣстился я, что упраздненнаго Кіево-Межигорскаго Преображенскаго монастыря ризница и библіотека находятся подъ сохраненіемъ новороссійскаго и днѣпровскаго митрополита Гавріила безъ употребленія, а какъ нынѣшнее Черноморское войско, составленное изъ Запорожскаго войска, которое во время существованія Сѣчи было оному монастырю укладчикомъ, на вновь пожалованной ему землѣ по высочайшему соизволенію Екатерино-Лебяжскую Николаевскую монастырскую пустынь сооружаетъ, то для вспоможенія оной пустыни объ отдачѣ войску тѣхъ ризницы и библіотеки святѣйшаго правительствующаго синода покорнѣйше прошу учинить милостивое разсмотрѣніе» (349). Синодъ удовлетворилъ ходатайство Котляревскаго, но только относительно той части ризницы сѣчевой церкви, которая хранилась въ Невской Лаврѣ, и объ остальной ризницѣ предложилъ Котляревскому представить болѣе точныя свѣдѣнія—гдѣ она находится. Наведенныя справки указали,

что большая часть сѣчевой ризницы хранилась въ Новомиргородскомъ монастырѣ [1]); тутъ же оказалась и ризница межигорская, между вещами которой оказались, между прочимъ, *сабля и перначъ Семена Палія* (268). Изъ сѣчевой церкви въ Н. Миргородѣ оказалось: «евангелій 11, ризъ болѣе ста, книгъ церковныхъ болѣе 300». Многія вещи изъ этой ризницы были розданы Потемкинымъ въ другія церкви; часть онъ подарилъ въ Николаевъ, въ соборную церковь: «сѣчевое евангеліе одно, крестъ *золотой* одинъ и десять ризъ парчевыхъ богатыхъ». Послѣ многихъ стараній «Черноморскому войску» удалось выхлопотать возвращеніе, повидимому, значительной части бывшей сѣчевой ризницы; подробный списокъ предметовъ этой ризницы напечатанъ на стр. 269—273. Между евангеліями, обращаетъ на себя вниманіе евангеліе, пожертвованное въ сѣчевую покровскую церковь въ 1763 г. тогдашнимъ войск. судьею Петромъ Калнишевскимъ (позже—кошевымъ). Евангеліе это «съ серебромъ, каменьемъ и позолотою» оцѣнено въ 1025 рублей. Тутъ же въ спискѣ показаны: «потиръ, тарелочка, звѣзда, лжица и копіе, *оказавшіеся* въ 1793 году *при экипажѣ* покойнаго князя Потемкина». На устройство «пустыни» «войско» отпустило изъ своей казны тридцать тысячъ, кромѣ мельницъ, рыбныхъ заводовъ, пчелъ и разнаго скота. Въ 1799 г. Котляревскій очень заботился объ упорядоченіи монастырскаго хозяйства и сдѣлалъ распоряженіе о приведеніи въ точную извѣстность монастырскаго имущества (384 и 390) [1]).

Устройство кубанскихъ колонистовъ шло нормальнымъ путемъ до января 1797 г., когда почти въ одно время умерли *столпы* «войска»—кошевой Чепѣга (16 января) и судья Головатый (28 января). Несомнѣнно, что оба эти лица положили много труда на устройство запорожской колоніи на берегахъ Кубани и будущій ея историкъ подробно опишетъ эти заслуги. Здѣсь же скажемъ, что Чепѣга и Головатый, преслѣдуя одну цѣль, принадлежали къ совершенно различнымъ типамъ. *Чепѣга* сохранилъ черты запорожцы старыхъ временъ; онъ, повидимому мало заботился о личныхъ своихъ дѣлахъ, можетъ быть потому, что остался неженатымъ, въ то время

---

[1]) Заштатный городъ Новомиргородъ находится въ Елисаветгр. уѣздѣ. Монастырь, кажется, теперь не существуетъ.

[1]) О теперешнемъ состояніи Лебяжьей пустыни см. Ставроп. Епарх. Вѣдом. 1898 г., № 24. Какъ извѣстно, съ 1849 г. у кубанцевъ существуетъ и женскій монастырь—*Маріинская пустынь*. О ней см. тамъ-же, стр. 1237—1240.

какъ Головатый, ревнуя объ устроеніи «войска», не забывалъ и личныхъ интересовъ.—Чепѣга очень хорошо характеризуется изъ его письма, писаннаго въ мартѣ 1796 года, къ Головатому [1]), послѣ польскаго съ Суворовымъ похода. Приводимъ здѣсь полностью это письмо. «Благодарствую вамъ покорно за добрыя желанія ваши и за поклоны отъ почтеннѣйшей *супруги вашей Ульяны Григорьевны*, любезныхъ сыновъ и дочерей вашихъ, въ письмѣ своемъ отъ 8 февраля изъясняемыя. Мнѣ пріятно, что Богъ послалъ вамъ такихъ любезныхъ дѣтей, дай Боже, шобъ здорови да долголѣтни булы.

Походъ въ Польшу былъ, слава Вседержителю нашему Богу, благополучный. Корпусъ нашъ подъ начальствомъ генерала Дерфельдена шелъ до Слонима и мы, бывши съ польскими мятежниками на восьми небольшихъ сраженіяхъ, гнали ихъ, якъ зайцивъ ажъ до самой Праги, что насупротивъ столичнаго города Варшавы, и тутъ уже, по соединеніи съ батькомъ графомъ Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ-Рымникскимъ, обступивши, доклали воза и всѣхъ непріятелей, въ Прагѣ бывшихъ, выкололи, а решику (решту?) вытопили въ Вислѣ. Тутъ ихъ наклали, такъ якъ мосту. На Варшаву, якъ учали съ гарматъ стрѣлять и влучать [2]) по королевскихъ будинкахъ, такъ вона заразъ и сдалась. Послѣ сего все ихъ людское воинство истреблено, а жители обезоружены, для лучшаго же увѣренія прилагаю у сего копію съ письма ихъ польскаго короля Станислава, писаннаго къ государынѣ въ 1794 году. Батько нашъ графъ Александръ Васильевичъ, также, бачу, по нашему ляховъ не любитъ, и я думаю, ихъ (ижъ?) Польша сего гостя повѣкъ не забуде. *Вы рекомендуете дочку Лидію въ невѣсты.* Благодаренъ Вамъ, пусть буде здорова и премноголѣтня. Жаль, что изъ Польши пришовъ, такъ доси не оженився, все тымъ, що нема счастья. Особливо въ Польшѣ хотѣлось полячку забрать, такъ никого было въ старосты взяты. Не знаю, якъ дале уже буде. Я и тутъ надыляюсь сватать княгинь черкескихъ у горскихъ князей. Во время слѣдованія моего съ полками, въ октябрѣ мѣсяцѣ, съ Польши, имѣлъ слу-

---

[1]) Въ текстѣ „Сборника" письмо это означено адресованнымъ какому-то *Петру Михайловичу NN*, но, повидимому, адресатъ здѣсь обозначенъ ошибочно, такъ какъ женою его называется Ульяна Григорьевна, а это была жена Головатаго, какъ видно изъ словъ его невѣстки, приводимыхъ на стр. 285.

[2]) *Влучать* значитъ мѣтить, попадать. Видимо, что слово это и теперь живущее происходитъ отъ слова *лукъ*, стрѣлы котораго влучади въ цѣль.

чай въ почтенной матушки вашей Булацельшѣ быть, гдѣ и съ ихъ любезнымъ шуриномъ вашимъ угощенъ былъ отмѣнно, и не только мы всѣ кампаніею, но и кони ваши были довольны, что мнѣ чрезвычайно пріятно было, за что и вамъ, равно и Ульянѣ Григорьевнѣ усерднѣйше благодаренъ [1]) (116).

Головатый имѣлъ большую семью и старательно заботился объ ея обезпеченіи. При описи имущества Головатаго, послѣ его смерти, оно было оцѣнено въ 215 тысячъ рублей. При его дер. Веселой значилось земли 35 тыс. десятинъ и крестьянъ 49 д. об. п. [2]) Любопытно, что когда въ январѣ 1796 г. Зубовъ приказывалъ Чепѣгѣ отрядить въ персидскій походъ «тысячу самыхъ отборныхъ молодцевъ съ добрыми старшинами» (163), то въ то же время извѣстный Грибовскій писалъ Головатому: «его с—во гр. Пл. Ал—чъ пишетъ къ вамъ (т. е. передаетъ черезъ Грибовскаго) чтобы вы, *если хотите*, шли съ командою въ Астрахань (т. е. въ персидскій походъ), но сіе предоставляетъ собственно на волю вашу и отнюдь вамъ въ вину не поставится, *если вы останетесь дома. Я говорю вамъ то, что знаю*». (163). Не смотря на это письмо, Головатый «за особливое счастье и долгъ поставилъ самъ себя къ сему походу изготовить и въ февралѣ 1796 г. повелъ въ походъ два полка «отборныхъ молодцевъ». Почти годъ пробылъ Головатый въ этомъ походѣ и «имѣя командированіе каспійскимъ флотомъ на Кизиль-Агацкой рейдѣ и войсками на полуостровѣ Камышевани состоящими, генваря въ 28, день скончалъ животъ свой, а 29 съ отличною церемоніей отъ морскихъ и сухопутныхъ силъ погребенъ» (223).

---

[1]) Отсюда можно думать, что жена Головатаго была рожденная Булацель.

[2]) Слѣдуетъ думать, что эта д. Веселая находилась гдѣ нибудь въ Херсонской губерніи, въ которой съ этимъ названіемъ селъ существуетъ не меньше десятка. Часть крестьянъ изъ Веселой Головатый перевелъ на Кубань и здѣсь ихъ „отпустилъ свободно“, какъ это видно изъ сообщенія Котляревскаго, который въ 1798 г. писалъ, что „Головатый за жизнь при разговорахъ съ покойнымъ кошовымъ Чепѣгою о удерживаемыхъ многими помѣщиками людяхъ, сему войску (Кубанскому) принадлежащихъ, многократно напоминалъ объ оныхъ людяхъ тако: „я же своихъ людей, по желанію ихъ, вышедшихъ въ Черноморское войско на службу государеву, не только бывшихъ запорожцевъ, но какіе бы они не были, за ихъ усердіе къ службѣ, *отпустилъ* свободно. Чему соотвѣтствуя и кошовый Чепѣга про своихъ *подданныхъ людяхъ* тоже самое говорилъ“. (337). Изъ этого любопытнаго свидѣтельства, видно, что послѣ разоренія сѣчи многіе запорожцы были сначала записаны въ „подданные“, а потомъ, конечно, и закрѣпощены. Какъ видно и у Головатаго были „подданные“ изъ запорожцевъ.

Такимъ образомъ основателю Кубанской колоніи запорожцевъ пришлось сложить голову на далекомъ и пустынномъ берегу Каспійскаго моря, гдѣ могила его, конечно, сразу была потеряна. Вѣсть о смерти Головатаго дошла до Петербурга не скоро, такъ какъ 21 марта 1797 г. подписанъ былъ указъ сенату о «пожалованіи войскового судьи бригадира Головатого кошовымъ атаманомъ войска Черноморскаго». (243). Какъ видно, назначеніе это послѣдовало въ силу той извѣстности, которою Головатый пользовался не только дома, но и въ Петербургѣ. Но конечно вѣсть о смерти Головатаго въ столицу дошла вслѣдъ засимъ, и кошовымъ былъ пожалованъ войск. писарь Котляревскій. При немъ положеніе общественныхъ дѣлъ въ Кубанскомъ «войскѣ» круто измѣнилось. Котляревскаго не любили вообще, не любили его умершіе Чепѣга и Головатый; не любило его и все «войско». Повидимому, склонность къ интригѣ Котляревскаго была главною причиною этой нелюбви. Котляревскій назначенъ былъ кошевымъ лѣтомъ 1797 г., а черезъ годъ, лѣтомъ 1798 г. «черноморское войсковое правительство» доносило между прочимъ этому кошевому»: къ первому стѣсненію сего войска, которое за прежнихъ начальниковъ кошового Чепѣги и судьи Головатаго разными обстоятельствами *претерпѣло въ состояніи своемъ великое разореніе* такъ что и ввѣренныя ему границы въ разсужденіи малаго его (войска) количества и крайней скудости защищаетъ съ нуждою, *о чемъ ваше в. благородіе, будучи извѣстны, и его и. величеству всеподданнѣйше донесли, какъ и сіе правительство увѣдомили...»* (319). Видно, что донесеніе это писано по внушенію Котляревскаго, который при всякомъ удобномъ случаѣ набрасывалъ тѣнь на дѣятельность умершихъ Чепѣги и Головатаго (426), а иногда указывалъ факты будто бы несомнѣнныхъ ихъ преступленій (441). Непріязнь «войска» къ Котляревскому рѣзко выразилась при волненіяхъ козаковъ, вернувшихся изъ персидскаго похода, которые претендовали за какія-то «обиды, претерпѣнныя въ персидскомъ походѣ» (409). Котляревскій не смогъ успокоить этого «бунта» именно вслѣдствіе не популярности среди козаковъ, которые, вовсе не хотѣли признавать его кошевымъ. Когда для усмиренія «бунта» прибылъ въ Екатеринодаръ полковникъ Пузыревскій (присланный изъ Петербурга собственно для инспектированія на югѣ кавалерійскихъ полковъ), то, по словамъ самаго Котляревскаго, „бунтующихся козаковъ благоразумными совѣ-

тами смирилъ; а когда на другой день, при собраніи у войсковой церкви, тотъ полковникъ объявилъ козакамъ, что его, Котляревскаго, его и. величество пожаловалъ войсковымъ атаманомъ, то они первѣе всего громко, единогласно и многократно кричали такъ: «не хотимъ, чтобъ онъ, Котляревскій, былъ намъ атаманомъ!... За что же они намѣревали меня не принять начальникомъ, а стремились убить, я знать не могу»... (Стр. 425—27). Объ этомъ событіи подробно потомъ доносило «войсковое правительство» въ военно-судную коммиссію (въ апрѣлѣ 1798 г.), при чемъ народное недовольство противъ Котляревскаго выражалось въ такой формѣ криковъ: «пущай де уже Котляревскій пануе, покуда мы его кое-какъ избудемъ, ибо онъ у насъ не будетъ долго пановати» (455). «Тѣсно стало Котляревскому въ войскѣ отвсюду» (427) и онъ уѣхалъ въ Петербургъ «для испрошенія о войсковыхъ нуждахъ высочайшей милости» (428). Въ Петербургѣ же Котляревскій писалъ свои объясненія противъ жалобъ на него «бунтовщиковъ» (331). Въ Петербургѣ Котляревскій нашелъ благопріятелей въ лицѣ такихъ ловкихъ царедворцевъ, какъ, напр., гр. Морковъ, (457) и вернулся на Кубань въ декабрѣ 1798 г. съ большими полномочіями, при чемъ, для особой помпы этого возвращенія, въ Екатеринодарѣ устроена была такая встрѣча возвратившемуся «атаману»: «Командиры войска честь ему отдали, семъ разъ выстрѣлено изъ пушекъ, съ пиками и знаменами, церковными знаками, войсковыми то-жъ, и священники съ полнымъ церковнымъ уборомъ его Котляревскаго встрѣтили, да еще по повелѣнію священника войсковые дьячки пѣли воскресный тропарь Котляревскому— «днесь спасеніе міру бысть, поемъ воскресшему изъ гроба и начальнику жизни нашея, разрушивъ бо смертію смерть, побѣду даде намъ и велію милость» (485). «Велія милость» между прочимъ заключалась и въ томъ, что Котляревскому дано было въ столицѣ право «уничтожить въ войскѣ великое разстройство и безпорядокъ» и «исправить оное на истинный путь повиновеніемъ власти» (457). Для этого Котляревскій рѣшилъ прежде всего перемѣнить куреныхъ атамановъ и избрать новыхъ изъ «честнаго и самонадежнѣйшаго общества». «Для чего почитаю за нужное быть въ каждомъ куренѣ атаманомъ, примѣрно бывшимъ въ войскѣ запорожскомъ, вѣжливымъ, расторопнымъ, разумѣющимъ страхъ Божій, страхъ государевъ и грозящіе его законы, также воинскую службу и хозяйственное распоряженіе» (340). Но «войско» и тутъ заявило свой протестъ противъ

Котляревскаго, называя его «самозванцомъ и бѣглецомъ», такъ какъ не повѣрило тому, что онъ по высочайшему повелѣнію «пожалованъ войску Черноморскому въ войсковые атаманы, произведенъ генералъ-майоромъ и отправленъ для управленія своимъ войскомъ» (458). Такъ писалъ самъ Котляревскій въ январѣ 1799 г. Впрочемъ «благомыслящее общество» козаковъ должно было покориться Котляревскому, и онъ началъ безпрепятственно «уничтожать въ войскѣ разстройство и безпорядокъ». Но кажется, что усердіе Котляревскаго перешло нужную мѣру, такъ какъ въ февралѣ 1799 г. на его имя данъ былъ слѣдующій рескриптъ императора Павла: «Господинъ генералъ-майоръ Котляревскій! По полученному мною донесенію вашему отъ 14 февраля, повелѣваю вамъ никакихъ перемѣнъ не дѣлать во ввѣренныхъ вамъ Черноморскихъ войскахъ, которыхъ хочу оставить въ томъ же положеніи, какъ были при восшествіи моемъ на всероссійскій престолъ» (255).

Изъ проведенныхъ выпусковъ видно, какія научно-интересныя свѣдѣнія для исторіи Кубанской колоніи запорожцевъ заключаются въ четвертомъ томѣ «Сборника матеріаловъ». Издатель послѣдняго конечно, заслуживаетъ полной благодарности за обнародованіе такихъ важныхъ матеріаловъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожалѣть, что г. Дмитренко и въ теперь изданномъ томѣ, какъ и въ первыхъ трехъ, опускаетъ *надписи* и *подписи* въ напечатанныхъ бумагахъ. Эти опущенія затемняютъ значеніе нѣкоторыхъ бумагъ и являются причиною недоразумѣній, какое встрѣчаемъ, напр., въ письмѣ Чепѣги (№ 125) которое, повидимому, писано было вовсе не къ Петру Михайловичу N. N., какъ значится въ книгѣ.

Будемъ ожидать послѣдующихъ томовъ „Сборника", такъ какъ кубанскій войсковой архивъ, повидимому, хранитъ въ себѣ богатый запасъ «матеріаловъ».

А. Л.

Памятники, *изданные Кіевскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Томы I—II и III (въ двухъ книгахъ.) Изданіе второе, съ дополненіями. Кіевъ. 1898 г. 8 д. л. I и II т.т.—VI+616 и III т.—XVI+600 стр. Цѣна по 2 р. за каждую книгу.*

Въ этомъ изданіи давно настояла потребность. «Памятники», какъ извѣстно, принадлежатъ къ начальнымъ изданіямъ Кіевской

Археографической Коммиссіи. Первый томъ ихъ вышелъ въ свѣтъ въ 1845 г., второй въ 1846, третій въ 1852 и четвертый въ 1859 годахъ. Послѣдній томъ еще имѣется въ продажѣ, но первые три давно сдѣлались библіографическою рѣдкостью; между тѣмъ научная цѣнность заключающихся въ нихъ историческихъ матеріаловъ нисколько не ослаблена временемъ. Здѣсь помѣщены, напримѣръ, такіе драгоцѣнные документы, какъ памятники южно-русскихъ церковныхъ братствъ: Луцкаго, Кіевскаго и Львовскаго, описи королевскихъ и частновладѣльческихъ имѣній XVI—XVII ст. и въ особенности—обширная политическая переписка правительственныхъ и частныхъ лицъ, относящаяся къ войнамъ Б. Хмельницкаго, гетманству Выговскаго и Юрія Хмельницкаго. Весьма многіе изъ этихъ матеріаловъ извлечены изъ архива, давно потеряннаго для нашего края: разумѣемъ богатѣйшій архивъ и библіотеку бывшаго кіевскаго помѣщика Каэтана Свидзинскаго. Онъ состоялъ нѣкогда почетнымъ членомъ Коммиссіи и щедрою рукою обогащалъ ее сокровищами изъ своего драгоцѣннаго собранія. Послѣ его смерти это собраніе было увезено изъ края и до сихъ поръ пребываетъ подъ спудомъ въ Варшавѣ.

Новое изданіе первыхъ трехъ томовъ «Памятниковъ» не есть простая перепечатка прежняго. Не говоря о томъ, что въ новомъ изданіи документы расположены въ болѣе строгомъ хронологическомъ порядкѣ, свѣрены съ подлинниками и снабжены болѣе точными заголовками,—здѣсь мы встрѣчаемъ значительное число (78 нумеровъ) совершенно новыхъ документовъ по содержанію однородныхъ съ прежде изданными. Такіе документы распредѣлены почти по всѣмъ отдѣламъ каждаго тома. Болѣе другихъ пополнены: отдѣлъ документовъ, относящихся къ исторіи Луцкаго братства и въ особенности отдѣлъ «Матеріаловъ по исторіи Малороссіи». Новые матеріалы извлечены изъ разныхъ источниковъ: изъ Центральнаго Архива, изъ рукописнаго собранія Коммиссіи и болѣе всего изъ Московскаго Архива Министерства Иностр. Дѣлъ. Наиболѣе интереснымъ изъ такихъ вновь прибавленныхъ матеріаловъ слѣдуетъ признать краткую Лѣтопись о войнахъ Хмельницкаго (1647—1656 г.), составленную кѣмъ-то изъ поляковъ, принимавшимъ въ ней личное участіе. Она представляетъ совершенную аналогію съ козацкими лѣтописями о тѣхъ же событіяхъ и отличается рѣдкимъ безпристрастіемъ. Хорошо сдѣлала редакція новаго изданія «Памятниковъ», что помѣстила подлинный

текстъ записки Криштофа Перетятковича объ услугахъ, оказанныхъ имъ Рѣчи-Посполитой въ дипломатическихъ сношенiяхъ съ козаками въ 1657—1659 г.г. Когда то, лѣтъ 25 тому назадъ, русскiй переводъ этой записки былъ напечанъ, въ Кiевскихъ «Университ. Извѣстiяхъ» въ числѣ студенческихъ работъ, подлинный же текстъ ея не былъ изданъ; между тѣмъ въ запискѣ сообщаются драгоцѣнныя свѣдѣнiя объ исторiи составленiя «Гадацкихъ пактовъ», о семьѣ Выговскаго, о Сомкѣ и др. старшинахъ. Не лишены также интереса документы, заключающiе новыя извѣстiя о взятiи козаками Люблина въ 1655 г., объ оккупацiи козацкими войсками Волыни и Полѣсья въ 1658—59 гг., о Коноторской битвѣ и проч.

Въ прежнемъ изданiи акты на западно-русскомъ языкѣ были напечатаны церковно-славянскимъ шрифтомъ, и всѣ тексты — не только латинскiе и польскiе, но даже западно-русскiе—снабжены переводами на русскiй языкъ; теперь славянскiй шрифтъ совершенно основательно замѣненъ русскимъ, а переводы исключены, какъ ненужные для спецiалистовъ и лишь безъ надобности увеличивавшiе объемъ изданiя. Этимъ путемъ достигнутъ тотъ выигрышъ, что прежнее трехъ-томное изданiе, въ общей сложности занимавшее болѣе 150 печатныхъ листовъ, теперь помѣстилось въ двухъ книгахъ, по 40 печ. листовъ въ каждой, несмотря на то, что новое изданiе почти на $1/5$ обогащено новыми матерiалами и снабжено подробными (личнымъ и географическимъ) указателями. Въ тѣхъ же видахъ сокращенiя издержекъ по изданiю, исключена большая часть рисунковъ и палеографическихъ снимковъ, приготовленныхъ къ первому изданiю, съ сохраненiемъ лишь двухъ видовъ Кiева, рисованныхъ въ 1651 году. На этихъ рисункахъ изображены: сухопутное (у стѣнъ Кiево-Подола) и рѣчное (на Днѣпрѣ) сраженiя козаковъ, какъ кажется, съ войсками литовскаго гетмана Радзивилла. Къ сожалѣнiю, ни въ новомъ, ни въ прежнемъ изданiяхъ къ этимъ интереснымъ рисункамъ не достаетъ необходимаго объясненiя относительно ихъ происхожденiя. Вѣроятно, прежняя редакцiя не догадалась этого сдѣлать, а новая—не имѣла нужныхъ для такого объясненiя данныхъ.

Ѳ. М.

Труды черниговской губернской архивной коммиссіи. *1897—1898. Вып. 1. Черниговъ. Стр. 1—64 и 1—48.*

Черниговская архивная коммиссія возникла въ 1896 г., а правильно функціонировать начала съ іюля 1897 года. Теперь передъ нами лежитъ первый выпускъ ея трудовъ. Книжка эта распадается на два отдѣла: первый—бóльшій заключаетъ въ себѣ разсказъ объ учрежденіи Коммиссіи и протоколы первыхъ ея засѣданій, во второмъ напечатанъ рядъ документовъ, касающихся святителя Θеодосія Углицкаго, архіепископа черниговскаго, и вѣновный реестръ, т. е. опись приданого, полученнаго въ 1786 г. поручикомъ А. А. Θедоровичемъ за А. В. Зарудною. О св. Θеодосіи напечатано 26 документовъ, частью до сихъ поръ неизданныхъ, частью перепечатанныхъ изъ другихъ изданій. Мы не можемъ, конечно, не поблагодарить издателя документовъ А. А. Доброгаева за перепечатку нѣкоторыхъ изъ нихъ изъ «Черниг. Губ. Вѣдомостей» за старые годы, но думаемъ, что не было надобности перепечатывать другіе изъ такихъ доступныхъ изданій, какъ «Историко-стат. описаніе Черниг. епархіи», «Акты южн. и зап. Россіи», «Лѣтопись» Величка. Не можемъ также не указать на то, что примѣчанія издателя большею частію не совсѣмъ удовлетворительны и могутъ только ввести въ заблужденіе мало свѣдущаго читателя. Приведемъ два-три примѣра. О Нѣжинѣ говорится слѣдующее: «Нѣжинъ, по лѣтописи Унѣжа, извѣстенъ съ 1147 г.; когда Ольговичи «пошли на Глѣба къ Чернигову». Въ 1326 г. Нѣжинъ былъ покоренъ литовцами, а въ 1386 г. онъ былъ староствомъ польскимъ. Въ 1618 г. онъ былъ подъ властію Москвы, а при Сигизмундѣ опять не надолго подпалъ подъ власть поляковъ. Съ 1636 г. Нѣжинъ уже резиденція нѣжинскаго полковника» (Труды отд. II, стр. 15). Въ лѣтописи подъ 1147 г. упоминается не Унѣжа, а Уненѣжъ и вовсе не потому поводу, что Ольговичи пошли на Глѣба, да и пошли то они не на Глѣба, а черезъ городъ Глѣбль («на Глѣбль»), а потому, что Изяславъ и Ростиславъ Мстиславичи сожгли Уненѣжъ вмѣстѣ съ другими городами (см. Ипат. лѣт. стр. 252). Откуда, наконецъ, авторъ примѣчаній взялъ, что Нѣжинъ былъ взятъ литовцами въ 1326 г. или что онъ былъ *польскимъ* староствомъ въ 1356 г., т. е. въ моментъ первой династической уніи Литвы съ Польшей; если въ грамотѣ Сигизмунда III, данной Нѣжину въ 1625 году, читаемъ «...городище наше Нѣжинъ, въ

княжествѣ Черниговскомъ лежащее, теперь *новооселое*» (см. Лазаревскій. Описаніе ст. Малороссіи, II, 51). Откуда, далѣе, г. Доброгаеву извѣстно, что Нѣжинъ былъ полковничьею резиденціею съ 1636 г., когда первый извѣстный нѣжинскій полковникъ Шумейко упоминается только въ 1649 г. (см. Лазаревскій, II, 3). О Новгородѣ-Сѣверскѣ г. Доброгаевъ говоритъ: „Въ 1033 г. Мстиславъ Владимировичъ одержалъ при помощи Новгородсѣверцевъ побѣду надъ Кіев. княземъ Ярославомъ, и въ память ихъ храбрости назвалъ ихъ городъ княжествомъ. Тяжелая рука Батыя не пощадила Н.—онъ былъ разоренъ татарами. Въ 1686 г. послѣ мира Яна Собіесскаго, Н. перешелъ въ подданство Россіи и сдѣланъ сотеннымъ городомъ». (Труды II, 38). Опять рядъ ошибокъ. Столкновеніе Мстислава съ Ярославомъ было не въ 1033, а въ 1024 году, и помогали Мстиславу, не новгородсѣверцы, а сѣверяне, т. е. жители всей Сѣверской земли; (Ип. лѣт., стр. 103—104). Далѣе, ни при Мстиславѣ, ни позднѣе до конца XI ст. ни о какихъ князьяхъ Новгородъ-Сѣверскихъ лѣтописи не упоминаютъ; Черниговo-Сѣверское княжество дѣлится на два только по любецкому договору 1097 г. Къ Московскому государству Н.-С. былъ присоединенъ при Иванѣ III и перешелъ къ полякамъ только по Деулинскому договору, изгнаны же отсюда поляки были въ 1648 г. На стр. 32 мѣстечко Мена ошибочно названо заштатнымъ городомъ. Не лучше и біографическія свѣдѣнія объ упоминаемыхъ въ документахъ лицахъ. Такъ на стр. 13 г. Доброгаевъ смѣшиваетъ двухъ Яковов Лизогубовъ—черниг. полковника Якова Кондратьевича Л-ба, отличившагося подъ Азовомъ въ 1696 г. и умершаго въ 1698 г., съ его внукомъ Яковомъ Ефимовичемъ Л-мъ, генеральнымъ обознымъ, умершимъ въ 1750 году. Къ тексту документовъ приложено 4 прекрасно исполненныхъ снимка съ документовъ.

Мы указали на недостатки, которыми отличается 1-й выпускъ Трудовъ Черниговской Архивной Коммиссіи. Не сомнѣваемся, что издатели внимательнѣе отнесутся къ слѣдующимъ выпускамъ. Новое дѣло всегда налаживается съ трудомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не выразить живѣйшаго сочувствія къ первой въ нашемъ краѣ архивной коммиссіи и не пожелать ей успѣшной дѣятельности. То горячее участіе, съ какимъ отнеслись къ ней представители мѣстной администраціи (особенно черниг. губернаторъ Е. К. Андреевскій и губернскіе предводители дворян-

ства—нынѣшній кн. Н. Д. Долгоруковъ и бывшій гр. Г. А. Милорадовичъ), а равно губернское и уѣздныя земства и общественныя управленія многихъ городовъ Черниговской губ., ассигновавшія ей единовременныя и ежегодныя пособія, служитъ ручательствомъ, что коммиссія будетъ имѣть возможность работать, если найдутся работники, а матеріала для работы и въ Черниговѣ, и въ Черниговской губ.—непочатый уголъ.

Е. К.

Воспоминанія и дневники Адр. Мойс. Грибовскаго. *Съ подлинной рукописи. (Русск. Арх. 1898 г., № 1, стр. 1—166).*

Записки извѣстнаго статсъ-секретаря Екатерины II Грибовскаго были изданы уже два раза: въ Москвитянинѣ 1847 г., а въ другой разъ—полнѣе—въ 1864 г., отдѣльною книжкою. «Дневники» печатаются теперь въ первый разъ. Грибовскій уроженецъ г. Лубенъ (Полт. губ.), гдѣ отецъ его «служилъ есауломъ *напольнаго* малороссійскаго казачьяго войска», какъ говоритъ теперешній издатель дневниковъ. Слово *напольный* здѣсь кѣмъ то выдумано; слѣдуетъ полагать, что отецъ Грибовскаго былъ есауломъ Лубенскаго *городоваго* полка. Сынъ этого есаула началъ было дѣлать блестящую карьеру, попавъ въ статсъ-секретари Екатерины II, но смерть императрицы оборвала эту карьеру и Грибовскій былъ высланъ изъ Петербурга, а черезъ годъ попалъ и въ крѣпость. Настоящій издатель его воспоминаній отмѣчаетъ у Грибовскаго «полное отсутствіе ма обособленности въ характерѣ». Въ воспоминаніяхъ Грибовскаго для насъ интересны сообщаемыя имъ свѣдѣнія о Безбородкѣ (стр. 6—9) и Трощинскомъ (стр. 14). О первомъ, котораго Грибовскій называетъ «нашимъ гетманцемъ», говорится, что онъ былъ неспѣсивъ, въ обхожденіи ласковъ, привѣтливъ и нѣсколько застѣнчивъ; *всѣхъ даже послѣднихъ чиновниковъ называлъ вы*... Упоминаетъ Гр—ій о какой-то *запискѣ графа Безбородко о Малороссіи*, составленной, повидимому, для императрицы. О Трощинскомъ Гр—ій отмѣчаетъ *въ 1832 г.*, добытое имъ лишь теперь свѣдѣніе, что «Дм. Прок. Тр—ій происходилъ изъ казаческаго званія Черниговской губерніи...» Упоминаетъ Гр—ій еще о томъ, что когда «рагузинецъ»

Алтести потерялъ кредитъ у Зубова, то «бывшія у него на рукахъ дѣла отданы были помощнику его по иностранной части Полетикѣ». Къ этимъ словамъ издатель Русск. Арх. дѣлаетъ примѣчаніе: это сочинитель «Исторіи Малороссіи», приписанной преосвящ. Георгію Кониссскому». Если при этомъ разумѣется Григорій Андреевичъ Полетика, то послѣдній умеръ въ 1784 г., когда Зубовъ, при дворѣ еще и не появлялся. Упоминаемый Гр—имъ Полетика былъ Григорій Ивановичъ, двоюродный братъ предполагаемаго автора *Исторіи Русовъ.*

Для характеристики самого Грибовскаго, какъ общественнаго дѣятеля, интересно слѣдующее мѣсто его воспоминаній. «Судъ надъ Измайловымъ кончился тѣмъ, что показанія большею частью нелѣпыя и противорѣчащія дворовыхъ людей о его распутной жизни уважены; его велѣно передать за блудодѣяніе и небытіе на исповѣди и причастіи церковному покаянію, а имѣніе содержать въ опекѣ самому же ему жить въ деревнѣ безвыѣздно. Свидѣтельство многихъ благородныхъ дворянъ о его пристойной и честной жизни и хорошемъ съ своими дворовыми людьми обращеніи оставлено безъ уваженія, потому что они сосѣди и ему знакомы; но кто же и можетъ знать о жизни сосѣда какъ не сосѣди?... *) Теперь спрашивается, какъ обходиться помѣщику съ дворовыми крѣпостными своими людьми? Люди сіи, вообще находясь въ невѣжествѣ, рѣдко бываютъ добронравны: при тихости господина бываютъ пьяницы и развратны, а при строгости злобны, дерзки и опасны, особливо при теперешней (1831 г.) потачкѣ со стороны правительства. Законныхъ правилъ, какъ съ ними господамъ обходиться, нѣтъ. По прежнимъ обычаямъ они отданы въ неограниченную власть и зависимость своихъ господъ которые могли тѣлесно ихъ наказывать и только не имѣли на лишать ихъ жизни; а законами подъ жестокою казнію запрещено имъ на господъ своихъ доносить, кромѣ первыхъ двухъ пунктовъ. Но обычаи измѣнились, законы вышли изъ употребленія (?), и правительство, просвѣщенное новымъ образованіемъ, считая, что прежнее крѣпостное право помѣщиковъ надъ крестьянами не совмѣстно съ теперешнимъ временемъ и полагая, что надобно оное ограничить,

*) О *жестокости* обращенія Измайлова съ его крѣпостными см. обширную статью г. Славучинскаго—„Генералъ Измайловъ и его дворня",—въ послѣднихъ книжкахъ „Древн. и Нов. Россіи" 1876 г.

уже около 40 лѣтъ какъ начало принимать отъ крѣпостныхъ людей доносы на помѣщиковъ, вмѣшиваться во внутреннее ихъ управленіе крестьянами и за жестокое обращеніе налагать на первыхъ разныя взысканія. Черезъ сіе помѣщики поставлены въ большое затрудненіе и опасность, а злонамѣреннымъ и дышащимъ своевольствомъ крѣпостнымъ людямъ данъ поводъ къ возмущенію противъ своихъ господъ и къ доносамъ на нихъ. Но извѣстно, что, по невѣжеству и грубости крестьянъ и дворовыхъ людей, невозможно со многими изъ нихъ обходиться безъ строгости, особливо при хозяйственныхъ работахъ. Помѣщики, обязанные въ голодное время кормить своихъ крестьянъ, должны стараться на это приготовлять излишній запасъ хлѣба, слѣдовательно и крестьянъ къ работамъ понуждать. Но правительство въ это не входитъ, а требуетъ только, чтобъ помѣщики обходились съ крестьянами своими безъ строгости и въ голодное время ихъ кормили; въ противномъ случаѣ имѣніе велѣно брать въ опеку. Въ семъ случаѣ, если бы помѣщикъ съ своимъ семействомъ остался безъ прислуги и безъ пропитанія, то правительству также до этого дѣла нѣтъ, а только требуется, чтобъ крестьяне и дворовые люди были удовлетворены и казенныя повинности исправлены. Посему правительство обязано для общаго спокойствія постановить точныя правила, какъ для помѣщиковъ, такъ и для ихъ подданныхъ, какимъ порядкомъ первымъ съ послѣдними обращаться и ограничить взаимныя ихъ обязанности, т. е. до какой степени власть первыхъ и зависимость послѣднихъ должны простираться и какимъ взысканіямъ за нарушеніе сихъ правилъ обѣ стороны должны подвергаться. Нынѣшнее же помѣщиковъ къ своимъ людямъ отношеніе нестерпимо...»

Въ этомъ *голосѣ помѣщика* для насъ интересно слышать, что уже первое поколѣніе разныхъ „обозныхъ“ и „есауловъ“, будучи поставлено въ благопріятныя условія, настолько освоилось съ крѣпостнымъ правомъ, что считало себя въ правѣ даже протестовать хотя бы противъ малѣйшаго правительственнаго начинанія, направленнаго къ облегченію крѣпостнаго состоянія....

А. Л.

Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ инославнымъ, религіозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви. К. Харламповича. *Казань, 1898 г. Стр. XIII+524, съ приложеніемъ именного и географическаго указателей. Цѣна 3 р. съ пересылкою.*

Отлагая подробный отзывъ, объ этой цѣнной въ научномъ отношеніи книгѣ до другого времени, считаемъ нужнымъ покамѣстъ познакомить читателей съ ея богатымъ и интереснымъ содержаніемъ. Въ первомъ отдѣлѣ авторъ подробно обозрѣваетъ существовавшія въ западной Россіи въ XVI—XVII вв. *католическія школы:* каѳедральныя и приходскія, іезуитскія, духовныя семинаріи и Замостьскую академію. Второй отдѣлъ посвященъ *протестантскимъ школамъ*, возникшимъ въ Литвѣ и Зап. Руси въ половинѣ XVI ст. Въ третьемъ, самомъ обширномъ отдѣлѣ изложена исторія *православныхъ училищъ:* приходскихъ и монастырскихъ, Острожскаго училища и всѣхъ (большихъ и малыхъ) братскихъ школъ. Наконецъ, послѣдній отдѣлъ посвященъ обзору *уніатскихъ* училищъ. Авторъ пользовался громадной массой источниковъ и пособій (русскихъ, польскихъ и иностранныхъ) и изложилъ свой предметъ съ достаточной полнотой.

Гдѣ обучалось подольское духовенство до учрежденія духовной семинаріи. Историческій очеркъ А. Лотоцкаго. (*Изъ Под. Епарх. Вѣдом. 1898 года*). *Кам.-Подольскъ, 1898. 8 д. л. 47 стр.*

Брошюра заключаетъ въ себѣ обстоятельный сводъ печатныхъ извѣстій по вопросу о состояніи образованности духовенства въ Украинѣ вообще и въ Подоліи, въ частности,—до конца XVIII ст.. Начавъ съ древнѣйшихъ временъ, авторъ говоритъ затѣмъ о просвѣтительной роли монастырей (Ладавскаго, Бакотскаго, Кіево-Печерскаго) и останавливается подробнѣе на приходскихъ школахъ, которыя, нося элементарный характеръ, спеціальной задачи—приготовленія людей къ духовному званію—не имѣли. Эти школы сохранились до конца XVI ст. когда въ Украинѣ стали возникать братства. Братства-же, въ особенности Львовское и второстепенныя, вродѣ Каменецкаго, Шаргородскаго, Могилевскаго, главною своею цѣлью поставили

образованіе кандидатовъ духовенства и тѣмъ наиболѣе содѣйствовали образованію, не только духовенства, но и народа вообще. Такъ въ братскихъ школахъ свѣтскихъ учениковъ всегда бывало больше, чѣмъ дѣтей духовенства. Спеціальныя духовныя школы появляются лишь въ XVIII ст., но и то на лѣвомъ, а не на правомъ берегу Днѣпра, куда, впрочемъ, не мало поступало уроженцевъ и Подоліи. По отдаленности кіевскихъ и лѣвобережныхъ училищъ, дѣти подольскаго духовенства принуждены были поступать въ мѣстныя иновѣрныя школы, какъ напр. въ коллегіи іезуитовъ въ Барѣ, Каменцѣ, Винницѣ, учебныя заведенія ордена піаровъ, уніатскія базиліанскія училища (Каменецкое, Шаргородское, и Барское—подокружныя и Винницкое—окружное), школы на kaptantstwo (напр. въ Каменцѣ). Говоритъ авторъ и о дьячковскихъ школахъ, которыя поставляли самый значительный контингентъ кандидатовъ священства въ виду нежеланія большинства поступать въ иновѣрныя школы.

В. Д.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

— *Каталогъ украинскихъ древностей коллекціи В. В. Тарновскаго.* Съ прилож. 16-ти табл. фототипн. снимковъ. Кіевъ. 1898. 4 д. л. 86 стр. и таблицы.—Будетъ данъ отзывъ.

— *Прикарпатская Русь въ XIX вѣкѣ, въ біографіяхъ и портретахъ замѣчательныхъ людей, которыхъ 1772 р. заставъ при жизни. Т. I. Львовъ.* Подъ такимъ заглавіемъ, по сообщенію «Буковины» (№ 238—239) вышелъ первый выпускъ 1-го тома изданія, предпринятаго извѣстнымъ галицкимъ библіографомъ Ив. Ем. Левицкимъ. Издатель желаетъ: «представить по возможности полну картину нашего національнаго и культурнаго движенія въ текучимъ вицѣ». По его разсчету, трудъ этотъ будетъ заключать въ алфавитномъ порядкѣ около 2000 біографій замѣчательныхъ народныхъ дѣятелей. *Прикарп. Русь* будетъ выходить, начиная съ ноября 1898 г., каждые два мѣсяца по 7-ми печ. листовъ, съ портретами. Всѣхъ выпусковъ предположено 60, которые составятъ 6 томовъ. По выходѣ перваго тома этого изданія о немъ будетъ данъ болѣе полный отзывъ.

— *Исторія Россіи. Соч. И. Иловайскаго. Тома IV-го вып. 2-ой. Эпоха Михаила Федоровича Романова. М. 1899. 8 д. л. VII 375. Ц. 2 р.*

Здѣсь, между прочимъ,—гл. XII.—Успѣхи церковной уніи въ зап. Руси и митр. Петръ Могила и гл. XIII—Украина, казачество и еврейство въ перв. пол. XVII в.—Будетъ данъ отзывъ.

—

— *Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губ. Очерки по этнографіи края. Изд. Харьк. стат. ком. Ред. В. В. Иванова, Т. I. 1898.*—Этнографическій матеріалъ, собранный въ Старобѣльск. у. народными учителями и учительницами: численный и этнограф. составъ населенія, экономич. и семейный его бытъ; языкъ, наружный видъ, одежда, пища, жилища, нравственное и умствен. состояніе, религія и народная демонологія, ботаника и зоологія; повѣрья, обряды, игры и забавы, народная поэзія: пѣсни, сказки, преданія, заговоры, пословицы.

—

— *Записки наук. товариства имени Шевченка.* 5-я книга за 1898 г.— «Молотовське срібро,» археол. замітка М. Грушевського.—Приписки до зносинъ П. Дорошенка зъ Польщею в 1670—2 р. Олега Целевича.—1 и 2 падол. 1848 р. у Львові. Юл. Левицького.—Юбилей укр.-руськ. литературы.—Miscellanea.—Наукова Хроніка.—Библіографія».

—

— *Зависимость «Ревизора» Гоголя отъ комедіи Квитки «Пріѣзжій изъ столицы». Волкова.* Спб. 1899. Ц. 60 к.

—

Малороссійскій Сборникъ повѣстей, сценъ, разсказовъ и водевилей извѣстныхъ малороссійскихъ писателей. М. 1899. 8 д. л. 388 стр. Ц. 1 р. 75 к.

—

— Въ Универс. Изв. (Кіевск. университета), за 1898 г., № 11, началось печататься сочиненіе В. В. Волка—Карачевскаго: *Борьба Польши съ козаками во второй полов. XVII и началъ XVIII вѣка*, удостоенное истор.-филол. факульт. золотой медали. Событія доведены до к. 1659 г. (стр. 1—51).

—

— Тамъ же, № 12, напечатана *Баркулабовская лѣтопись*, приготовленная къ печати М. В. Довнаромъ-Запольскимъ. Лѣтопись уже была издана Кулишомъ въ 1-мъ томѣ *Матер. для истор. возсоединенія Руси* (стр. 45—89) и теперь перепечатывается, по словамъ г. Довн.-Запольскаго, въ виду «неисправности изданія» Кулиша и рѣдкости его книги. «Подробности о рукописи и самой лѣтописи» будутъ напечатаны, въ «Извѣст.», засимъ.

—

— Во 2-мъ вып. VIII-го года *Живой Старины* (1898 г.) начата печатаніемъ ст. г. Дм. Абрамовича—*Село Коснище, Владим.-Вол. уѣзда. Волынск. губ.* (184—202) Содержаніе: говоръ, склоненія и спряженія, пословицы и поговорки, пѣсни и крестьянская свадьба.

ВЪ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

Кіевъ, Безаковская ул., д. № 14,

въ теченіе 1898 года, въ числѣ другихъ, поступили слѣдующія книги:

А.

Афанасьевъ-Чужбинскій Собраніе сочиненій. 9 томовъ. Спб. Ц. 15 р.

*) **Андріевскій.** „Давыдова Боженка.“ Брош.-оттискъ. Цѣна 25 к.

Б.

*) **Бабуся съ того свиту.** Оповидання про померши души. Спб. 1861 г. Ц. 10 к.

*) **Барвінській.** Бесіда, виголошена на музикально-декляматорськім вечері у Львові в XIV роковини смерти Шевченка. У Львові, 1875. Ц. 10 к.

Бораковскій. Риздвяный вечиръ. Комедія. Ц. 25 к.

Билецькый-Носенко. Прыказкы. Кіевъ, 1871. Ц. 2 р.

Р. Б. Хома Баглай. Поэма. Черниг., 1898. Ц. 10 к.

Батькове вищовання та инше. Черн., 1898. Ц. 3 к.

В.

Викторовъ-Пархомевычъ. Чумакъ, або сыроту и осинне сонечко прыгріє. Оперетта. Кіевъ, 1891. Ц. 40 к.

Ванченко. Вечиръ на хуторн, або Васыль та Галя. Водевиль. Кіевъ, 1889. Ц. 20 к.

*) **Вовчокъ, М.** Выкупъ. Оповидання. Спб., 1862. Ц. 10 к.

*) **Вовчокъ, М.** Ледащиця. Оповидання. Спб., 1862. Ц. 10 к.

*) **Вовчокъ, М.** Сестра. Оповидання. Спб., 1862. Ц. 15 к.

Веселый оповидачъ. Изд. Гринченка. Черниг., 1898. Ц. 20 к.

Г.

Ганько. Якъ дбаешъ, такъ и маешъ. Полтава, 1898. Ц. 3 к.

Гаврышъ. Пылыпъ Бандура. Рогатый сватъ и др. и Голка (Стороженка). Черкассы, 1898. Ц. 12 к.

Грыгоренко. Наши люде на сели. Юрьевъ, 1898. Вып. I—15 к., вып. II—30 к., вып. III—35 к. Всѣ три выпуска въ одной книгѣ—80 к.

Грушевскій. Барское староство. Историческіе очерки. Кіевъ, 1894. Цѣна 2 р. 25 к.

Грушевскій. Къ вопросу о Болоховѣ. Брошюра-оттискъ. Ц. 15 к.

Грушевскій. Барская околичная шляхта до конца XVIII в. Брош.-оттискъ. Ц. 20 к.

Гоголь, Н. В. Собраніе сочиненій, 5 томовъ. Спб., 1898. Ц. 6 р.

Грабына. Весинни грозы. Казка. Кіевъ, 1885. Ц. 40 к.

Грабына. Старосвитськи казкы. Ц. 10 к.

Грабына. Новосвитськи казкы. Ц. 10 к.

*) **Гриненко.** Де що изъ перекладивъ и самостайныхъ творивъ. Елисаветградъ. Ц. 50 к.

Грабъ. Кобза. Черниг., 1898. Ц. 35 к.

*) **Гаццукъ, М.** Ужинокъ ридного поля. М., 1862. Ц. 3 р.

Д.

Дивка-чорнобрывка и сорокъ розбійныкивъ. Кіевъ, 1890. Ц. 5 к.

*) **Днипрова Чайка.** Знахарка. Оповидание. Одесса, 1885. Ц. 5 к.

Довгоязыка Хвесьна. Кіевъ, 1889. Ц. 10 к.

Дума про Гандж Андыбера. Харьк., 1886. Ц. 5 к.

---

*) означаетъ библіографическія рѣдкости.

Думы: Про турецьку неволю и Самійла Кишку. Этногр. трудъ В. Чайченка. Кіевъ, 1886. Ц. 15 к.

Дикаревъ. Воронежскій этнографическій сборникъ. Воронежъ, 1891. Цѣна 1 р.

Добрый звиръ. Сирко. Вирный кинь. Черниговъ, 1898. Ц. 5 к.

Ж.

Житецкій, П. Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ. Кіевъ, 1893. Цѣна 2 руб.

З.

*) **Записки** Юго-Запада. Отд. Императорскаго Русск. Геогр. Общества. Т. II. Кіевъ, 1875. Ц. 2 р.

И.

Ивась Удовыченко (Народня дума) К., 1890. Ц. 5 к.

К.

Кропивницкій. Повный збирникъ творивъ. Выдання трете. Харьк., 1895. Ц. 3 руб. 50 коп.

Кропивницкій. По ревизіи. Этюдъ. Харьк., 1894. Ц. 20 к.

Колосны. Збирникъ казокъ та оповиданнивъ. Черниговъ, 1898. Ц. 12 к.

Карнаушенко. Изъ Малороссіи. Одесса, 1897. Ц. 10 к.

*) **Казюка**. Січові гості. Чуприна и Чортоусъ. Спб., 1862. Ц. 20 к.

*) **Казюка**. Цівпівника. Гишпанська казочка. Спб., 1861. Ц. 5 к.

Квитка. Маруся. Повисть. Харьк., 1887. Ц. 20 к.

Квитка. Конотопська видьма. Харьк., 1887. Ц. 20 к.

Квитка. Сердешна Оксана. Москва, 1894. Ц. 25 к.

Квитка. Отъ тоби й скарбъ. Харьк., 1887. Ц. 6 к.

Квитка. Добре робы, добре й буде. Харьк., 1887. Ц. 10 к.

Квитка. Перекотыполе. Харьк., 1887. Ц. 10 к.

Квитка. Козырь-дивка. Харьк., 1887. Ц. 12 к.

Квитка. Лысты до любезныхъ землякивъ. Харьк., 1887. Ц. 6 к.

Квитка. Мертвецькый великдень. Харьк., 1887. Ц. 6 к.

*) **Кулішъ**. Циганъ. Уривокъ казки. Спб, 1861. Ц. 3 к.

*) **Короленко**. Черноморцы. Спб., 1874. Ц. 1 р.

Кониссиій. Жизнь украинскаго поэта Т. Г. Шевченка. Съ портретами его друзей и рисунками. Одесса, 1898. Цѣна 1 р. 75 к.

Коваленко. Иванъ Котляревскій. Біографическій очеркъ; съ портретомъ. Черниг., 1898. Ц. 15 к.

*) **Коніссній**. Арихметика, або щотниця для сільскихъ шкілъ. Спб., 1862. Ц. 50 к.

> **Каталогъ украинскихъ древностей коллекціи В. В. Тарновскаго**, съ приложеніемъ 16-ти таблицъ фототипныхъ снимковъ. Кіевъ, 1898. in 4o. (Роск. изданіе). Ц. 6 р.

Л.

*) **Луна**. Украиськый альманахъ на 1881 г. Ч. I. Кіевъ, 1881. Ц. 50 к.

*) **Левицкій. Ив.** Перші кіівські князі: Олег, Игорь, Святослав і святий Володимер і ёго потомки. К., 1876. Ц. 20 к.

*) **Левицкій Ив.** Прыятели. Кіевъ, 1887. Ц. 10 к.

*) **Листи съ хутора**. I и II, III, IV и V. Спб., 1861—62. Цѣна за всѣ пять 50 коп.

Левицкій. Ор. Опытъ изслѣдованія о лѣтописи самовидца. Кіевъ, 1878. Цѣна 50 коп.

Левицкій Ор. Афанасій Филипповичъ, игуменъ Брестъ-Литовскій. Кіевъ, 1878. Ц. 25 к.

М.

Махновськый. Оповидання про висну и доктора Дженнера. Черниг., 1898 г. Ц. 5 коп.

Н.

Нельговская. Не все такъ робыться, якъ хочеться. Водевиль. Кіевъ. 1892. Ц 30 к.

О.

Озерская-Нельговская. Маруся Чураивна. Историческа поэма 1652 року. Кіевъ, 1896. Ц. 20 к.

Олексій Поповычъ. Маты удова и тры сыны. Сестра и братъ. Народни думы. К., 1890. Ц. 5 к.

О прошломъ Подоліи. Кам.-Под., 1895. Ц. 15 к.

Острожынськый. Пый, та дило розумій. Бердичевъ. 1898. Ц. 5 к

*) **Очаніська біда**. Козацьке оповідання. Спб., 1861. Ц. 10 к.

П.

Памяти Максимовича. Кіевъ, 1898. Ц. 50 к.

Петровъ, Н. Историческій взглядъ на взаимныя отношенія между сербами и русскими въ образованіи и литературѣ. Кіевъ, 1876. Ц. 60 к.

Петровъ, Н. Описаніе рукописей церковно-археологическаго музея при кіевской духовной академіи. В. 2-й. Кіевъ, 1877. Ц. 1 р. 50 к.

Петровъ, Н. То-же. В. 3-й. Кіевъ, 1879. Ц. 1 р. 50 к.

Петровъ, Н. Древнія изображенія св. Владиміра. Кіевъ, 1888. Ц. 10 к.

Петровъ, Н. Чествованіе памяти св. Владиміра на Югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ. Кіевъ, 1888. Ц. 10 к.

Петровъ, Н. Историко-топографическіе очерки древняго Кіева. Кіевъ, 1897. Ц. 1 р. 75 к.

Петровъ, Н. Кіевская академія во 2-й половинѣ XVII в. Кіевъ, 1895. Цѣна 1 руб.

Петровъ, Н. Коллекція древнихъ предметовъ и монетъ, пожертвованныхъ Н. А. Леопардовымъ. Кіевъ, 1895. Цѣна 50 коп.

Петровъ, Н. Монеты великаго князя кіевскаго Изяслава Ярославововича. (1054—1073). Ц. 10 к.

Петровъ, Н. Начало греко-болгарской распри и возрожденія болгарской народности. Кіевъ, 1886. Ц. 60 к.

Петровъ, Н. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. В. I. М. 1898. Ц. 2 р.

Петровъ, Н. То-же. В. II. М. 1897. Ц. 2 р.

Петровъ, Н. Очерки исторіи украинской литературы XIX стол. Кіевъ, 1884. Цѣна 3 руб.

Петровъ, Н. Указатель церковно-археологическаго музея при кіевской духовной академіи. Кіевъ, 1897. Ц. 1 р. 75 коп.

Пущанськый. Перлы фантазіи югового русського народу. Николаевъ, 1894. Ц. 15 к.

Путеводитель по Кіеву и его святымъ мѣстамъ. Кіевъ, 1898. Ц. 35 к.

Подольскіе архипастыри. Кам.-Под., 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Р.

Р—а. Вовче лыхо. Оповидання. К. 1890, Ц. 5 к.

Руданській. Співомовки. Кіевъ, 1880. Ц. 40 к.

С.

Стороженко. Украинськи оповидання. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Сѣцинскій. Древнѣйшія церкви въ Подоліи. Вып. II—Кам.-Под., 1890. Ц. 10 к.; вып. III—Кам.-Под., 1890. Ц. 20 к.; вып. IV—К.-Под., 1892. 10 к.

Сѣцинскій. Матеріалы для исторіи монастырей Подольской епархіи. К.-Под., 1891. Ц. 1 р. 50 к.

Сѣцинскій. Историческія свѣдѣнія о приходахъ и церквахъ Подольской епархіи. I. Каменецкій уѣздъ. Кам.-Под., 1895. Ц. 2 р.

Сѣцинскій. Городъ Каменецъ-Подольскій. Кіевъ, 1895. Ц. 2 р.

*) **Степовыкъ.** Оповидання про конияхъ. Кіевъ, 1882. Ц. 50 к.

*) **Сумцовъ.** Малорусская географическая номенклатура. Кіевъ, 1886. Цѣна 50 коп.

*) **Сумцовъ.** Къ вопросу о вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу. Кіевъ, 1886. Ц. 40 к.

*) **Сумцовъ.** Мѣстныя названія въ украинской народной словесности. К., 1886. Ц. 40 к.

*) **Сумцовъ.** Религіозно-миѳическое значеніе малорусской свадьбы. Кіевъ, 1885. Ц. 40 к.

*) **Сумцовъ.** Іоаннъ Вишенскій. К., 1885. Ц. 40 к.

*) **Сѣлецкій.** Колдовство въ Юго-Зап. Руси въ XVIII ст. Брош.-оттискъ. Цѣна 50 коп.

*) **Семейная хроника и воспоминанія** князя Бориса Ивановича Куракина. Брош.-оттискъ. Ц. 40 к.

Спилка. И. На чужій сторони. Харьковъ, 1899. Ц. 5 к.

Т.

Тарасенко. Кырыло. Святова поэма. Кіевъ, 1896. Ц. 5 к.

З. Т. Верба и зирка. Казка. К., 1890. Ц. 5 к.

Тобилевичъ. Сто тысячъ. Комедія. Черкассы, 1898. Ц. 10 к. и 8 к.

Тобилевичъ. Розумный и дурень. Комедія. Черкассы, 1898. Ц. 10 к. и 8 к.

Теодоровичъ. Волынь въ описаніяхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ. T. IV. Староконстантиновскій уѣздъ. Почаевъ, 1899. Ц. 3 р.

Труды комитета для историко-статистическаго описанія Подольской епархіи. Вып. II. К.-Под. 1878. Ц. 1 р. 50 к.; вып. IV—К.-Под., 1889, Ц. 1 р. 50 к.; вып. V—К.-Под., 1890. Ц. 1 р. 50 к.; вып. VI—К.-Под., 1892. Ц. 2 р.; вып. VII—

К.-Под., 1895. Ц. 2 р.; вып. VIII—К.-Под., 1897. Ц. 2 р.

У.

Устенко-Гармашъ. Бова-Королевычъ, чоловикъ Полтавськый, богатырь басурманськый та инше. Казкы. Кіевъ, 1896. Ц. 25 к.

Устенко-Гармашъ. Майська ничъ. Комедія. Кіевъ, 1895. Ц. 15 к.

Х.

Хведоровычъ. Збирнычокъ украинськыхъ писенъ. Зъ нотами. Одесса. 1896. Ц. 30 коп.

Ц.

*) **Царинный.** Литви красы. Кіевъ, 1884. Ц. 15 к.

Ч.

Чайченко. Нови писни и думы. Кіевъ, 1887. Ц. 25 к.

*) **Чайченко.** Бидный вовкъ. Харьк., 1885. Ц. 3 к.

Чайченко. Писни. Хар., 1885. Ц. 15 к.

*) **Чайченко.** Про гримъ та блыскавку. Харьк., 1883. Ц. 5 к.

Чайченко. Скарбъ та други вирши. К., 1892. Ц. 5 к.

Чайченко. Середъ крыжаного моря. Ц 15 коп.

Чайченко. Олеся, Грыцько, Украла. Оповиданея. Москва, 1892. Ц. 10 к.

*) **Чумакы,** або смутни часы. Черниговъ, 1864. Ц. 2 р.

Чарнецкій. Историческія свѣдѣнія о бывшихъ въ Шаргородѣ духовной семинаріи и училищѣ. К.-Под., 1894. Ц. 25 к.

Ш.

Шевченко. Катерына и Перебендя. Одесса, 1888. Ц. 5 к.

Шостаковскій. Нещаслыва доля. Орелъ, 1891. Ц. 50 к.

Шостаковскій. Бурсакъ. Жартъ въ 1 дію. Миніатюрное изданіе (64о). Кіевъ, 1892. Ц. 10 к.

Щ.

Щоголевъ. Слобожанщына. Лирна поэзія. Харьковъ, 1898. Ц. 1 р.

Э.

Эварницкій. По слѣдамъ запорожцевъ. Спб., 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ. Съ картами. Спб., 1898. Цѣна 2 р. 50 к.

Эварницкій. Исторія запорожскихъ козаковъ. Съ рисунками и картами. Три тома. Ц. 4 р. за каждый томъ.

Я.

Яйце-райце. Народня казка. Кіевъ, 1898. Ц 5 к.

Якъ линывыхъ учыты та розумъ куповаты. Кіевъ, 1892. Ц. 5 к.

Яворовскій. Религіозная жизнь въ Подоліи въ концѣ прошлаго вѣка, передъ возсоединеніемъ ея съ Россіей. К.-Под., 1896. Ц. 10 к.

Янушевскій. Историческія свѣдѣнія о Тульчинскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ. К.-Под., 1892. Ц. 10 к.

Янушевскій. Очерки церковной и гражданской жизни Подоліи. К.-Под., 1891. Ц. 25 к.

Ящуржинскій. Лирическія пѣсни малорусскаго народа. Ц. 1 р.

Кіевъ, тип. Императорскаго Унив. св. Владим. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Дозволено ценэурою. Кіевъ. 22 Января 1899 г.

ОБЪ ИЗДАНІИ
КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1899 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностью Университета и различныхъ его частей.

Согласно, съ этой цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи разпредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и ино-

странной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1899 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредствено въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ В. Иконниковъ.

1899 годъ **изданія годъ II.**

Открыта подписка на выходящее 20 разъ въ годъ, т. е. по одному разу въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (май, іюнь, іюль, августъ) и по два раза въ остальное время, иллюстрированное изданіе безъ предварительной цензуры.

„Журналъ Журналовъ и Энциклопедическое Обозрѣніе“.

Въ 1898 году были напечатаны слѣдующія оригинальныя статьи: проф. H. Beaunis—Гипнотизмъ и внушеніе; d-r Gustave Le Bon—Замѣтки о соціализмѣ; проф. Léon Bonnet—X-лучи Рентгена. Радіоскопія и радіографія; проф. Julius Wiesner—Потребленіе свѣта растеніями; d-r Havelock Ellis—1) Вліяніе смѣшенія расъ на происхожденіе генія, 2) Международный языкъ будущаго; В. Ф. Головачевъ—О значеніи флота для Россіи на основаніи исторіи; И. А. Гриневская—1) Альфонсъ Додэ, 2) Сканд. выставка, 3) Альма Тадема, 4) Георг. Гауптманъ; проф. Н. Коркуновъ—1) Доменико Гирландайо и вновь открытая во Флоренціи его фреска, 2) Экономическія теоріи государства; проф. Cesare Lombroso—1) Послѣдствія американской побѣды, 2) Типъ преступной женщины; М. М. Манасеина—О деньгахъ и богатствѣ; проф. Д. И. Менделѣевъ—Золото изъ серебра; проф. A. Mosso—Обсерваторія на Монрозѣ и альпійская станція; проф. Max Müller—О совпаденіяхъ

(съ примѣч. Тріема); Л. Е. Оболенскій—Дикость современныхъ западно-европ. народныхъ массъ и ея причины; проф. Elie Reclus—О чародѣйствѣ и волшебствѣ у первобытныхъ народовъ; проф. Charles Richet—1) Задачи воздухоплаванія въ 1897 году, 2) Стремленіе къ жизни и теорія конечныхъ причинъ; проф. Л. Саккети—Задачи искусства; прив.-доц. Спб. унив. В. Серафимовъ—Новости астрономіи; акад. кн. И. Р. Тархановъ—1) Неожид. научн. наслѣдіе стараго года, 2) О періодичности въ явленіяхъ жизни, 3) Физич. энергіи природы въ качествѣ цѣлебн. силъ, 4) О чувствѣ оріентированія у голубей, 5) Почтовые голуби, 6) О закаливаніи человѣка, 7) О нейронахъ, 8) Физіол. и психол. обезглавленія, 9) Рентгеновы лучи и Ѳемида, и др.; Тріемъ—О томъ, что было, но прошло и былью поросло; и другія статьи разныхъ авторовъ.

Кромѣ оригинальныхъ статей, не появлявшихся до сего времени въ печати и написанныхъ большею частью спеціально для журнала выдающимися учеными и мыслителями какъ русскими, такъ и иностранными, въ отдѣлѣ „Изъ журналовъ" печатаются экстракты замѣчательнѣйшихъ статей, и статей извѣстнѣйшихъ авторовъ, появляющихся въ русской или иностранной періодической прессѣ, а также критика и библіографія, обозрѣніе русскихъ и иностранныхъ журналовъ, смѣсь, гигіена и здоровье и пр. Въ программу журнала входитъ: науки естеств., медиц., физико-математ., исторія и обществ. науки, философія, метафизика, психологія, литература, искусства, критика и т. д.

Въ отдѣлѣ „Изъ журналовъ" помѣщены были между прочимъ статьи слѣдующихъ авторовъ: Gabriel D'Annunzio, проф. М. Антокольскій, проф. Berthelot, d-r A. Binet, проф. D. Brinton, проф. W. Crookes, Léon Daudet, Ѳ. М. Достоевскій, E. Faguet, астрон. C. Flammarion, проф. A. Fouillée Daniel Halevy, d-r Havelock Ellis, Папа Левъ XIII, Raphael Lévy, проф. Cesare Lombroso, проф. Paola Mantegazza, проф. G. Maspero, проф. И. Мечниковъ, проф. Max Müller, Фритіофъ Нансенъ, d-r Max Nordau, проф. Оршанскій, К. П. Побѣдоносцевъ, d-r Félix Regnault. проф. Elisée Reclus, проф. Charles Richet, Ed. Rode, А. Г. Рубинштейнъ, Ж. Ж. Руссо, астрон. G. V. Schiaparell, Генрихъ Сенкевичъ, W. Stead, Gabriel Tardo, граф. Л. Н. Толстой, проф. Tompson, И. С. Тургеневъ и мн. друг.

Отдѣлъ наукъ естеств. и медицинскихъ при сотрудничествѣ и подъ наблюденіемъ акад. кн. И. Р. Тарханова, исторіи — при сотрудничествѣ В. Ф. Головачова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	на годъ.	на 1/2 года.
На дешевое изданіе безъ доставки и пересылки. . . .	5 р.	3 р.
„ „ „ съ достав. „ „	6 „	4 „
На роскошное изданіе съ достав. „ „	10 „	6 „
За границу деш. изд.	9 „	5 „
„ „ роск. изд..	14 „	8 „

Отдѣльные номера дешеваго изданія по 75 коп., роскошнаго изданія по 1 руб.

Роскошное изданіе печатается на лучшей бумагѣ съ улучшенными иллюстраціями и иногда съ увеличеніемъ ихъ количества. Разсрочка на дешевое изданіе съ пересылкою и доставкою при обращеніи непосредственно въ контору журнала допускается со взносами не менѣе 1 р. ежемѣсячно съ 1 января.

Подписка и продажа отдѣльныхъ №№ во всѣхъ значительныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ журнала.

Редакторъ-издатель *И. П. Кондыревъ.*

Контора и редакція: СПБ., Гороховая, 13 (уголъ Б. Морской).

Въ 1899 году „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ «Извѣстій» составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволожья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи:

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ „Извѣстіяхъ“ принимаютъ участіе: проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), А. А. Диваевъ, М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), акад. В. В. Латышевъ, В. К. Магницкій, Н. М. Мартьяновъ (Минусинскъ). В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Смолен.) Н. Н. Пантусовъ (Вѣрный), Н. М. Петровскій, П. А. Пономаревъ, Г. Н. Потанинъ (С-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), В. М Терехинъ (Пенза), проф. А. А. Штукенбергъ, И. Н. Юркинъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ „Извѣстій“ является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція „Извѣстій“ считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ для отчетовъ о новостяхъ финской, венгерской и скандинавской литературъ.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 р. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р. получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

„Извѣстія“ выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

А. А. Ѳомина. XVIII). Памяти Мацкевича (1798—1855 г.)—В. В. Каллаша. XIX). 1898-й годъ въ политическомъ отношеніи—В. А. Гольцева. XX). Современное искусство.—Ан. и М. С. Карелина. XXI). Поэты переходного времени.—М. А. Протопопова. XXII). Смѣна. Боярство и дворянство.—В. О. Ключевскаго. XXIII). Внутреннее обозрѣніе: 1898 г. XXIV). Библіографическій отдѣлъ. XXV). Объявленія.

Подписная цѣна на 1899 г. (двадцатый годъ изданія).

Цѣна съ достав. и перес.: на годъ		9 м.	6 м.	3 м.	1 м.
Во всѣ города Россіи:	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
Заграницу.	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	—

Для годов. подписч. допускается разсрочка: при подп., къ 1-му апр., къ 1-му іюля и 1-му окт. по 3 р. Подписка принимается въ Москвѣ, Шереметевскій пер., д. Шереметева, кв. 28, въ к—рѣ редакціи. Въ СПБ., въ кн. мг. Н. П. Карбасникова Литейный, 46. Въ Кіевѣ, въ кн. мг. Н. Я. Оглоблина. Въ Варшавѣ, въ кн. мг. Н. П. Карбасникова. Новый Свѣтъ, 69. Въ Вильнѣ, въ кн. мг. Н. П. Карбасникова. При редакціи открытъ магазинъ русск. и иностр. книгъ (Б. Никитская, д. Вельтищевой), съ пріемомъ подписки на журналы, газеты и словари Брокгауза и Гранта. Кн. мг. принимаетъ на коммиссію постор. изданія и высылаетъ по первому треб. всѣ существующ. въ продажѣ книги и ноты, также принимаетъ на себя составленіе народн. и др. библіотекъ на какія угодно суммы и даетъ требуемыя справки по составл. народн. и школьн. библіотекъ и складовъ для продажи книгъ.

Редакторъ-Издатель *В. М. Лавровъ*.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ

„Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій".

„Варшавскія Университетскія Извѣстія" заключаютъ въ себѣ два отдѣла: оффиціальный и ученый. Въ первомъ отдѣлѣ печатаются: 1) сокращенные протоколы засѣданій Совѣта Университета, 2) обозрѣніе преподаванія по полугодіямъ и свѣдѣнія о личномъ составѣ Университета, 3) извлеченія изъ отчетовъ о состояніи и дѣятельности Университета, 4) отчеты профессоровъ и преподавателей объ учебныхъ командировкахъ, 5) актовыя рѣчи профессоровъ, 6) отзывы о диссертаціяхъ докторскихъ, магистерскихъ и pro venia legendi, 7) программы университетскихъ лекцій, 8) сочиненія студентовъ, удостоенныя награды золотою медалью и 9) отзывы о медальныхъ сочиненіяхъ. Во второмъ отдѣлѣ печатаются научныя статьи профессоровъ, преподавателей и другихъ лицъ, служащихъ при Университетѣ, а также вступительныя лекціи профессоровъ и преподавателей; въ зависимости отъ состоянія средствъ „Извѣстій", въ этомъ отдѣлѣ печатаются также курсы университетскихъ лекцій, диссертаціи и другіе научные труды большаго объема.

Въ прибавленіяхъ печатаются таблицы метеорологическихъ наблюденій и списки книгъ, поступающихъ въ библіотеку Университета, при чемъ эти списки издаются одинъ разъ въ годъ въ видѣ особаго приложенія къ майской книжкѣ „Извѣстій".

„Варшавскія Университетскія Извѣстія" выходятъ 9 разъ въ годъ (въ концѣ каждаго учебнаго мѣсяца) книжками въ размѣрѣ до 12 печатныхъ листовъ каждая. Годовая подписная цѣна—5 руб. съ пересылкою. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ профессоръ *Ѳ. Леонтовичъ.*